

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

1700

И Ю Л Ъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1815

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

I.	Переговоры о мирѣ Аннибала съ Сципіономъ передъ сражені- емъ при Замѣ. - - -	1
II.	Отборныя мысли изъ Творе- ній Лорда Болингброка. -	11
III.	Кассандра въ чертогахъ Ага- мемнона. - - - -	30
IV.	Пѣснь, во славу Благосло- веннаго. - - - -	50
V.	Друзья. Идиллія XII я. -	54
VI.	Свиданіе. - - - -	58
VII.	Разлука. - - - -	63
VIII.	Въ Альбомъ противъ Альбо- мовъ. - - - -	65

Оглавленіе.

Стран.

IX. Пугливой мужъ. - - - 71

X. Членіе пятое въ бесѣдахъ
Любителей Словесности въ
Москвѣ. - - - 72

I.

ПЕРЕГОВОРЫ О МИРѢ АННИБАЛА СЪ СЦИПІОНОМЪ ПЕРЕДЪ СРАЖЕНІЕМЪ ПРИ ЗАМѢ.

(Изъ *Тита Ливія*)

Удаливъ на равное разстояніе пѣло-
хранищелей, и оставивъ при себѣ каж-
дый по одному переводчику, сошлись сіи
два Вождя, не токмо своего времени слав-
нѣйшіе, но равные великимъ полководцамъ
и Царямъ вѣковъ и народовъ прешед-
шихъ. — Они воззрѣли другъ на друга,
и пораженные взаимнымъ удивленіемъ, нѣ-
сколько минушъ пребыли безмолвны. Ан-
нибалъ прервалъ молчаніе.

„Я первый, сказалъ онъ, внесъ брань
въ области Рима, и столько разъ имѣлъ
въ рукахъ своихъ побѣду, — и я первый
прихожу просить мира! — Такъ угодно
судьбамъ. Радуюсь, что онѣ привели меня
просить его у Сципіона. Между знамениты-

Книж. VII.

А

ми твоими пріумфами не послѣднимъ будетъ еще и то, Сципіонъ, что Аннибалъ, коему боги даровали столько побѣдъ надъ вождями Римскими, уступаетъ тебѣ. Ты положишь конецъ брани, сколько извѣстной болѣе вашими, нежели нашими потерями! — Подивимся, Сципіонъ, игрѣ собственнаго щастія: я пріять оружіе въ консульство отца твоего; онъ былъ первый вождь Рима, мною побѣжденный. Нынѣ я принужденъ просить мира у сына его! Сколько бы щастливы были отцы наши, если бы боги вдохнули въ нихъ желаніе, быть довольными обладаніемъ: однимъ надъ Италіею, другимъ надъ Африкою; ибо завоеваніе Сициліи и Сардиніи не можетъ награждать даже васъ самихъ достойно за утрату многихъ флотовъ, армій и вождей знаменитыхъ. Впрочемъ удобнѣе порицать прошедшее, нежели его исправлять. Страсть преобладанія до того ослѣпила насъ, что мы теперь едва возможемъ защищать свои собственныя предѣлы. Не вы одни вели брань въ Италіи; и мы зримъ ее въ Африкѣ.

Давно ли знамена Кароагенскія развѣвались при врапахъ Рима? Нынѣ звукъ оружія Римскаго слышенъ въ стѣнахъ Кароагена. Сбылось то, чего мы наиболѣе должны были спрашиваться, а вы — желать! —

Но дѣло идетъ о заключеніи мира въ такое время, когда щастіе вамъ благопріятствуетъ. — Я и ты, Сципіонъ, бесѣдуемъ о мирѣ; мы и тебѣ овъ равно драгоцѣненъ, и что мѣжду нами будетъ положено, Республики ушвердятъ все. — Намъ попребны шокмо крошкія и мирныя чувствованія. Что принадлежитъ до меня, то, возвращаясь старцомъ въ ту страну, которую оставилъ, будучи еще отрокомъ, при моихъ лѣтахъ, моихъ успѣхахъ и бѣдствіяхъ, научился я, повиноваться болѣе разсудку, нежели слѣпому случаю. Но я страшусь твоей юности и непрерывно обольщающаго тебя щастія: то и другое возраждаютъ въ насъ гордость, не вземлющую совѣпамъ чистосердечія и умѣренности. Тотъ, коего щастіе никогда не обманывало, не разсуждаетъ о пре-

врагности будущаго. Ты нынѣ въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ нѣкогда я при Тразименѣ и Каннахъ. Пріавъ начальство надъ воинствомъ въ тѣ лѣта, въ копорыя едва сіе позволено закономъ, ты совершилъ дѣла свои съ такою же удачею, съ какою дерзостію предпринялъ ихъ. Ты мстилъ за смерть отца и дяди. Самыя бѣдствія твоего семейства возвеличили тебя силою мужества и безпримѣрной любви родственной. Римъ потерялъ Испанію; ты разсѣялъ чешыре арміи Карфагенскія, и снова пріобрѣлъ ее. Тебя облекли въ достоинство Консула, и когда предшественники твои едва имѣли твердость, защищать Италію, ты перешелъ въ Африку; ты истребилъ совершенно двѣ арміи, и въ то же время два спана предалъ пламени, плѣнилъ могущественнаго Царя Сифакса, покорилъ множество городовъ, и его и нашихъ; ты Италію, которая 16 лѣтъ была моею добычею, вырвалъ изъ рукъ моихъ! — Послѣ такихъ успѣховъ весьма естественно, что для тебя пріятнѣе побѣды, не-

жели миръ! Знаю Римлянъ : они славу пред-
 почипаютъ пользѣ! — И| меня нѣкогда
 ослѣплялъ блескъ щастія. Естли бы бо-
 ги, даруя намъ блага, надѣляли вмѣстѣ
 и мудростію, тогда мы разсуждали бы
 не о случившемся шокмо, но и о шомъ,
 что случисья можетъ. Нужно ли гово-
 рить о другихъ вождахъ? — Во мнѣ
 одномъ ты зришь разипельный примѣръ
 превращности случая! — Давно ли ви-
 дѣлъ ты побѣдоносный спанъ мой между
 Аніеномъ и Римомъ и воиновъ моихъ, уже
 восходящихъ на спѣны его? шеперь ви-
 дишь меня въ собственномъ опечесствѣ
 моемъ, почти осажденнымъ, пошерявшимъ
 двухъ братій, знаменитыхъ мужесшвомъ
 и искуссшвомъ предводительсшва : ты
 видишь Аннибала, просящаго тебя уда-
 липь отъ Карѣагена ужась, копорымъ
 нѣкогда онъ самъ грозилъ Риму. Чѣмъ
 болѣе щастіе намъ благопріятсшвуетъ,
 тѣмъ менѣе должны мы ему вѣрить.
 При выгодныхъ швоихъ обшоятель-
 ствахъ, при нашихъ сомнительныхъ, миръ,
 даруемый шобою, для тебя славенъ и по-

лезень; для насъ, умоляющихъ объ немъ болѣе необходимъ онъ, нежели честень. Гораздо лучше и безопаснѣе миръ вѣрный, нежели побѣда ожидаемая: первый зависитъ отъ тебя, другая отъ воли боговъ. Не подвергай опасности минувной успѣха великихъ дѣлъ! — Полагаясь на силу войскъ твоихъ, не забывай о могуществѣ счастья и неизвѣстности жребія въ сраженіи. Съ той и съ другой стороны дѣла человѣческія превращаются въ булавъ. Нигдѣ надежда не бываетъ столько обманчива, какъ въ упорной брани. Миръ утвердишь твою славу; она не увеличится, если ты останешься побѣдителемъ; но она погибнетъ, если ты будешь побѣжденъ, и одна минута похититъ у тебя и пріобрѣтенныя почести, и ожидаемыя! Заключая миръ, Сципіонъ, ты располагаешь нашею участію; въ битвѣ ты предаешь ее судьбѣ неиспытанной. Если бы Регулъ, одолѣвъ отцовъ нашихъ, даровалъ имъ миръ; то онъ остался бы вѣчно великимъ образцомъ для полководцевъ; но не полагая предѣловъ своимъ успѣ-

хамъ, не умѣя управлять щастіемъ, паденіе свое содѣлалъ тѣмъ поспыднѣе, чѣмъ выше возвела его судьба. Безъ сомнѣнія дарующій миръ владѣеть правомъ неопъемлемымъ, предписывать условія; но, можешь быть, мы не недостойны того, чѣмъ изъявили при семъ несчастномъ случаѣ и собственныя свои требованія. Мы уступаемъ вамъ всѣ области, пріобрѣтенныя войною: Сицилію, Сардинію, Испанію, острова, находящіеся между Африкою и Италіею, и острова, прилежащія къ самой Африкѣ; ибо такъ угодно богамъ. Мы соглашаемся уступить вамъ право, давать законы народамъ чуждымъ, и владычествовать на морѣ и сушѣ. Мнѣ извѣстно, что ты не вѣришь слову Пуническому съ того времени, какъ Картегенцы показали мало искренности въ желаніяхъ своихъ и требованіяхъ мира. Но прочносъ его, Сципионъ, зависитъ отъ свойства тѣхъ, которые его заключаютъ: недостышокъ достоинства въ послахъ Картегена, былъ причиною, что Римъ отказалъ имъ въ

мирѣ. Теперь — Аннибаль проситъ мира. Я не просилъ бы его, если бы не почиталъ полезнымъ. Та же причина, копорая заспавляетъ меня искать его, заставишь и сохранишь свято. Виновникъ войны, дошолъ украшалъ я профеями моихъ согражданъ, доколъ сами боги не позавидовали моимъ успѣхамъ. Теперь, виновникъ мира, я не потерплю, чшобы онъ былъ стыдомъ для Картагена и упрекомъ для меня!“ —

Вождь Римской произнесъ рѣшительное свое мнѣніе въ сихъ словахъ: „Я вѣдалъ, Аннибаль, чшо ожиданіе швоего возвращенія заспавило Картагенианъ прервать перемиріе, и испребить надежду къ миру. Ты самъ довольно ясно обнаруживаешь сіе, отвергая условія, уже предложенныя, и новыя уступки намъ сдѣланныя, ушверждая за нами только шѣ земли, копорыя уже давно въ нашей власпи. Но ты печешься о томъ, чшобы спасти согражданъ своихъ отъ бремени шягошпаго; и съ моей стороны есть немень-

шая обязанность, возпрепятствовать тому, чтобы выгоды, прежде уже нами приобретённые, не были нынѣ опъяты, и не содѣлались бы цѣною вѣроломства. Вы не заслуживаете уже и первыхъ условій; но хошите воспользоваться вашею измѣною. Нѣтъ; не жажда побѣды заставила опцовъ нашихъ идти въ Сицилію, а насъ въ Испанію. Опасность Мамершинцовъ, нашихъ союзниковъ, вооружила насъ. Раззореніе Сагунта укрѣпило союзъ сей, и мы вели войну изъ одного шокмо чувства состраданія и справедливости. Вы первые начали брань, и это было твоимъ особеннымъ желаніемъ, Аннибаль; боги въ томъ свидѣтели, — боги, которые, и въ настоящей, и прошедшей брани укрѣпляли мышцы, защищавшія правоту. Чтожъ принадлежишь до меня, я вѣдаю слабость человѣка и могущество щасія; я вѣдаю, что предпріятія наши подвержены тысячамъ превратностей. Впрочемъ, есѣли бы прежде нежели перешель я въ Африку, ты Аннибаль, добровольно оставилъ Италію, опплылъ съ своимъ войн-

спвомъ , и просилъ бы мира : тогда отринуть твои предложенія , было бы съ моей стороны высокоуміемъ и жестокостію ! Но поелику я принужденнымъ былъ съ тобою сражаться, и непрерывно раздражать твое честолюбіе , и , такъ сказать , увлещи тебя въ Африку : то въ настоящемъ случаѣ не считаю нужнымъ уважить твои представленія ; впрочемъ ежели сверхъ условій , уже принятыхъ , и о которыхъ ты увѣдомленъ , еще какія потребуются вознагражденія за взятіе нашихъ галеръ , и за оскорбленіе нашимъ посламъ въ продолженіе перемирія , то я представлю сіе моему совѣту. Когда же и первыя условія кажутся для васъ тягостны , то готовьшесь къ битвѣ ; ибо вы сами возненавидѣли миръ.“

Оба вождя , не рѣшивъ ничего , разстались. Они возвратились къ воинамъ , дабы возвесть о бесполезности переговоровъ , и о томъ , что отъ рѣшенія боговъ должны ожидать своей участи.

Сирнѣ,

II.

ОТБОРНЫЯ МЫСЛИ ИЗЪ ТВОРЕНІЙ
ЛОРДА БОЛИНГБРОКА.

Нашъ міръ и, что обширнѣе, вселенная, наполнены множествомъ существъ, которыя всѣ дѣйствуютъ для одной цѣли. Чувственные животныя, на нашемъ шарѣ обитающія, подобно драматическимъ лицамъ зрѣлица, имѣютъ различные характеры и играютъ различныя роли на сценѣ. Безчисленныя часши вещественнаго міра, точно такъ, какъ машины театра, устроены не для актеровъ, но для дѣйствія; и порядокъ, и система Драммы были бы приведены въ разстройство, когда бы мы учинили самадѣйшую въ нихъ перемѣну. Свойство каждаго творенія, образъ его бытія сообразны съ его состояніемъ, съ мѣстомъ, имъ занимаемымъ, и съ ролею, которую оно должно играть. Если бы человѣкъ былъ твореніемъ нижшимъ или вышшимъ того, что онъ есть, то бы его надлежало исключитъ совершенно изъ сей системы. Я не думаю,

чтобы Философы когда-нибудь открыли намъ: для чего каждая вещь есть то, что она есть, или какъ она есть, или, почему не можетъ быть она иначе, нежели, какъ есть, — не подвергая всей системы неудобству гораздо труднѣйшему, нежели какого они желали избѣжать.

Человѣкъ есть главный обитатель сея планеты, — существо высшее всѣхъ прочихъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что вся система, въ которой кругообращается сія планета, или даже и одна сія планета, сотворены для него? слѣдуетъ ли изъ того, что Божественная Премудрость, создавъ человѣка, имѣла цѣлю токмо щастіе одного творенія? Подлинно нѣтъ. Таковыя предположенія не имѣютъ основы, и слѣдовательно неправильны.

Намъ не лѣзя сказать, что мы имѣемъ болѣе причины жаловаться на нещастія, насъ угнетающія, нежели сколько живошныя имѣютъ права жаловаться на свои собственныя. Многіе изъ нихъ ода-

ренны предугадываніемъ будущаго и вліяній физическихъ , гораздо вышшимъ нашего; и всѣ они чувствуютъ настоящее. Поелику Богъ даровалъ намъ умственные способности , гораздо вышія , нежели живописнымъ; поелику Онъ имъ далъ болѣе инстинкта , а намъ болѣе разума: по должно ли Его почитать жестокимъ и неправосуднымъ за то , что Онъ не учинилъ насъ невредимыми и безгрѣшными? Разсудокъ предлагаетъ намъ средства , какъ избѣгать , облегчать , отворачивать отъ себя большую часть бѣдствій , копорымъ мы подвержены; и онъ такъ же долженъ насъ научать — великодушно переносить тѣ , копорыхъ мы ни предвидѣть , ни облегчить не можемъ. Ежелиже мы его употребляемъ для того токмо , чтобы увеличивать ихъ въ нашемъ воображеніи , чтобы жаловаться на нихъ , не имѣя никакого права поступать такимъ образомъ; то мы отъ эаго станемъ смѣшны и безстыдны.

Человѣкъ , говоритъ Гроцій , есть животное , но животное вышшаго рода ,

которое сколько же различно отъ прочихъ живошныхъ, сколько онѣ различны между собою. Сіе предложеніе даетъ ли намъ довольно ясное понятіе? Не возможно, наблюдая живошныхъ, не примѣнить между ними, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ и нѣкоторыхъ образахъ поведенія, не только гораздо вѣрнѣйшій и обширнѣйшій инстинктъ, нежели какъ мы объ этомъ думаемъ, но еще нѣчто походящее болѣе на нижшую степень разсудка, нежели на вышнюю степень инстинкта; это бы мы скоро увидѣли, если бы могли посредствомъ одного наблюденія, и безъ всякаго сообщенія съ ихъ понятіями, точно оплечать ихъ. Какъ бы случаи ни были, какимъ бы образомъ безконечная Премудрость ни разположила вещи, очень легко низпровергнуть частными опытами общее мнѣніе Гроція, и показать, что, по разнымъ отношеніямъ, различіе между нѣкоторыми людьми и нѣкоторыми живошными могло бы показаться менѣе, нежели какое находишся между различными родами жи-

вопныхъ , и даже между живопными одного рода, по крайности, между однимъ человѣкомъ и другимъ. Можешь быть , вышнія существа , разсмапривающія сиспему нашего разумѣнія, не видятъ споль великаго различія между пепциметромъ Гасконскимъ и обезьяною , или между Философомъ Нѣмецкимъ и слономъ, какое находится между человѣкомъ, способнымъ учипь, и между человѣкомъ, не способнымъ къ наученію.

Вещество и распенія не способны мыслишь и разсуждашь. Способность мыслишь въ живопныхъ , копорыхъ мы называемъ чувспенными , гораздо ниже способности человѣческой. Хопя бы я имѣлъ нѣкопорое сходство съ живопными , но я знаю такъ же и преимущества , копорыя надъ ними имѣю. Чувспва дають знашь мнѣ , что я швореніе , способное понимашь , почишашь и любипь моего Создателя , находипь Его волю въ законѣ еспественномъ , и дѣлашь себя щасшлывымъ, повинуюсь Ей; что я болѣе

имѣю возможности, помощію умственныхъ способностей, которыми Онъ одарилъ меня, избѣгать и отвращать отъ себя тѣ злключенія, которыя у насъ съ ними общія; что я, такъ какъ существо разумнѣйшее, нежели онѣ, дѣлая должное употребленіе изъ моего разсудка, бываю иногда ниже ихъ, когда рошу на мое состояніе и на несчастія, которыя соединены съ онымъ; что не лзя обрѣсти совершенной добродѣтели и совершеннаго щастія посреди сыновъ человѣческихъ; что мы должны судить о продолженіи и прочности щастія по нашему болѣе или менѣе вѣрнѣйшему служенію добродѣтели, и что то и другая находятся въ нашей власти: поелику безъ сего не было бы ни одного человѣка ни добраго ни щастливаго въ семъ мірѣ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, нѣтъ ни одной пвари споль злщастной и бѣдной, какъ человѣкъ: онъ оплакиваетъ свою участь при рожденіи; онъ расщепъ, и во всю жизнь свою бываетъ подверженъ нуждамъ, и слабостямъ которыхъ живош-

ныя совсѣмъ не знаютъ. По мнѣнію другихъ, никакой швари не возможно сравнить съ человѣкомъ. Онъ сотворенъ изъ земли; но сія земля, по словамъ Овидія, была оплодотворена сѣменемъ небеснымъ. Онъ былъ созданъ по подобію боговъ, и его самый образъ доказываетъ его божественное происхожденіе. Нѣкоторые напрошивъ того порывались даже унижить разсудокъ и разумѣніе, кои опличаютъ его отъ прочихъ живошныхъ, и коими онъ шолко превозношится.

Ежели люди раждаются слабыми, шакъ какъ и прочія живошныя, ежели они долѣе имѣютъ нужду въ помощи своихъ родителей, будучи не способны доспавлять себѣ пропитаніе; шо это по тому, что имъ нужно болѣе узнать и сдѣлать заранѣе, и что для достиженія будущаго шасстія въ томъ состояніи, въ которое они должны поступить, потребно самое долгое предуготовленіе. Чувство и инстинкты ведутъ живошныхъ къ опредѣленнымъ ихъ концамъ. Нѣкоторыя

Книж. VII.

Б

изъ животныхъ пользуются лучше опытомъ, приобрѣтають болѣе свѣденій, мыслятъ и разсуждаютъ правильнѣе другихъ. Человѣкъ занимаетъ первую степень между всѣми; онъ лучше умѣетъ пользоваться опытомъ, онъ болѣе приобрѣтаетъ познаній, онъ мыслитъ, умспвуетъ лучше нежели всѣ прочія животныя; и шопъ, кто бы родился мало способнымъ къ паковымъ дѣйствіямъ, не былъ бы человекомъ, но какимъ-то существомъ нижшей степени, хотя бы и имѣлъ образъ человека.

Всякое нещасіе между людьми произтекаетъ отъ самопроизвольнаго ихъ невѣжества, которое препятствуетъ имъ обратить вниманіе на то, что они знаютъ, и размысливъ объ томъ, что они дѣлають.

Человѣкъ въ состояніи, посредствомъ даннаго ему разумѣнія, предохранитъ себя отъ нещастій ему угрожающихъ, доставитъ себѣ вещи необходимыя, всѣ

удобности, всѣ жизненныя удовольствія. Онъ легко находить вещи, безъ копорыхъ совершенно не можешь обойтись, и Богъ соразмѣрилъ ихъ со способностями тѣхъ, копорые занимають даже послѣднее мѣсто между разумными шварями. Тапаринъ и дикій равно наслаждаются ими, одинъ въ своей хижинѣ, другой въ своемъ шалашѣ; таково общее состояніе человѣчества! И такъ, на что же мы ропщемъ? Шаспіе человѣка столько же превозходитъ шаспіе прочихъ животныхъ, сколько онъ выше ихъ по достоинству своей природы: не довольно ли эшаго? —

Мы должны думать, что эшаго довольно; но между тѣмъ Богъ учинилъ для насъ еще болѣе. Онъ сотворилъ насъ шасптивными, и далъ намъ возможность, содѣлать себя еще шасптивѣе посредствомъ хорошаго употребленія нашего разсудка, который руководствуетъ насъ ко исполненію нравственныхъ добродѣтелей и всѣхъ должностей общественной жизни.

Человѣкъ подверженъ просудѣ, и точно такъ же, какъ прочія животныя, многимъ тѣлеснымъ болѣзнямъ. Тотъ, кого мы почишаемъ щасливѣйшимъ, бываетъ жертвою заботъ, безпокойствъ и спранныхъ превратностей. Слово *нещастіе* есть такое выраженіе, коего значеніе мы часто увеличиваемъ. Что такое значить нещастіе? Постараемся опредѣлить его со всею точностію. Щастіе, по моему мнѣнію, состоить въ постоянномъ и продолжительномъ послѣдствіи удовольствій и пріятныхъ ощущеній, а нещастіе въ продолжительномъ послѣдствіи непріятныхъ ощущеній. Но нѣтъ ни одного человѣка, который бы испылавъ нещастіе, по собственнымъ способностямъ и состоянію, въ которомъ поставилъ его Богъ, не имѣлъ и средствъ, предохранить себя отъ онаго.

Человѣкъ, безпокоющійся объ нещастіи, могущемъ съ нимъ случиться, не что иное дѣлаешь, какъ присоединяешь новую заботу къ той, которую онъ имѣешь; ибо хотя бы зло, нами пред-

видимое, случилось съ нами, или не случилось, безпокойство, которому себя подвергаемъ, не приноситъ намъ никакой выгоды.

Злоключенія людей крапковременны. Бѣдствія, которыми они подвержены, рѣдко возобновляются, и я думаю, что мало найдется такихъ людей, которые два раза поспрадали бы отъ моровой язвы, или два раза погибли отъ землетрясенія. Но чрезвычайно трудно удовлетворить честолюбію, сребролюбію и прочимъ господствующимъ страстямъ. Люди безирестанно терпятъ всѣ несчастія, которыя отъ нихъ произтекаютъ, и все однако имъ служатъ.

Люди часто по своему произволу предаютъ себя несчастіямъ, на которыя жалуются, если онѣ приключатся по обыкновенному печенію вещей, и даже избираютъ иногда смерть, къ которой столь великое имѣютъ отвращеніе. Вотъ какъ они жертвуютъ собою во всю ихъ

жизнь дѣйствительному и постоянному бѣдствію, которое ничуть не сопряжено по необходимости съ человѣчествомъ ! Однимъ словомъ, несчастія, на которыя они ропщутъ, происходятъ болѣе отъ нихъ самихъ, нежели отъ Бога. Правда, что людей иногда постигаютъ общія бѣдствія, коихъ ни предвидѣть, ни избѣжать не возможно. Таковы на пр. наводненія, землетрясенія, опустошенія Государствъ и областей дикими и грубыми народами; но сіи бѣдствія случающіяся рѣдко. Ихъ можно принять нѣкоторымъ образомъ за наказанія, и за наказанія при томъ полезныя, когда онѣ содѣйствуютъ къ исправленію тѣхъ, которыя ихъ терпятъ, или которыя бывають ихъ свидѣтелями. Ихъ можно разсматривать такъ, какъ дѣйствія естественныя, или такъ, какъ случайности матеріи и движенія въ вещественной системѣ, которая движется по всеобщимъ неизмѣннымъ намъ законамъ. Будучи разсматриваемы въ первомъ случаѣ, онѣ должны заспаивать людей посредствомъ общихъ

и частныхъ дѣйствій богосворить и ува-
жаясь Провидѣніе, управляющее міромъ;
во второмъ случаѣ онѣ могутъ доста-
вить другія размышленія, копорыя такъ
же свою имѣютъ выгоду.

Монпанъ говорилъ, что самое мяг-
чайшее сголовье, на копоромъ мы можемъ
успокоить голову, есть невѣжество. Но
я утверждаю, что это есть безпечность,
Щасливъ тотъ, копорой можетъ гово-
рить: привѣтствую тебя жизнь, какова
бы ни была; щасливъ тотъ, копорой го-
ворить: добро пожаловать смерть, какое бы
свойство ты ни имѣла. Въ послѣднемъ слу-
чаѣ мы, перемѣняя состояніе, не переспаемъ
быть пвореніями Божіими. Онъ насъ учи-
нилъ щасливыми здѣсь долу, Онъ можетъ
содѣлать насъ еще щасливѣе въ другомъ
видѣ сущесгвованія. По крайности я увѣ-
ренъ, что Онъ поступитъ съ нами по со-
вершенствамъ Своей природы, а не по
несовершенствамъ нашей.

Нравственность учишь жить, точно
такъ какъ Логика учишь умствовать и

хорошо излагать мысли; послѣдняя имѣетъ предметомъ — управлять мыслями души, а первая — управлять вождельніями души.

Міръ сей подобенъ большой ярмаркѣ, на которой все обыкновенно идетъ такъ, какъ на деревенскомъ праздникѣ, гдѣ вмѣсто оркестра опивчаеетъ дурная во-лынка.

Внутренняя цѣна человѣка состоить не въ одной бодрости и силѣ; если чело-вѣкъ умѣетъ побѣждать гнѣвъ свой и про-щать, то онъ выше всякаго сравненія.

Прощеніе несовершенно, когда вовсе не забытъ учиненный пропускъ; и не лзя думать, чпобы онъ былъ забытъ, когда по прежнему не продолжаютъ дѣ-лать добра тому, кпо его учинилъ.

Нравы зависятъ отъ темперамента, а темпераментъ и съ переменною климата не переменяется. Естественное свойст-во челоѣка можно сравнить съ наружною формою его тѣлосложенія; и по и другое навсегда оощаются одинаковы.

Здѣшняя жизнь нечто иное какъ сонъ, а жизнь будущая пробужденіе, и люди въ продолженіе сего сна видяшъ шокмо сновидѣнія смѣшанныя и неясныя.

Правосудіе есть непреоборимая крѣпость, построенная на вершинѣ горы неприступной, кошорая не можетъ быть сокрушена ни спремительностію пошковъ, ни силою машинъ.

Судьи уподоблялись нѣкогда обнаженнымъ мечамъ, кошорые заставляли препешать злодѣевъ; но нынѣ нѣкошорые изъ нихъ подобны пуснымъ ножнамъ; пошому что вся цѣль ихъ состоишъ шолько въ шомъ, чшобъ наполнишся золошомъ.

Какой высшей степени славы человекъ можетъ домогашся во время своей жизни, кромѣ шой, чшобъ быть покровишелемъ людей добрыхъ, бичемъ для злыхъ и защитникомъ свободы общешвенной!

Возвышенность (le sublime) въ сердцѣ творитъ побѣдителей; возвышенность въ душѣ творитъ великодушныхъ; возвышенность въ благоразуміи творитъ великихъ полишниковъ; возвышенность въ умѣ творитъ сихъ необыкновенныхъ геніевъ, рожденныхъ для просвѣщенія рода человѣческаго; возвышенность въ вѣрности творитъ сіи чудеса между друзей, споль рѣдкихъ въ обществѣ; возвышенность въ честности творитъ сіи безкорыстные сердца, которыя побѣждаютъ самыя обольстительнѣйшія искушенія.

Не въ ученыхъ правилахъ обрѣтають терпѣніе и силу противу нещастія; и когда мы добродѣтельны токмо съ помощію Философіи, то мы нимало недобродѣтельны.

Хотите ли вы вообще всѣхъ заставить хвалить ваше поведеніе? Не желайте никогда имѣть ни по праву, ни безъ права того, что вамъ не принадлежитъ.

Не старайтесь никогда имѣть ни дружбы, никакой-либо связи съ злобнымъ человѣкомъ; ибо имѣя частое съ нимъ обращеніе, вы непременно привыкните къ какому нибудь пороку, совсѣмъ не замѣчая того.

Замѣчайте всегда то, что есть хорошаго во всякомъ человѣкѣ, и никогда слишкомъ съ черной стороны не смотрите на то, что есть въ немъ дурнаго; прощайте съ охотою другимъ, дѣлайте добро всѣмъ, и въ особенности удаляйтесь общества невѣждъ, упрямцевъ и спорщиковъ.

Мы должны уподобляться симъ покрытымъ листьями и плодами деревьямъ, которыя доставляютъ тѣнь и плоды тѣмъ, кои въ нихъ бросаютъ каменья; или, мы должны подражать наполненной жемчугомъ устрицѣ, которая даетъ жемчугъ свой тому, кто опшимаешь у нее жизнь.

Не дѣлайте никогда себѣ непріятелей подѣ шѣмъ предлогомъ, что вы много имѣете друзей; ибо изъ тысячи друзей, которыхъ вы имѣете, едвали найдется одинъ истинный.

Не дивитесь тому, ежели вы видите, что очень часто болѣе уважають собаку, нежели человѣка, который есть живошное самое жадное. Собака изъ всѣхъ земныхъ благъ ничего не требуетъ, кромѣ кости; а иногда все, что ни есть въ мірѣ, не можетъ удовлетворишь одному человѣку. Ударьте собаку, она за это не оставитъ васъ; переспаньте дѣлать добро человѣку, онъ тотчасъ удалится отъ васъ навсегда.

Я имѣю великое отвращеніе отъ глупцовъ и мошенниковъ; впрочемъ въ обыкновенномъ обхожденіи для меня несноснѣе глупецъ, нежели умный мошенникъ; правда, что всегда надобно держать ухо вѣспро съ послѣднимъ; но когда у него есть умъ, онъ забавляетъ и налагаетъ

нѣкоторую обязанность, по которой мы не бываемъ принуждены платить ему другой монѣтой. Глупецъ точно также, какъ мошенникъ, принуждаетъ насъ быть осторожными, но ничѣмъ за то не вознаграждаетъ; онъ намъ наскучиваетъ, или безпокоитъ насъ, какъ муха.

Не снискивайте привычки насмѣхаться надъ другими: сего порока никто терпѣть не можетъ; убѣгайте равномерно шутовства, потому что оно, кромѣ презрѣнія, ничего въ другихъ къ намъ не возбуждаетъ; напрошивъ люди спеленные всегда производятъ хорошее мнѣніе о самихъ себѣ въ людяхъ умныхъ.

Четыре вещи не должны обольщать насъ: дружественные поступки вельможъ, ласки женщинъ, шутки нашихъ непріятелей и теплоша зимою; потому что все это не можетъ быть продолжительно.

Если вы хотите хорошо судить о свѣтѣ, то разсмотрите только, въ Чьихъ Рукахъ онъ находишся.

Если невѣжда примѣчаетъ въ себѣ одну какую нибудь добродѣтель, то онъ думаетъ, что соню ихъ имѣетъ; ежели же онъ имѣетъ тысячу недоспашковъ, то ни одного не примѣчаетъ.

Неупомимость многіе замѣняетъ недоспашки въ дарованіяхъ и въ поведеніи.

Человѣкъ одѣвающійся гораздо нынѣ, нежели позволяетъ ему состояніе, подобенъ человѣку, напирющему лице свое румянами для того, чтобы сокрыть болѣзнь его пожирающую.

Флегонъ Веселитскій.

III.

КАССАНДРА ВЪ ЧЕРТОГАХЪ АГАМЕМНОНА.

(Сцена изъ Трагедіи Эсхила.)

Предувѣдомленіе.

Агамемнонь, Царь Аргоса и Мицены, по разрушеніи Трои, побѣдоносець,

возвращается въ свое отечество съ великою добычею и множествомъ плѣнныхъ. Между послѣдними находилась и Кассандра, прекрасная дочь Пріама, Героиня, предвѣщательница будущаго, жрица Анолонова. — Клитемнестра, жена Агамемнонова, не съ большею радостію срѣтала своего супруга: она любила Егисша. Вѣроломная, согласясь съ любовникомъ, убила сего славнаго Царя Царей въ банѣ, послѣ пиршества, въ самой день его прибытія въ Аргосъ. — Здѣсь начинается сцена. Кассандра, влекомая за побѣдишелемъ, не смотря на всѣ увѣщанія и угрозы Клитемнестры, не вступаетъ въ чертоги Царскія и не сходитъ съ колесницы: чувство натуральное въ особѣ, помнящей знаменитость своего рода и личные свои достоинства, особливо въ минуту страшнаго перехода изъ состоянія Царевны въ состояніе рабы. Кассандра хранитъ упорное молчаніе при всѣхъ вопросахъ Клитемнестры. — Наконецъ раздраженная Царица уходитъ, и плѣнница остается посреди хора. — Тогда шокмо

перерываетъ свое молчаніе вздохами и жалобами на измѣнившаго ей бога - покровителя, Аполлона. По вступленіи въ чертоги, она потчасъ предъ изумленнымъ хоромъ воспѣваетъ все ужасы и злодѣянія пресупнаго рода Апридовъ; — и послѣ пророчествуетъ предъ народомъ, или хоромъ (хоръ собственно изображалъ народъ, какой могъ быть по приличію мѣста и происшествія) объ ужасномъ убійствѣ Агамемнона, совершающемся въ то же время въ сосѣдственныхъ камерахъ. — — Удачная для тогдашняго времени хипросія Стихотворца! — Онъ не хотѣлъ представить убійства на сценѣ; но оно весьма живо разсказывается со всеми прошедшими пресупленіями, какъ причиною настоящаго, — и со всеми, которыя могутъ впредъ случиться, какъ необходимое слѣдствіе — услами женщины - пророчицы, и припомъ несчастной царственной плѣнницы. — Греки признавали эту сцену на театрѣ единственною. — Новѣйшіе крипики почитаютъ ее чрезвычайнымъ знаменіемъ Эсхи-

лова дарованія, кошорой былъ и отецъ Драмы, и во многихъ мѣстахъ оспался образцомъ для самымъ опдаленныхъ временъ, и слѣдовапельно болѣе, для образованныхъ своихъ послѣдовапелей. — Знапоковъ Греческаго языка напередъ увѣдомляю, что я и сокращалъ, и прибавлялъ къ подлиннику. Они сами согласяпся, что перерывы хоровъ весьма холодны и медленны, и не соопвѣпспвуютъ божеспвенному вдохновенію Кассандры: эпостъ недоспапокъ опносппся ко времени, а не къ Эсхилу. — Впрочемъ я спарался не опустипть ни одной черпы, кошорая, принадлежа къ своему вѣку, можетъ быть занимапельною и для нашего вѣка. Такого роду п е р е в о д ы б ы в а ю т ъ или просто для учащяихся, или для любипелей и знапоковъ псапра: одни близки болѣе, нежели другіе: — я хошѣлъ соопвѣпсппсовать своей цѣли, и позволилъ себѣ пѣкошоруую свободу.

Дѣйствіе Vе, Сцена 2я.

Кассандра и Хоръ (), или Корифей.*

Кассандра.

О боги! Аполлонъ! жестокий
Аполлонъ!

Корифей.

Почто вздыханія столь грустны къ Апол-
лону?

Не требуетъ вздыханій онъ!

Кассандра.

О боги! . . . Аполлонъ! жестокий Аполлонъ!

Корифей.

Въ мольбахъ Пресвѣтлому ни поковъ слезъ,
ни спону

Не подобаетъ быть.

Кассандра.

О путеводець - богъ! — о милый богъ - ка-
ратель!

Такъ! мнѣ уже не жить!

(*) Хоръ, изображая людей, которые по приличію могли быть при совершающемся дѣйствіи, имѣлъ у себя *Корифея*, который одинъ говорилъ отъ лица всѣхъ присутствующихъ, и слѣдовательно онъ былъ Актеръ. — По сему, думаю, мнѣ позволено будетъ вмѣсто *хора*, собирательнаго слова, употреб-
лять здѣсь одно: *Корифей*.

Корифей.

Се дѣва , собственныхъ злощастій прори-
цапель! . . .

И въ рабствѣ, богъ ее любившій не забылъ! —

Кассандра.

О путеводецъ - богъ! о милый богъ - ка-
рапель!

Куда меня ведешь? — къ могиламъ опъ мо-
гиль! . . .

Се паки мрачные являющся мнѣ виды! —

Гдѣ я, вѣщайте, гдѣ? . . .

Корифей.

Здѣсь царствуютъ Априды.

Кассандра.

Вертепъ опцеубійствъ! — и кознямъ , и
смертямъ , —

Орудьямъ всѣхъ смертей рожденіе и со-
бранье! . . .

Корифей.

Въ ней духъ всевѣдущій

Кассандра.

Не внимлете-ль спенанье?

Мечъ родспвенной разипъ младенчески
сердца, —

И члены бѣдныхъ чадъ , ахъ! снѣдію оп-
ца (*)! . . .

(*) Извѣстно, что Априей, родоначальникъ Апридовъ, предложилъ Тіесту брата своему на пиршествѣ въ пищу изготовленное тѣло малолѣтняго его сына. — Кассандра удивленному хору повѣствуетъ прежнія преступленія, помрачившія навсегда домъ Апридовъ.

Корифей.

О злоба! о позоръ престола и народа!

Кассандра.

Спрашисъ, жди новаго, озлобленна природа!

О боги - мстители, ведется жертва къ
вамъ (*).

Апридамъ — новый срамъ!

Болѣзнь чувствительнымъ сердцама!

Корифей.

Таинственный глаголь!

Кассандра.

Нещасная, постой (**).

Сие-ль обѣтъ любви супружеской, святой?—

Какъ! среди пиршества? — на лонѣ нѣгъ,
прохлады,

Гдѣ побѣдитель мнилъ вкусить трудовъ
отрады (***),

Летѣлъ вкусить любовь! . . . языкъ нѣ-
мѣеть! . . . страхъ! . . .

Ударъ удару въ слѣдъ. . . . кровь льется. . . .
паль на прахъ!

Корифей.

О боги! . . .

Кассандра. (съ горькимъ смѣхомъ)

Торжество! сънь, адомъ сопле-
тенна, (****)

(*) Разумѣется Агамемнонъ, убитый Клипимнеспрою.

(**) Обращеніе къ Клипемнеспрѣ.

(***) Онъ убитъ былъ въ банѣ.

(****) Свирѣпая супруга опустила его одеждою, дабы
удобнѣе совершить злодѣйство.

Опущала крыль Орла, къ вамъ возвращенна!
 Кто поразилъ? жена! Сраженный кто?
 супругъ!

Возрадуйся, о Силь подземныхъ шумный
 кругъ!

Вы, кровью Пелопса ненасытимо гладны,
 Примите, Фуріи, сей пиръ для васъ опра-
 дный,

Упейтесь грозныя! . . .

Корифей.

Зловѣщая! увѣ! . . .

Весь адъ зоветь она несчастныхъ на гла-
 вы! —

Дрожду; вся къ сердцу кровь; — всѣ члены
 хладъ объемлеть!

О горе! горе! адъ ей внемлеть! . . .

Кассандра.

Вы зрите? — медлите! — какъ? — видѣть
 и молчать?

Влеките льва отъ львицы ярой вспять (*);
 Скорѣ! . . . Онъ въ сѣни, сѣни неразру-
 шимой!

Ахъ, поздно! — се ударъ! еще! . . . и изне-
 могъ,

И въ собственной крови палъ Царь и полу-
 богъ

(*) Подъ словами льва и львицы пророчица разумѣла
 Агамемнона и Клитемнестру.

Корифей.

Веди! куда? скажи, о богъ непоспѣжимой!

Кассандра.

Вопъ, вопъ убійцы здѣсь.... не дайте льва
волкамъ. (*) ...

Онъ въ узахъ, онъ плѣненъ, онъ самъ
Низвергся въ ровъ сокрытой, —
И торжествуетъ мечъ несытой!...

Корифей.

Что дѣлать? что начать? —
Непроницаема грядущаго завѣса! —
Но таинство сихъ словъ изходитъ отъ
Зевеса:

Мы спрашной бури должны ждаты!

Кассандра.

(въ изнеможеніи, послѣ нѣкотораго мол-
чанія)

О какъ судьба моя жестока!

Увы! несчастной мнѣ, въ обители порока,
Съ пресупными дѣлитъ мученья богъ
судиль,

И съ карой злыхъ мою онъ смерть соеди-
нилъ! . . .

Корифей.

Но кто сей богъ, сей спрогой твой губитель,
Могильныхъ пѣсней сихъ унылый возбуди-
тель?

(*) Эгистъ и его сообщники.

Увы! — и надъ своей главой
 Ты гимны правишь погребальны! —
 Такъ надъ погибшею сестрой
 Вздыханья пролила печальны
 Въ долинахъ и лѣсахъ,
 Неиспощимая въ слезахъ,
 Сладко-унывна Филомела — (*),
 И жизнь ея поской безплодною соплѣла!...

Кассандра.

Щастлива Филомела!
 Богъ крылія ей далъ. — Летай и скорбь дѣли
 Со всѣми добрыми пвореньями земли!
 А я!... куда пойду? кому скажусь? — кто
 спросить?...
 Мнѣ мать, отецъ, родня, друзья и братья: —
 смерть! —
 Она, благоволивъ опраду мнѣ просперть,
 Желѣзо острое заносить!...

Корифей.

Кто гибели твоей виной?...
 Великъ и милосердъ владыка славной твоей;
 Воспримѣть сердцемъ онъ невинныя спра-
 данья,
 И плачь твой усладяшь его
 благодарья!
 Ты плачешь, сирота!...

(*) Несчастная Исторія Филомелы извѣстна.

Кассандра.

О бракъ! несчастной бракъ (*),
 Которымъ палъ нашъ тронъ, и слава
 скрылась въ мракъ!

О рѣки моего опечества священны,
 Гдѣ дни я провела, дни юности блаженны!...

Ахъ, скоро мой унылой гласъ
 Услышатъ берега свирѣпаго Коциша!...

Все минуло для насъ! —

Гдѣ Царства славнаго сполнца знаме-
 нипа?...

Ни жертвы, ни мольбы, ни доблеспивенный
 духъ,

Тебя, родитель мой (**), отъ бѣды не огра-
 дили: —

Ты зрѣлъ швой храмъ, боговъ въ кровавой
 пепла пыли,

Ты зрѣлъ горящи стѣны вокругъ,
 И падающій тронъ. . . . Ахъ, спрашенъ
 гнѣвъ всемогущихъ!

И сонмъ швоихъ сыновъ, добротами обиль-
 ныхъ,

И дочерей красныхъ сонмъ, Пергама свѣт-
 лый садъ,

Все, все въ швоихъ очахъ пожралъ несыпный
 адъ!

(*) Разумѣется любовь Елены и Париса, приключившая
 паденіе Троянскаго Царства.

(**) Приамъ, отецъ Кассандры.

И я послѣдняя, безъ рода, безъ покрова,
 Несу къ чужимъ берегамъ
 На радость! злыхъ враговъ, Царей упав-
 шихъ срамъ, —
 Несчастна юница къ закланію готова.

Корифей.

Преспань крушишь себя, прекрасна дочь
 Царей!
 Въ рукъ судьбы, и блескъ, и тѣни нашихъ дней!
 Она ихъ золотитъ, она ихъ помрачаетъ;
 Ея успаиваю иѣтъ премѣнъ!
 Враждебный духъ тобой намъ гибель пред-
 вѣщаетъ. —
 Почто желанъ намъ зла? — сіе-ль пвой ру-
 шить плѣнь!
 Спокойся, и склонись, покорна предъ богами,
 И тихо привыкай ко жизни новой . . .

Кассандра.

. Здѣсь,
 Гдѣ Фуріи стоятъ чертоговъ предъ вратами?
 Гдѣ ихъ наследственная вѣсь? . . .
 Здѣсь въ рабствѣ жить? — . . . внемли: ихъ
 воешь ликъ надгробной,
 Блистаютъ свѣточи, измѣи вокругъ шипящъ,
 И льется надъ главою злобой
 Кровосмѣсителя — ихъ ядъ! . . .
 Воззрите: тамъ, въ преддверьи сѣни
 Явились вновь
 Въ убрусахъ бѣлыхъ тѣни . . .

Ихъ кости, ихъ тѣла въ рукахъ у нихъ . . .
чья кровь? —

Чья вопишь кровь! — Неисповество желѣза
Въ десницѣ кроваго перзало вашу грудь! —
Отца несчастнаго ужасная прапеза! . . .
Отсель проклятіе! отсель къ злодѣйствамъ
пусть!

Отсель въ родъ и роды
И пресупленія, и кары, казни боговъ,
Закона и природы!
Песъ (*) низкій противъ льва ужасной
строить ковъ! . . .

Сей вождь Царей великихъ,
Водящій корабли въ пущыняхъ моря дикихъ,
Рушитель Илии, любимецъ сей небесъ,
Безвредный средь коварствъ, средь сѣчей
ненавѣстной,
Едва къ богамъ опцовъ вознесъ свой гласъ
обѣтной,
Едва въ своемъ дому, съ пролившимся слад-
кихъ слезъ,
Повѣсилъ на стѣнахъ доспѣхъ златоко-
ванный,
Печатями побѣдъ стократъ знаменованный,
Едва объявля къ супругѣ онъ простеръ
Гъ вертепѣ мраморномъ прохлады . . .
О ужасъ, о землѣ невѣдомой примѣръ! . . .
Вкушаетъ смерть въ обители отпруды!

(*) Эгистъ, умышляющій противъ Агамемнона.

Съ улыбкой, ласкою привѣтственной любви,
 Котору столько лѣтъ разлука упомняла,
 Она на грудь его, припворная, упала. . . .
 Чудовище! . . . и мечъ дымится во крови!

Кто ты, чудовище? драконъ ли ты дву-
 главой,
 Иль Сцилла, ужась скалъ, коварной другъ
 пловцовъ,
 Иль люта ада дщерь, на весь свой родъ кро-
 вавой

Излившая фіальъ всей ярости боговъ,
 Не выпиваемый вѣками,
 Фіальъ стыда и каръ,
 Многоплодящее домашнихъ сѣмя сваръ!
 И се! безбожная, съ веселыми очами,
 И съ воплемъ радостнымъ, и быспрыми
 споами

И съ наглымъ гордостни челомъ,
 Какъ побѣдитель сановитый,
 Свершившій битвы въ честь опчизны зна-
 менины,
 Вступаетъ въ избранный своихъ героевъ
 сонмъ! . . .

Корифей.

Тіесловыхъ сиѣдей ужасное сказанье!
 Но чѣмъ грозить оракуль намъ?

Кассандра.

Благоговѣніе къ пророческимъ устамъ! . . .
 Событіе мое вѣнчало прорицанье! . . .

Такъ ! не молитесь . . . часъ гибели насталь !

Все щещно ! Царь вашъ паль ! —

И нѣтъ Агамемнона ! . . .

Корифей.

Нещасна ! что рекла ! . . .

Кассандра.

О мщенье Аполлона ! . . .

Какой чудесной огонь въ груди моей протекъ !

Не паки-ль богъ во мнѣ глаголетъ всемоу-
щій ?

Внезапный свѣтъ меня облекъ :

Я чувствую твое присутствіе , Зовущій !

О Фебъ ! я здѣсь , я здѣсь ! свершай свой
грозный судъ !

Не видите-ль ? . . . бѣгутъ

Свирѣпа львица съ волкомъ гладнымъ ,

И звомъ паршаръ дышетъ хладнымъ ! . . .

Смерть ! смерть передо мной ? —

Жестокія ? — почто ? какой виной ?

Во мнѣ соперницу коварство убиваетъ ! —

Лукавства адскаго предлогъ !

Невѣрнаго въ своей супругѣ поражаетъ ! . .

Возторжествуй же , мщенья богъ ?

Рѣшилось ! — И къ чему мнѣ скипетръ сей
блестящій ,

Сим вѣнцы , алчбѣ рабовъ надмѣнныхъ ль-
стящи ,

И лапотканная одежда , блескъ Царей ,

И знаки мудрости моей ? . . .

На смѣхъ ли варваровъ, въ забаву-ль львицѣ
злойной?...

Нѣтъ! нѣтъ! позоромъ симъ я не утѣшу
ихъ!...

Разбейтесь признаки достоинствъ всѣхъ
моихъ

О камень мой пригробной!...

Прочь, прочь блиспаніе плещы,
Поди, и покрывай чужую бѣдноту пы!
Пусть низкая душа въ пѣни пивоей вмѣ-
спится,

Пусть робкій спроситъ рабъ порокою гор-
дился;

Другимъ, другимъ сіе сокровище слѣпыхъ!

О Фебъ! прими священно облаченіе,
Обратно восприми: оно мнѣ — посра-
мленіе!

Я лжепророчицей явилася въ очахъ
Враговъ и жишелей опечесивенна града,
Терпѣла ненависть и страхъ,
И всѣ мученья глада!...

Теперь — куда ведешь предметъ любви своей?
Ахъ! жрица Фебова опъ Феба восприметъ
Поносѣйшую смерть! — Такъ! даже смерть
обыметъ

Меня не у родныхъ, любезныхъ алтарей,
Не тамъ, гдѣ мой отецъ, гдѣ мать моя
скончалась!...

Такъ долго смерти я споль низкой дожи-
далась! —

Презрѣннѣйшій помость , гдѣ шокмо кровь
 печешь
 Однихъ губителей и хищниковъ народныхъ,
 Воспримешь Царску кровь руками несвобод-
 ныхъ !

Но мститель мой грядешь (*) !
 Убийца матери , ужасный , раздраженный ,
 На голосъ мстѣющаго родителя лепишь ,
 Изгнанникъ бѣдспвенной , отверженецъ през-
 рѣнный

Придешь , подымешь мечъ . . . и кино остано-
 новишь ? —

И крови сильный гласъ его не умягчаетъ ,
 И нѣжный родшей взоръ его не покоряетъ ,
 И мщенье свершено ! . . .

(Молчаніе.)

О боги ! такъ ! — мы прахъ !
 Мы бренье и прахъ ! . . . вашъ пупъ таин-
 спвенъ , вѣренъ !
 Мой жребій начертанъ судьбы на вѣчныхъ
 дскахъ ,

И вѣкъ мой весь измѣрянь !

(Молчаніе.)

Чего мнѣ болѣе ? — не видѣла ли я
 Престола Иліи позорное паденье ,
 И братьевъ моихъ Героевъ погубленье ,
 Опущенные опечесства края ,

(*) Орестъ , умертвившій мать свою Клитемнестру.

И славу гордыхъ, славу ложну!...
 Довольно! — умереть! — окончимъ жизнь
 ничпожну!

Не спрашенъ мнѣ послѣдній часъ.
 О милости одной молю, о боги, васъ!
 Опъ смерти медленной Кассандру свободите,
 Однимъ ударомъ поразите! —
Корифей.

Нещастная, престань! — о, какъ ужасно
 знать.

Грядущее для насъ! покойся! — поспигать
 Судьбы боговъ — не наше!

Всѣхъ жребіи лежатъ въ ея-сокрытой чашѣ;
 Но смертному даны и средства на
 земли,

Провидѣть бури издали,
 И съ гордыхъ горъ спѣшнѣ въ сѣнь сумрака
 удольна; —

Ты идешь къ алтарю, какъ жертва произ-
 вольна!

Кассандра.

Аргивцы! опъ судьбы себя намъ не укрывать.

Корифей.

Но можно, копъ ударъ на время отвратишь!

Кассандра.

Мой день пришелъ ко мнѣ! — усилие беспо-
 лезно!

Корифей.

Какое мужество въ груди толико нѣжной!

Кассандра.

Щастливецъ не дерзнетъ жизнь вялую
преперть!

Корифей.

Когда рѣшилась ты, найди славнѣе смерть!

Кассандра.

(приближась къ
чертогу)

Нещастнѣйшій отецъ! о злополучны чада!
Сколь люта къ вамъ судьба!

Корифей.

Что зришь?

Кассандра.

Побѣда ада!

Корифей.

Вѣдай, пророчица!

Кассандра.

Не слышите? сей храмъ, —

Убийствомъ дышетъ онъ! —

Корифей.

Курятся жертвы тамъ. . . .

Кассандра.

Курятся . . . тамъ . . . отперстыя гробницы.

Корифей.

Что слышу? — торжество Царицы. . . .

Кассандра.

Свершилось все! — Агамемнона нѣтъ!

Въ послѣдній разъ я зрю любезный солнца
свѣтъ! —

Войдемъ , несчастные , войдемъ въ черпогъ
 печальный ,
 Слезами нашими омоемъ погребальный
 Владыки добраго покровъ !
 Оплачемъ жребій мой безъ жалбъ на
 боговъ !

Ихъ кары праведныя грянутъ ,
 За кровь великаго , за кровь мою возстанутъ
 Земля и небеса !

И злобная жена въ мученіяхъ сердечныхъ
 Закроетъ очеса !

Познайте суету дней жизни скоротечныхъ ,
 Что счастье? — свѣпла тѣнь ; другая тѣнь
 смѣнитъ , —

Ночь придетъ — и исчезъ призрака льстивъ-
 вый видъ ! . . .

Несчастье? — какъ песокъ , верху горы ле-
 жащій ,

Повѣетъ легкой вѣспрь , и онъ ужъ возме-
 шень !

Не столько жалосшень , кѣмъ бѣдствомъ
 угнетень ! —

Жалчій его слѣпецъ , на лонѣ счастья
 спящій !

Мрзливъ.

IV.

ПѢСНЬ, ВЪ СЛАВУ
БЛАГОСЛОВЕННАГО.

*По случаю объявленія Манифеста о войнѣ
противъ Бонапарта, Юня 13го дня
1815го года. (*)*

Благословенный! Ты изводишь,
Вторично лже - Царя караешь;
Противъ чудовищъ вновь изводишь
Славянску крестоносну рапъ,
Провозглашаешь брань кроваву
За человѣчество и славу
Уже *Тобой* спасенныхъ спранъ! ...
О подвигъ, небомъ вдохновенный!
Гряди! гряди, *Благословенный!*
Мы грянемъ — и падеть ширанъ!

Не *Ты* виновенъ, что коварство
Вселенной снова потрясло;
Привыкшее къ разбоямъ Царство,
Разбойника на тронъ внесло, —
И паки бунтомъ міръ превожетъ. —
Ты здѣлалъ все, что смертный можетъ;

(*) Очень жаль, что немного поздно выходитъ сія
піеса. М.

Но Богъ хотѣлъ войну продлить! — —
 И смертныхъ умъ не успѣваетъ,
 Когда Всевышній попускаетъ,
 Аппиламъ царствовать и жить.

Для испытанья нашей вѣры,
 Смиренья горделивыхъ думъ,
 Внеслись надъ честью лицемѣры,
 Надъ мудросью коварный умъ;
 Съ пиранствомъ вольность примирились; —
 Но не надолго воцарились:
 Ты роковымъ своимъ копьемъ
 Ударилъ въ щипъ, зовущій къ бою:
 Тогдажъ пол-Свѣта предъ Тобою
 Ко брани двинулось съ мечемъ.

Твои слова для насъ законы,
 И нужно только повелѣть! —
 Воззри: — безспрашныхъ миліоны
 Готовы за Тобой лепѣть.
 Веди усердные дружины! —
 Славенороссы — исполины
 Не вѣдаютъ въ пущи преградъ;
 Имъ Термопилы не опасны,
 Пески Тибета не ужасны,
 Не спрашенъ имъ и самый адъ! —

Любовь къ Царю, а вѣра къ Богу,
 Орлины крылья намъ дадутъ;

Г а

Проложають къ славѣ вновь дорогу,
 Ко храму мира возведуть; —
 Соединяють съ душами длани,
 И въ полѣ кровопитной брани
 Въ непобѣдимыхъ претворяють.
 Несмѣтность полчищъ въроломныхъ,
 Окопы крѣпостей огромныхъ
 Противъ Тебя не устояють.

Ты обожаемъ — и довольно
 Для страха буйнымъ племенамъ;
 Тиранъ содрогнется невольно;
 Поможетъ Всемогуцій намъ. —
 Разверзлись святыя храмы,
 Горятъ въ кадилахъ Фиміамы,
 Горятъ свѣщи у алтарей;
 Народъ, бояра совокупно
 Стояють, и молятъ неотступно
 О помощи Царя Царей: —

Да поразишь и одолѣешь,
 Нимврода новаго въ бояхъ!
 Да миръ впорочно ты посѣешь
 На чуждыхъ и въ своихъ поляхъ!
 Рекли, — и предъ Всесильнымъ пали; —
 Подвигались храмы — вспрепешали;
 Замолкъ священныхъ пѣсень шонь. —
 Нисходитъ гласъ съ небесна свода...
 „Услышана мольба народа:
 Падетъ пресступный Вавилонъ.“

О гласъ, всѣмъ смертнымъ вождѣнный,
 Будь вѣстникомъ злыхъ лѣтъ! . . .
 Я вѣрую: — Благословенный
 Вторично поразишь враговъ;
 Предвижу поле новой славы,
 Гдѣ всѣ союзныя Державы,
 При звукѣ сладкогласныхъ лиръ,
 Мечи съ себя и брони снимутъ,
 Другъ друга радостно обымутъ
 И утвердятъ на вѣки миръ.

Сверши, нашъ Геркулесъ могущій,
 Сверши глаголь усердныхъ лиръ!
 Самъ Богъ во свѣтѣ присносущій
 Благословляетъ Твой союзъ: —
 Надѣнье гордыхъ не избѣжно. —
 Вѣрь Россу храброму надежно!
 Чего желаетъ Царь — опецъ,
 Того и весь народъ желаетъ.
 Въ Тебѣ одномъ онъ обрѣтается,
 Утѣху душъ — покой сердець.

Теки, Благословенный, снова
 На исполинскую борьбу;
 Твои полки ждуть только слова;
 Окончи тяжкихъ бѣдъ судьбу.
 Вели, — и споръ мечемъ рѣшится;
 Миръ въ мирѣ паки водворится.

Изсякнешь токѣ кровавыхъ струй!
 Дерзай Герой, Царь — воевода!
 Съ Тобою Богъ, и мощь народа,
 Ударь! срази! — и торжествуй!

Шатровъ.

•
 V.
 •

Д Р У З Ъ Я.

И д и л л и я XIIя.

(Изъ Теокрита.)

Пришекъ наконецъ! — при дни и при ночи
 въ разлукѣ со мною!
 Ахъ, много и дня одного, чтобы соспарѣнь-
 ся въ разлукѣ! —
 Пріятнѣй весна по зимѣ, и яблоко слаще ѡрѣ-
 ховъ,
 Богатѣй волною овца предъ агницей ново-
 рожденной,
 И дѣва милѣе вдовы, прекратно супруга те-
 рявшей,
 Быстрѣ скачетъ пельца игривая серна
 въ долину,
 Любезнѣй звучитъ соловей предъ всѣми въ
 царствѣ пернашомъ! . . .
 О, слаще всего мнѣ шеперь увидѣшь тебя
 по разлукѣ!

Какъ пунникъ , солнцу палящу , спѣшилъ
 подъ развѣсисто древо ,
 Спѣшилъ, окрыленъ, лѣкъ шебѣ во срѣшенъе,
 другъ мой сердечный !
 Да дышущъ надъ нами , въ насъ благодат-
 ные гени Дружбы !

Да скажутъ объ насъ потомки святое и
 доброе слово:

„Здѣсь были , и жили друзья, въ урокъ
 и веселье сосѣдей !

„Сего нарицали: *Любимъ*; а тому привѣсть
 былъ : *Вѣрнѣйшій* ;

„(То значили прочно ихъ имена въ языкѣ
 Фессалійскомъ)

„Другъ друга любили равно и всегда. — Ко-
 нечно, то были

„Не нашихъ временъ сердца; по сердца вѣ-
 ковъ первобытныхъ ,

Гдѣ сладостно , нѣжно по смерть любовь
 любовью пилалась !“ —

Да будетъ тако сіе, милосердый Отецъ
 Кронидесь ! (*)

Да такъ, не спарѣясь въ любви, перейдемъ
 мы въ область безсмертныхъ ,

И нѣкогда, — многимъ вѣкамъ, исполнившимъ
 свѣтлые круги , —

Пришлецъ опъ земли, на черныхъ берегахъ
 ненасытнаго Орка,

Увидитъ насъ, памъ, и речетъ обнявшимся
 сладко : „миръ съ вами !

(*) Юлистеръ.

И нынѣ о двухъ неразлучныхъ, — красная
смертныхъ бесѣда! . . .

Но въ волѣ блаженныхъ Силь горнихъ,
исподнишь наше желанье,
И въ волѣ опшвергнушь его! — что нужды?
о другъ мой безцѣнный!

Тебя моя громкая цѣснь возвѣспитъ грядущимъ
попомкамъ,

И скажетъ имъ чистую правду, предъ правдой
Небесъ не краснѣя! —

Такъ! естели когда, мой другъ, ненарочно,
хоть тѣнь оскорбленья

Я зрѣлъ отъ тебя: (и зрѣлъ ли?) опомрашней,
сладчайшею жертвой

Тогда же ты все замѣнялъ; — и въ тѣни —
яснѣлось вселеніе!

Вы, ухищренные веслами править, о
чада Мегары,

Вамъ слава и почестъ! — васъ я привѣстную
днесъ благодарный!

Вы чтили, умѣли починить Діоклеа любовь
неизмѣнну. —

Едва низойдетъ къ намъ съ небесъ весна на
луга запащѣшны,

Едва облечется лѣса въ зеленя, свѣтлыя
ризы:

Почтенъ зоветъ весь градъ на гробъ Діоклеа
священный. —

Тамъ юношей радостный хоръ, тамъ сонмъ
дѣвицъ черновласыхъ;

Надъ гробомъ склонившись, растепъ тамъ
 пальма злыхъ поцѣлуевъ! —
 И кто страсшій, кто любезнѣ милыхъ
 красавицъ цѣлуевъ;
 Чьи пламенны вѣчно уша, того украша-
 ютъ вѣнцами,
 Того съ похвалою и пѣснями въ домъ ликъ
 дѣвъ провождаетъ
 Къ матери, коя срѣщаетъ драгаго улыбкой,
 слезами! —
 Но много блаженнѣ всѣхъ судья поцѣлуевъ
 сладчайшихъ,
 Которому право дано лобызать всѣхъ,
 всѣхъ чередою! . . .
 Щасливцевъ завидный цѣлуевъ, и судишь,
 и рядишь!
 Онъ молишь любимца, служащаго богу силъ,
 Ганимеда,
 Чтوبъ были его уша, и пріятны, и крѣп-
 ки, и нѣжны,
 Такъ вѣрны, какъ камень испытной, копо-
 рымъ гостъ чужеземной
 Достоинство праведно злата узнавъ, даетъ
 ему цѣну. —
 Мрзке,

С В И Д А Н І Е.

Ужь солнце златозарно
Сокрылось за горой.

Вопь, небо ужь яншарно

Румянился зарей:

Тѣнь спелелся; согласно,

Туманящся лѣса,

И мѣсяць шихо - ясной

Выходишь въ небеса,

Толпишься ожиданья!...

Вопь съ Лилою свиданья

Насталъ условный часъ!

Восторги, наслажденья,

Любовны упоенья,

Вы ждете съ милой насъ!

Въ лѣсокъ, ушѣхъ зеленой

Стезеею похаенной

Амуръ меня ведетъ.

Пришли . . . мѣста прелестны!

Сквозь листовія древесны

Мелькаешь лунный свѣтъ;

Трава росой сребрился,

Ручей чуть, чуть спруишся

Въ зеленыхъ берегахъ;

И кропкая Фебея,

Скользящи блески сѣя,
 Колышешся въ водахъ.
 Журчанья щебешливы
 Съ Зефирами сѣя,
 На вѣшвахъ гибкой ивы
 Два свищутъ соловья.
 Но вотъ, ... о часъ желанной!
 Подъ сѣнію листовъ,
 Въ одеждѣ бѣлопканной,
 На ложѣ изъ цвѣтовъ,
 Я Лилу примѣчаю:
 Видъ сладостный очамъ!...
 Лечу — и упадаю
 Красавицы къ ногамъ.
 Восторги, лобызанья,
 Сердечны пререпанья,
 Любви, услады часъ,
 Желаній полны взоры,
 Нѣмые разговоры,
 Кто, кто постигнетъ васъ?

Преемникъ услажденья,
 Богъ милаго забвенья,
 Пріятный, легкій сонъ,
 Пріять меня въ полонъ.

Какіяжъ мнѣ прелесныи
 Мечты сей богъ являлъ!
 Въ обители небесны
 Меня онъ преселялъ!

Я былъ сады Армиды,
 Еще - ль дивитесь вамъ? . . .
 Я былъ въ садахъ Киприды,
 Я видѣлъ щасныя храмъ!
 Тамъ все прельщаетъ зрѣнье,
 Плъняетъ, нѣжитъ слухъ,
 Въ святое восхищенье
 Приводитъ умъ и духъ!
 Тутъ холмъ зеленый зрится,
 Тамъ миршовый лѣсокъ
 Любуется, глядится,
 Въ лазоревый потокъ,
 Тутъ перловые грошы;
 Сокрытые въ кустахъ,
 Тамъ рѣзвые Эропы
 Сидятъ на облакахъ,
 И стрѣлкой золотою,
 И розой молодою,
 Красавицамъ грозятъ.
 Прелесныя Наяды,
 Къ прудамъ, подъ тѣнь пролады,
 Съ Зефирами лепятъ:
 Сплелися въ хороводы,
 Сполпились въ шумный рой, —
 И зеркальныя воды
 Жемчужатъ подъ собой.
 Тутъ Сильфа золотая
 Въ зеленой муравѣ;

Тамъ Нимфы, опдыхая
 На бархатной травѣ;
 Въ подобранныхъ пончицахъ,
 На ципрахъ, на цѣвницахъ,
 Играють и поють;
 Подъ пѣсни ихъ живыхъ
 Три Граціи нагія
 То вьются, то плывутъ.
 Въ сѣни изъ розъ сплешенной
 Висѣлъ съ златымъ мечемъ
 Подъ миртой наклоненной,
 Забытый Марсомъ, шлемъ,
 Ласкаемый Амуромъ,
 Роскошный Аристиппъ,
 Обнявшись съ Епикуромъ
 Сидѣлъ подъ тѣнью липы.
 Вкругъ жертвенника славы
 Безсмертные пѣвцы,
 Наставники забавы,
 Кипридины жрецы:
 Божественный Лукрецій,
 Старикъ Анакреонъ,
 Капулла, Тибулла, Проперцій,
 Запѣйливый Біонъ,
 Овидій знаменитый: —
 Всѣ розами увиты,
 Всѣ въ мирновомъ вѣнкѣ.
 Повсюду радость счастья,

И нѣга сладострастья
 Спруи́тся въ вѣтеркѣ.

Но воптъ, ужь Ночь — царица
 На западныхъ волнахъ;
 И теплится денница
 Въ лазурныхъ небесахъ;
 И мѣсяцъ блѣднолицый
 Опъ розовой денницы
 За облакомъ погасъ.
 Зефиръ пуманъ разсѣялъ,
 И сонъ усладный свѣялъ
 Съ моихъ дремавшихъ глазъ.
 Все съ свѣтомъ пробудилось,
 Воскресло, освѣжилось,
 И малы ппашки вновь
 Вспорхнули, полетѣли,
 По рощамъ зазвенѣли
 Про радость и любовь!...

Но воптъ, ужь дня свѣшило
 Сквозь облако лучемъ
 Воспо́къ озолопило.
 Другъ милый! поскорѣй!...
 И спраспи упоенье,
 И сердца услаждение
 Сокроемъ опъ людей!

В. Олинб.

VII.

РАЗЛУКА.

Минута грозная настала!...
 О Хлоя, о мой другъ! прости.
 Почто не смерть судьба сказала!...
 Скорѣ смерть могу снести,
 Скорѣ мигъ уничтоженья,
 Чѣмъ жизнь, исполненну мученья....
 Мой другъ!... но въ дальней сторонѣ
 Ты и не вспомнишь обо мнѣ!

Душа, помимая тоскою,
 Не найдетъ мѣста для себя! —
 Какъ ей, живущей лишь побой,
 Какъ можно не искать тебя? —
 Она твоя спутникъ невидимый,
 Вездѣ съ побой, нераздѣлимый....
 А ты въ далекой сторонѣ
 Уже не вспомнишь обо мнѣ! —

Скитаясь по полямъ, унылой
 Исполню все моею тоской:
 И рожи говорятъ о милой,
 И камни сѣшуютъ со мной;
 И утро грусть мою застанетъ,
 И вечеръ въ грусти же увянетъ!...

А ты въ далекой споронѣ
Уже не вспомнишь обо мнѣ!

Какъ мѣсяцъ вспанетъ изъ за-рощи,
Пойду на холмъ, знакомой намъ;
И окружень мечтами нощи,
Съ слезами обращуся къ вамъ,
Минувши дни очарованій!...
О сколько сладкихъ воспоминаній!...

А ты въ далекой споронѣ,
Уже не вспомнишь обо мнѣ! —

Теперь, — я думаю спану въ скупѣ, —
Она окончишь путь должна;
Теперь — сгрустилось ей въ разлукѣ, ...
Лепить ко мнѣ... близка она...
Простите милыя мечтанья!
Не лейшесь слезы ожиданья! —
Напрасно! въ дальней споронѣ
Она не вспомнитъ обо мнѣ!...

Дай Богъ, чѣмъ бы ты не знала вѣчно —
Спраданій, кои здѣсь терплю!...
О другъ мой, другъ безчеловѣчной,
Люби, какъ я тебя люблю...
Тогда познаешь сердца муки;
Тогда не вынесешь разлуки;
Тогда... но въ дальней споронѣ
Ты и не вспомнишь обо мнѣ!...

Мерзла.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМѢ ПРОТИВЪ АЛЬБОМОВЪ,

К. Θ. С — ой.

Что мнѣ въ швоемъ Альбомѣ написать?..

Альбомы нынѣ въ модѣ, въ силѣ;

Но въ нихъ — чпобъ не въ укоръ Красави-
цамъ сказать —

Такъ часто холодно, такъ мертво, какъ въ
могилѣ! —

Альбомъ — нопаріусъ другой,

Припворщикъ, жалкой сынъ пристойно-
спи одной,

Изъ дома въ домъ таскается свободно;

Всякъ пишетъ векселя на грусть и на по-
кой,

На дружбу и любовь, какъ всякому угодно.

Иная, иль иной, — споль спраспны, нѣж-
ны въ нёмъ,

Споль поучительны, ласкательны, учпивы,

Что каждаго почтешъ себѣ ты божеспвомъ;

А въ самомъ дѣлѣ — чпо?... о, нравы свѣ-
та лживы! —

Въ сихъ чувствахъ, *списанныхъ* услужли-
вымъ перомъ,

Они душей не виноваты: —

Вольперъ, Демиль, Бернардъ, Капнистъ,
иль Карамзинъ,

Державинъ, Димпріевъ, Княжнинъ,

К и ж. VII.

Д

Поэтовъ добрыхъ сонмъ, столь чувствивающъ
богатый,

За нихъ отвѣспивуютъ и въ прозѣ и въ
спихахъ, —

И кланяюся вамъ, не зная васъ, сердца-
ми! —

О, нашъ несчастный вѣкъ! въ какихъ живемъ
мы дняхъ!

Какъ мы унижены предъ нашими опцами! —

У нихъ — и горнь любви, и фиміамъ была
Безсмертная душа! — не видомъ, не словами,

Но дѣломъ разговоръ со ближними мела! —

У насъ всѣ души затворились;

Любовь и дружба удалились,

И правимы мечтой, иль, *пололамъ съ грѣ-*
хомъ,

Чудесно преселились

Въ Французски книжечки, въ обрѣзѣ золотомъ!

Вздохнувши, *Искренность* сказала: вопъ
мой домъ!

И *Вѣрность* наконецъ, поднявъ на небо
руки, и

„О боже! изрекла, доколь терпѣшь мнѣ муки?

Неблагодарный міръ вогналъ меня въ Аль-
бомъ!!“ —

Учтивость, Ловкость, Умъ, со свѣтскою
опивагой,

„Чтожь? — вскрикнули тогда —

Мы въ свѣтѣ ничего не значили всегда,
И будемъ пожь, ничѣмъ — мы будемъ лишь
бумагой! —

О ты, рожденная, брать души въ сладкій
лабнь,

Цвѣтъ юной красоны, доброты, чувствъ
нѣжнѣйшихъ,

Ты образъ Радости, не знающей премѣнь,
Подруги Ангеловъ, подруги душъ чистѣй-
шихъ!

Ты, чуждая еще всѣхъ хитростей, заплѣй,
Всѣхъ предразсудковъ, бѣдь пиранственна-
го свѣта,

Сего раба, сего пытателя страстей, —
Какъ? — ты, въ плов прелестны
лабна,

Имѣешь свой Альбомъ, и мнѣ велишь писать! —
За чѣмъ, и что тебѣ сказать? —

Признайся: для кого Альбомъ сей драго-
цѣнный? —

Уже ли для друзей? —

О Боже! что милѣй,

Читать ли чувствія, красой твоей вну-
шенны,

Въ ихъ пламенныхъ глазахъ,

Иль въ хладныхъ, мерзвыхъ сихъ
лиспахъ?

Ахъ! дружба и любовь весьма не говорливы:
Онѣ и скромностью своей краснорѣчивы! —

И такъ Альбомы для льстецовъ,

Д а

Для сихъ угодниковъ сантиментальныхъ
свѣта ,

Радужныхъ безъ души , влюбленныхъ безъ
предмета ,

Столь малыхъ на дѣлахъ , столь пышныхъ
громомъ словъ ?

Ахъ , лучше вѣкъ не знашь прелестныхъ
сихъ враговъ ! — —

Воспоминаніе ? въ Альбомъ ? — о ,
Ельвина ! . . .

Кто , видѣвъ разъ тебя , возможножь поза-
быть ! . . .

Кто смертный сей , кому щастливая судь-
бина

Велѣла разъ одинъ съ тобой поговорить ,
Кто можетъ , не спрашась небесна грома ,
Жить , думать о тебѣ посредствомъ лишь
Альбома ? . . .

И что въ стихахъ тому , кто сердце опдаеть ?
Душѣ душа - Альбомъ ; душа душой живетъ ! —
Землями , моремъ раздѣленны ,

Друзья таинственно всегда соединенны ,
Между собою говорятъ ;

Въ Альбомъ пишутъ тѣмъ , которыхъ зна-
ють врьдъ ! —

И такъ сей новичекъ изъ Англійскія лавки , —
Какъ шляпки , какъ духи , какъ ленты и
булавки , —

Есть суешности плодъ, споль милой въ
чувствахъ Дамъ!

Почтожъ не сдѣлашь позволенья
Усерднымъ, искреннимъ друзьямъ,
Или учтивымъ господамъ,
Сказать два, при словца пріязни, ува-
женья? —

Что вреднаго, прочесть ласкательны хва-
ленья

Иль стану спройному, иль пламеннымъ
глазамъ,

Иль милаго лица прелестнѣйшій чертамъ,
Которыя сама Любовь разположила,

Иль чернымъ волосамъ,
Которыя рука Веселія завела?
Что вреднаго внимать о красотахъ тебѣ,
Которыхъ споль сладка и споль ужасна
сила? —

... О скромница! а ты и слышаешь о себѣ
Сихъ лесныхъ истинъ не желаешь!

А ты, мнѣ кажется, сама

Своихъ всѣхъ прелестей не знаешь!

Дерзни кто похвалишь, иль оспрошу ума,
Иль сердца твоего доброту, кротость,
нѣжность,

Иль живость милую, души невинной плодъ; —
Дерзни кто вымолвишь, — хопябъ знатокъ
красотъ, —

Что Грацій всѣхъ одна виѣщаешь ты дѣ-
безность;

Что нечего тебѣ желать,

Ни просто на словахъ, ни взоромъ, ни
въ Альбомѣ,

Что вышній Рокъ судилъ красавицѣ бл-
спать

Утѣхой сладостной въ своемъ родимомъ
домѣ: —

Топчась придешь ты въ гнѣвъ; взоръ спро-
гой, грозной видъ...

И самый праведный звалишель швой дро-
жить:

Почтительность уста невинныя смыкаетъ,

Перо изъ перстновъ выпадаетъ...

Ужасно! ... нѣтъ! ... тебѣ не надобенъ
Альбомъ! ...

Нѣтъ, нѣтъ! пускай скорѣе надо мною

Ударитъ Божій громъ,

Чтобъ я, усердною исполненный душою,

Въ Альбомѣ говоришь съ тобой, Ельвина,
спаль! ...

Ни строчки, никогда!... ахъ! я уже написалъ!!!

Мерзавъ.

IX.

ПУГЛИВОЙ МУЖЪ.

Любуясь весною,

На нивѣ два сошлись сосѣда межъ собою.

„Ахъ! еспѣлибъ Богъ намъ волею святою,

„Теперь, кумъ, дождичька послалъ! . . .

„Да вонъ, ужъ кажется, и пучки набѣгаютъ!..

Да вопъ, и дождичекъ накрапывать ужъ
спалъ;

А то и озими ужъ пропадаютъ:

Теперь все выйдетъ изъ земли. . . .

Опомнися, сосѣдъ! — перекрестися —

Пустова не мели —

Все выйдесть! — съ ужасу и ноги опнялися!..

Ты знаешь, у меня въ землѣ положены,

Кумъ, двѣ жены.

Ис — ъ.

Ч Т Е Н І Е Н Я Т О Е
въ Бесѣдахъ Любителей Словесности въ
Москвѣ (*).

Въ прошедшее чтеніе имѣлъ я честь предложить Вамъ, Милоспивые Государи и Милоспивыя Государыни, о главныхъ основахъ науки вкуса, или о выборѣ

(*) Сии бесѣды начались въ 1812 году, и продолжались весь Великій Постъ по два раза въ недѣлю. — Въ десять собраній прочтена вса Теорія изящныхъ Наукъ. Я побужденъ былъ къ открытію оныхъ Его Сіятељстvomъ, Княземъ Борисомъ Владимировичемъ Голицынымъ, испикнымъ Патріотомъ, который славно окончилъ поприще жизни своей на полѣ брани за Отечество. Сей почтенный Мужъ, обѣхавшій всю просвѣщенную Европу, какъ ученый и любитель отечественной Словесности, по возвращеніи своемъ, изъ обоимъ ко мнѣ благосклонности, назначилъ въ собственномъ домѣ огромную и прекрасную залу для сихъ бесѣдъ, которыя удостоены были посѣщенія многими знаменитѣйшими жителями Столицы. Первые четыре бесѣды напечатаны были въ Вѣстникъ Европы, въ концѣ 1813 года. — Слѣдующая теперь есть продолженіе предыдущей, имѣющей предметомъ своимъ опредѣленіе Изящнаго вообще. — По важности и нерѣшимости мнѣній, въ разсужденіи сего

въ подражаніи природѣ. Вы безъ сомнѣнія замѣнили, что сіе изящество, сія прелесть предметовъ, избираемыхъ искусствомъ, не заключается собственно въ нихъ самихъ, но въ отношеніи, которое они имѣютъ къ намъ. — Въ природѣ все прекрасно. — Но прекрасное природы не есть прекрасное искус-

вопроса Эстетики, я долженъ былъ разбирать всѣ предположенія Ученыхъ, и выбралъ наконецъ одно, которое казалось мнѣ болѣе подходящимъ къ истинѣ, и такимъ, которое простѣе и удобнѣе можно было принаровить ко всѣмъ родамъ Поэзіи. Это есть: при надлежащей *стройности, правильности и точности подражанія, Занимательность предмета*, основанная на *отношеніи его къ намъ самимъ*. Предлагаемое при семъ чтеніе есть нѣкоторымъ образомъ доказательство предыдущаго, почерпнутое изъ разбора одной изъ прекраснѣйшихъ Одъ Гна. Державина. — Будучи ободренъ многими почтеннѣйшими Мужами, я, можетъ быть, съ наступленіемъ настоящей зимы открою вновь мои бесѣды, которыхъ содержаніемъ будетъ разборъ знаменитѣйшихъ нашихъ Стихотворцовъ, особливо драматическихъ. И сіи чтенія будутъ, еслии общепользовательства позволятъ, также печатаемы, дабы изъ нихъ составился нѣкоторый родъ курса Словесности, котораго первую Часть составляла Теорія, а другая будетъ заключать Критику. М.

ства, какъ я замѣтилъ въ прошедшій разъ. —

Виды Поэта не всегда суть виды природы. — Ему не нужно знать, хороша ли вещь сама по себѣ: довольно, еслили она способствуешь къ достиженію предположенной имъ цѣли. — Какая, на пр., красота въ грубомъ Скопининѣ, въ Госпожѣ Просшакowej, и въ простодушномъ ея супругѣ, въ Филапкѣ и во всѣхъ его похижденіяхъ, восхищающихъ раѣкъ, и въ Фекаѣ, занимающей дурачествомъ? — Еслили бы ои характеры вспрѣтились съ вами дѣйствительно, и, по нещасію, вы принуждены были имѣть съ ними какое-нибудь дѣло; то навѣрное при первомъ разѣ, вы согнали бы ихъ со двора и никогда не захотѣли видѣть. — Но вы ѣдете въ театръ, разсѣявъ себя послѣ заботъ, видите тѣхъ же самыхъ людей, которые поуспру вамъ наскучили, скучающихъ другимъ, спорящихъ между собою: будучи сами совершенно внѣ опасности, вы смѣшаетесь, и, зная припомъ, что это, при всей живости и точности подражанія, есть не истинное бытіе, но вымы-

сель, вы смѣетесь опъ добраго сердца. —
 Такимъ образомъ Писатель достигнулъ
 своей цѣли, и ему нѣтъ нужды до суще-
 ственной красоты предметовъ, какъ и Со-
 чинителямъ сихъ Комедій, которые однако
 сдѣлали свое дѣло. Они желали только подѣ-
 жить забавнымъ образомъ ваше самолюбіе,
 и угодить ему, предсавя людей, надъ ко-
 торыми вы столь много возвышаетесь.
 Вошь читающъ намъ колкую Сапиру, бра-
 няющъ пороки и порочныхъ, странности и
 странныхъ, злодѣйства и злодѣевъ. —
 Это не мы! но, угадаемъ, кто! говоритъ
 наше самолюбіе. — Мы не заеутили сихъ
 укоризнъ! — какъ жалки эти люди! —
 какъ они малы предъ нами! — Забои-
 вая гордость наша при семъ случаѣ не до-
 вольствуемся смѣяться надъ нѣмъ, что
 только смѣшно; — нѣтъ! — Она хочетъ
 допытаться, съ кого именно сняты
 сіи портреты: — это настоящій сосѣдъ
 нашъ! — Эту Госпожу Жеманкину я вчера
 видѣлъ у себя! — Балъ, здѣсь осмѣянной,
 точно балъ гна. Глупона! — Сцены, срав-
 неніемъ оживленныя, сдѣлались еще

забавнѣе. . . . Мы хохочемъ, и говоримъ : Сашира прекрасна! — Чпожъ се сдѣлало прекрасною? Опянь наше самолюбіе. — Такимъ образомъ *предметы*, каковы бы они ни были, становяпся въ подражаніи *заинтересовательными*. — Въ часы опдохновенія, въ шуму городскомъ, въ заботахъ непрерывныхъ, попались вамъ въ руки Эклоги Виргиліевы. — Онѣ восхищаютъ васъ картинами прелестной жизни, беззаботливости, процпопы и свободы, которыхъ вы не имѣете, и которыя вамъ споль драгоцѣнны. — Вы сперва можете подумать : Поэзія, живописующая состояніе, совершенно отъ насъ опдаленное, теряетъ свою вѣропносность, и становится безполезною, незамимательною! — Это не совсѣмъ справедливо. — Разберемъ самихъ себя, вспомнимъ, сколько часовъ посвящаемъ мы мечшаніямъ, еще болѣе несбыточнымъ? — и можемъ ли онѣ ихъ отказать, будучи снѣдаемы горестію и заботами дѣйствительнаго своего состоянія, будучи упомлены скукою, жить посреди однихъ и тѣхъ же предметовъ! — Не составляютъ

ли сіи мечтанія большей части удовольствій жизни общественной, цѣлительнаго бальзама въ печаляхъ нашихъ, небеснаго очарованія, съ которымъ только противъ воли нашей разлучаемся? — Прелестное состояніе пастуховъ не существуетъ; тѣмъ - то оно занимательнѣе, тѣмъ прочнѣе его существованіе въ нашемъ воображеніи, тѣмъ милѣе воспоминаемъ о немъ! — Мечтая о золотомъ вѣкѣ, мы чувствуемъ такое томное наслажденіе, какое посѣщаетъ насъ при воспоминаніи о миломъ другѣ или братѣ, который давно умеръ, но въ которомъ находили мы щастіе; — такое же наслажденіе, съ которымъ смотримъ нѣжный супругъ на портретъ любезнѣйшей супруги, съ коею, разлучили его жестокіе люди и судьбы непостижимыя. Сколь бы далеко ни увлечены мы были вихремъ спраспей и нуждъ, чувствуемъ, что простила есть что-то родное наше: на поля и на лѣса смотримъ, какъ на колыбель, въ которой покоилась невинность нашего младенчества. — Въ дерев-

нѣ опдыхаемъ отъ тяжелаго дыму городскаго, подобно бѣднымъ узникамъ, изведеннымъ изъ мрака темницъ на свѣжій воздухъ, — подобно людямъ, которые, будучи заперты въ одномъ пѣкоѣ, выходяпъ иногда на балконъ прохладиться!... Вопъ занимательность пастушеской Поэзіи!... Уже ли не подходитъ она къ предложенному нами правилу? — Но пойдемъ далѣе: вы читаете сочиненіе, въ которомъ спрастной любовникъ, или другъ говоритъ о свѣей участи. Кто не любитъ? — кто не желаетъ раздѣлить съ нимъ своихъ чувствованій? — Онъ спенаетъ, жалуется на измѣны и жестокость! — Кто не испыталъ эпаго, или кто не боится испытать!... Какъ прелестны картины, напоминающія намъ гореопи и радости, которые вкушали, или которыхъ скоро ожидаемъ! — Такимъ образомъ упвержда на занимательность Пѣсни, Элегии, Мадригала и всѣхъ сочиненій нѣжныхъ, любовныхъ? ... А Сказки? — а Романы, — сіи постоянные друзья, не теряющие нашей къ себѣ привязанности во всѣхъ со-

стояніяхъ , при всѣхъ перемѣнахъ счастья , даже во всѣхъ возрастахъ ? Молодой человѣкъ , котораго бышіе ограничено еще родинельскимъ домомъ , и котораго сердце жаждетъ уже разпространиться далѣе мѣста своего рожденія , воображеніемъ расширяетъ кругъ своихъ мыслей , надеждъ и желаній , кругъ своей дѣятельности . Онъ мечтаетъ : — онъ смущенъ , задумчивъ , и кажется нѣсколько разсѣяннымъ , невнимательнымъ къ предметамъ , его окружающимъ ! — Добрые друзья , благонамѣренные родинели , знакомые хотѣли бы знать эстаго причину ! — На что спрашивать ? — Человѣкъ сотворенъ обществственнымъ : законы природы священны ! — Онъ творитъ свой міръ , дополняющій его одинокость . Сообразно своему характеру пылкому , спрастному , или нѣжному , или холодному , онъ вымышляетъ лица , даетъ имъ дѣйствіе , самъ дѣйствующій или спраждающій , разговариваетъ съ ними въ мысляхъ , производитъ судъ , торжествуетъ и терпитъ , выигрываетъ и проигрываетъ , благошво-

ришь и перзаешь, царствуетъ и рабствуетъ : — однимъ слсвомъ, онъ сочиняешь *Романъ*! — Это всякой испыталъ въ своей молодости, разумѣется болѣе или менѣе, по своему характеру; всякой человѣкъ романистъ, въ возрастѣ зрѣломъ; — прежде романистъ, нежели онъ чипадъ какой-нибудь романъ, и останется имъ даже и тогда, когда приступяшся его глаза и охладѣешь сердце для всѣхъ наслажденій. — Повторю: мечтаешь себя окруженнымъ милыми предметами, опъ насъ зависящими или имѣющими на насъ вліяніе, споль же напурально, необходимо, какъ жить, какъ дышать. — Вотъ основа занимательности романовъ! и кто не видитъ, что она та же, которую мы прежде предположили: любовь къ самому себѣ, или отношеніе предметовъ къ намъ самимъ, — произшествія, случившіяся съ нашими ближними. — Молодые совершаютъ въ мысляхъ своихъ будущія свои приключенія, вымышляютъ щасшіе и нещасія, труды и побѣды, успѣхи и опасности. — Старики. . .

живушь тѣмъ же, только на оборотъ. — Ихъ наслажденіе есть воспоминаніе и сожалѣніе о прошедшемъ, а иногда и желаніе возобновить его. — Старый рыцарь съ оппиленною ногою, изможденный, возсѣдая на прагѣдовскѣмъ креслѣ, слушаетъ о подвигахъ другаго Рыцаря. Румянецъ является на морщиноватомъ и блѣдномъ лицѣ его! — Рука его поднимается . . . голова, преклоненная къ плечамъ, выпрямливается. . . . глаза блестятъ. . . . онъ весь въ трепетѣ . . . онъ спучилъ коспылемъ въ полъ, встааетъ; кажется, деревяшка, замѣняющая оппиленную ногу, принимаетъ жизнь: онъ маршируетъ и восклицаетъ: *такъ точно было при нашемъ другѣ и отцѣ Суворовѣ!* — Сладкія чувствованія родства, дружбы, любви, великія пожертвованія, добродѣтели или пороки, прелестные виды природы, каршины, доставляемые прошедшимъ и настоящимъ: все это вмѣстѣ составляетъ запасный магазинъ романиста! — хорошо, когда бы Романы всегда усмремлены были къ доброй цѣли, когда бы писали ихъ Ричардъ

Книж. VII. Е

соны и Филдинги! — Хорошо, когда бы Романы могли служить путемъ къ величайшей, цѣлою жизнію приобретаемой, наукѣ — къ познанію насъ самихъ, способомъ къ образованію нашей нравственности! —

Въ чемъ состоитъ занимательность Басни? — Въ томъ что мы въ ней видимъ самихъ себя подъ другими видами, въ обстоятельствахъ намъ близкихъ. Въ Баснѣ человѣкъ приводится предъ судилище звѣрей. — Злаго наказываетъ волкъ, коварнаго — лисица, робкаго — заяцъ, свирѣпаго — пигръ. — Полезная истина, въ ней заключенная, и удовольствіе сравнивать ее съ аллегоріею, въ которую она облекается: Вотъ неизгладимое наслажденіе сего рода сочиненій!

Я имѣлъ уже случай въ прошедшій разъ сказать о занимательности Драмы, Поэмы, Оды! — Такимъ образомъ всѣ роды Поэзіи могутъ быть подведены подъ предложенное мною правило изящной Словесности. — Кажется, теперь его достоверность непреложна.

И такъ слѣдуя однажды принятому мною порядку, сначала опредѣлилъ я искус-

ство и его сущность, потомъ старался утвердить основу науки, ея цѣль, ея пространство. — Теперь совершенно видна точка, съ которой начать должно поприще наше, и точка, гдѣ его кончить. — Осталось только снарядить, такъ сказать, Аплеша Стихотворца, долженствующаго заблаговременно подумать о томъ, что ему особенно нужно, безъ чего онъ обойтись не можетъ въ опасномъ подвигѣ своемъ. — Гораций говоритъ :

Берите прудъ всегда не выше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ.
Какъ съ берегу пловецъ объемлетъ путь
проспанный,
Вникайте въ свой предметъ, и будьте
постоянны:

**Тогда уступитъ вамъ Піеридъ свѣтлой хоръ,
Порядокъ, красоту, пріятностей соборъ!**

Очень странно то, что у насъ существующее еще по сію пору довольно господствующее мнѣніе, будто для Спиховска гораздо менѣе пребудетъ высшихъ талантовъ, нежели для другой науки. — Иные, представляя Поэзію вдохно-

веннымъ , или, украшая его непонятнымъ
пишуломъ генія, мыслятъ, что ему чуждо
всякое ученѣе, всѣ занятія. — Для нѣкоторъ-
рыхъ слово, Стихотворецъ, служишь сино-
нимомъ умственной вѣтренности, химери-
ческихъ мечтаній, юродствующаго вооб-
раженія, занимающагося бездѣлками! —
Кто виноватъ, что такъ у насъ дума-
ють о любезныхъ чадахъ Аполлона! —
не онѣ ли сами? — Многие ли изъ нашихъ
молодыхъ Стихотворцевъ сами понима-
ють надлежащимъ образомъ важность
своего искусства? и многие ли подозрѣва-
ють, что оно имѣетъ постоянную, об-
ширную Теорію — плодъ глубочайшихъ
ислѣдованій и трудовъ безчисленныхъ? —
Не заключають ли у насъ Поэзію въ од-
номъ механизмъ сопосложенія? — не пи-
шутъ ли Драмъ, не заботясь узнать
то, въ чемъ состоитъ сущность Дра-
мы? — Въ 15 лѣтъ творять Поэмы;
вѣдая о Поэмѣ только то, что она са-
мое большое изъ всѣхъ стихотворныхъ
сочиненій, и раздѣляется на пѣсни; сла-
гають Оды, умѣя только раздѣлять ихъ

на спрофы по 10 и по 8 стиховъ ; пишущъ пѣсни, ограничивая все свое искусство словами: увь! и ахъ! *терплю и люблю*. Одинъ опмѣжуетъ себѣ обласць басни, другой опрѣжетъ своевольно усадьбу эпиграмъ; претій, какъ Батый завоевываешь царство Комедій или Трагедій; четвертой опустошаетъ огнемъ и мечемъ плодоносную землю, обработанную Гомеромъ : никто другой не смѣй ни писать, ни думать о томъ , что угодно было избрать ему своимъ удѣломъ И каждой хочешь быть самовластнымъ. Нѣтъ ни на что апелляціи! . . . Боже сохрани, уеумнишься въ совершенствѣ творенія или въ справедливости мнѣнія сихъ великодушныхъ защитниковъ невѣжества! -- Напомни о правилѣ: . . . и въ ту минушу извергнушь преслупника изъ общества умныхъ громовымъ словомъ педанта, которое на языкъ сихъ господъ сполько же сильно, какъ анаема, и въ ту минушу изженушь изъ общества добрыхъ и даже православныхъ. — Такимъ образомъ замедляется совершенствованіе искусства: оно остаеп-

ся въ своемъ младенчествѣ! — Но для чего Публика не опшцаепъ за свои удовольствія?... Публика почиаетъ это или ниже себя, или не хочепъ озабопшть своего вниманія, или очень снисходительна и довольна всемъ, что ей представляющъ.

Всѣ знаменитые древнихъ и новыхъ вѣковъ Писатели чувствовали и доказали, сколь многихъ талантовъ соединенныхъ, и сколь великихъ трудовъ цѣлой жизни стоило имъ достигнуть той степени совершенства, на которой основали они свое безсмертіе. — Волперъ говорилъ о себѣ, что онъ одному языку Французскому учился шестидесятъ лѣтъ! — Но у насъ иѣкоторыя въ разсужденіи сего думаютъ иначе. Не теряя напраснаго труда убѣждать ихъ доказательствами, посмотримъ на примѣръ, такъ ли легко раждается Ода Гораціева, Ода Ломоносова, или Пѣснь Державина. Плодъ ли она единаго шокмо энтузіазма, которое живописуемъ все, что видимъ предъ собою безъ выбору, безъ сохраненія отношеній,

Безъ плана; или имѣеть планъ постоянной и вѣрной, въ которомъ все связано, все подкрѣпляетъ другое, все споспѣшествуетъ къ усиленію того чувства, которое хочетъ возбудить Стихотворецъ въ своемъ слушателѣ? — Случай, или глубокой и осторожной разумъ произвелъ и сложилъ, на примѣръ, слѣдующую Оду, которая, по пылкости своей, кажется, единственнымъ слѣдствіемъ вдохновенія? -- Я разберу ея ходъ и планъ, дабы показать недоброжелателямъ ученія, что тайна искусства стихотворнаго открыта только для *посвященныхъ*, а не для *профановъ*, а не для модныхъ писцовъ, сочиняющихъ по навыку, такъ какъ не знающіе поютъ, поютъ съ голоса. — Сей разборъ покажетъ намъ между прочимъ и таланты Стихотворца, и его способы пріобрѣтенныя. Предлагаемая мною Ода всѣмъ извѣстна; но, для лучшаго соображенія между частями, почелъ я нужнымъ помѣстить ее здѣсь. Вотъ она:

Пошелъ, — и гдѣ Тристанъ злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!

Поля и грады — стали тробы;
Шагнуль — и царство покорилъ!

О Россѣ! о подвигъ исполина!

О всемогущая Жена, —
Безсмертная Екатерина!

Куда? — и что еще? — уже полна

Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.

Какъ ночью звѣздъ спезя, по небу протя-
женна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ възбле-
стипъ,

И мудрыхъ удивипъ. —

Ужъ ваши имена,

Тріумфъ, побѣды, трудъ, не скроютъ
времена,
Какъ молнии быспрыя, вокругъ міра будущъ
печь.

Подсвѣща очерпилъ блистающій вашъ мечъ;

И славы громъ,

Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ
споровъ,

Изъ дола въ доль, съ холма на холмъ,

Изъ дебри въ дебрь, опъ рода въ родъ,

Прокапипся, пройдепъ,

Промчипся, прозвучипъ,

И въ вѣчность возвѣспипъ,

Кто былъ Суворовъ!

По бранямъ Александръ, по доблести Стоику,
Въ себѣ ихъ совмѣспилъ, и въ обоихъ великъ.

Чорная пуча мрачныя крыла ,
 Съ цѣпи сорвавъ , весь воздухъ покрыва ,
 Вихрь полуночный лепишь богатырь !
 Тьма опъ чела , съ посвиспа пыль ;
 Молнии опъ взоровъ бѣгутъ впереди ,
 Дубы грядою лежатъ позади .
 Сступишь на горы ; — горы прещатъ ;
 Ляжешь на воды ; — воды кипятъ ;
 Граду коснешся ; — градъ упадаетъ ;
 Башни рукою за облакъ кидаетъ ;
 Дрогнетъ природа , блѣднѣя предъ нимъ ;
 Слабыя проспи щадящся лишь имъ .
 Ты-ль , Геркулесь нашъ , новый , полночный ,
 Бурѣ подобный , быспрый и мочный ,
 Твой ли , Суворовъ се образъ побѣдъ ?
 Трупы враговъ и лавры твоей слѣдъ !
 Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ ?
 Все ты всегда вездѣ превозмогъ !
 Новый профей твой днесь созерцаемъ :
 Тронъ подъ побой ; — корона у ногъ ,
 Царь въ полону ! — ужась ты злобнымъ ,
 Кто былъ Царицѣ твоей непокорнымъ .

*

И се въ небесномъ верпоградѣ ,
 На злачныхъ вижу я холмахъ ,
 Благоуханныхъ рошъ въ прокладѣ ,
 Въ прозрачныхъ радужныхъ шапрахъ ,
 Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ ,
 Въ бесѣдѣ ихъ вождей , Царей .

Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ,
 Сидишь; — и лирою своей
 Безплодный слухъ ихъ ушѣщаетъ;
 Поетъ безсмертныхъ дѣла.
 Уже, какъ молнія, пронзаетъ
 Ихъ свѣтлу грудь его хвала;
 Златъ медь блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
 Зари играютъ на щекахъ;
 На мягкихъ, зыблющихъ, перловыхъ,
 Они возлегши облакахъ,
 Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
 Поющій пихострунный хоръ.
 Въ безмолвьи сладко упоаютъ,
 И склабя восхищенный взоръ,
 Взираютъ съ высоты небесной
 На храбрый, вѣрный свой народъ,
 Что доблестью, другимъ безвѣстной,
 Еще себѣ вѣнцы беретъ,
 Еще на высоту возходитъ,
 Всевышняго водимъ рукой. —
 Великій Пётръ къ нимъ взоръ низводитъ;
 И въ ревности своей свяшой,
 Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ,
 Герой Героямъ говоритъ:

„О вы, сѣдючи въ сѣни райской!
 „Одѣньшесь въ свѣшлы днесъ зари!
 „Востань, великій Мужъ Пожарскій!
 „И на Россію песнопори:
 „Ты усмирить ея краюу,

„Избралъ преемника престолу ,
 „Росадникъ славы насадилъ ;
 „И се рукой Екаперины
 „Твои теперъ пожаты крины ,
 „Которы сжатъ я укосилъ !
 „Она нашъ домъ разпроспранила ,
 „И славой всѣхъ насъ превзошла ,
 „Спроптиву Польшу покорила ,
 „Которая твоя врагъ была .

Прорекъ Монархъ , и скрылся въ сѣнь .
 Герои Росски всколебались ,
 Сѣдымъ челомъ приподнимались ,
 Чпобы узрѣть Варшавы плѣнь .

Лежишь измѣнница , и взоры
 Потупя , обращаешь вокругъ ;
 Терзають грудь ея укоры ;
 Чпо раздражала кропкій духъ ,
 Склонилась на совѣтъ зѣбный ,
 Отвергла щипъ Екаперины ,
 Не могли дружбы къ ней зберечь .
 И се днесъ надъ Сармапомъ плѣннымъ ,
 Навѣсясь шлемомъ опереннымъ ,
 Всесильный Россъ занесъ свой мечъ .

Сидишь Орелъ на гидрѣ злобной ;
 Подище , опни мине львы !
 Спремися съ фуріей сѣмъ грозной !
 Герой , оупъ Лены до Невы ,
 Возлегши на лавровомъ полѣ ,
 Ни съ кѣмъ не ссѣдичяся болѣ ,

Лишь мудрой правимый главой,
Щипомъ небеснымъ осѣняясь,
На вѣру, вѣрность опираясь,
Одной вась оптолкнешь ногой.

О стыдъ! о срамъ неимовѣрный!
Быть Россу другомъ и робѣть!
Пожаръ тушить спараться зѣлный,
И бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
Мнишь защищать Монарши правы,
И за корысть лишь воевать;
Желать себѣ безсмертной славы,
И не сражаясь опспупать;
Слышь недругомъ коварству злому
И чпшь его внутрь сердца лдъ!

Но ты, народъ, подобно грому,
Котораго мечи въ дали звучать!
Доколѣ твердъ, единодушень,
Умѣешь смерть и скорби презирашь,
Царю единому послушень,
И съ нимъ по вѣрѣ поборашъ
По правдѣ будешь лишь войною:
Великій духъ! пвой Богъ съ тобою!
На что тебѣ союзъ! о Россъ!
Шагни, — и вся пвоя вселенна.
О ты, Жена благословенна,
У коей сынъ такой колоссъ!
Къ толикимъ скиптрамъ и коронамъ,
Спранамъ, владѣемымъ Тобой,
Со звукомъ, громомъ и со звономъ

Еще одну его рукой
 Прійми корону принесенну,
 И грудь во браняхъ упоменну
 Спѣши спокойствомъ врачевать.
 Твое ему едино слово
 Опраду, духъ, геройство ново
 И щастье можетъ даровать!

А ты, кому и Музы внемлютъ,
 Младый неперсникъ, чашникъ Кроны,
 Предъ кѣмъ Орель и громы дремлютъ
 И вседробящій молній огонь!
 Налей мнѣ кубокъ пивой сапфирный,
 Звѣздами, перлами кипящъ,
 Да нектаръ пивой небесный, сильный,
 На лоно нѣжныхъ Музъ клонящъ,
 На мѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
 Воспѣшь меня возбудить миръ.

И се уже въ спранахъ кристальныхъ
 Несусь, оставя дольний міръ;
 Огнистый солнца конь крылатый
 Лепитъ по воздуху и ржетъ.
 Съ ноздрей дымъ пышетъ синеватый,
 Со удиль пѣна клубомъ бьетъ,
 Спруями искры сыплютъ взоры;
 Какъ овны, убѣгають въ горы; —
 И въ божескомъ восторгѣ семъ
 Я вижу въ пишинѣ полсвѣта! —

Живи, цвѣти несмысленны лѣта,
 О Царствующая на немъ!

Кто лучшій сполькихъ странъ владѣ-
тель

Какъ не въ коронѣ добродѣтель? —

Пошелъ — и царство покорилъ.)
Это есть изложеніе цѣлой Оды, музыкальной речитативъ, въ которомъ коротко и сильно показано все ея содержаніе; показана причина опечесивенной радости и торжества. — Такъ началъ Моисей свой благодарственный Гимнъ Богу по прехожденіи чрезъ Чермное море, единственный и несравненный, какой шокмо оставила намъ древность! Онъ начинается: *Поилъ Господеви и пр.* Я не останавливаюсь на словахъ: *пошелъ, шагнулъ, и царство покорилъ.* Въ стихахъ сихъ нѣсколько смущается соображеніе близости словъ неравно - высокихъ: *шагнулъ, и покорилъ.* Когда Гомеръ представляетъ разъяреннаго Непшуна, сдѣлавшаго только четыре шага до Иліона: я воспигаю быстроту движенія; но *шагнуть и покорить царство:* это не такъ удачно связывается, и не такъ, какъ въ прекрасныхъ словахъ Юлія Цезаря: *пришелъ, увидѣлъ, побѣ-*

дилъ, гдѣ быстрая постепенность очевидна: ибо въ словѣ покорять заключается уже продолженіе времени. Впрочемъ, краткость и сила періода замѣняетъ съ обольщающимъ избыткомъ сію маленькую непрочность. — Спокойной, холодной Прозаисъ спалъ бы насъ медленно вводитъ въ сію сцену. Онъ бы объявилъ: кто пошелъ, какъ пошелъ. Стихотворецъ воспорженный вдругъ видитъ себя посреди сцены, посреди ужасовъ боя, посреди торжества побѣды, и, обнимая все сіе очами воображенія, спраситъ, не можешь думать, чѣмъ и всѣ его слушатели не созерцали же того, что онъ созерцаетъ, и не чувствовали того, что онъ чувствуетъ. — Такъ сесира, восхищенная нечаяннымъ возвращеніемъ брата, или другъ, обрадованный прибытіемъ друга, вбѣгаетъ въ комнату своихъ родителей, и не въ силахъ произнести его имени, говоритъ только: онъ пріѣхалъ, онъ пріѣхалъ, онъ! онъ! какъ будто всѣ должны знать, кто долженъ быть онъ, эгоистъ любезнѣйшій! — Восторгъ еси еси-

венно и просто выраженный, производящій полное свое дѣйствіе! Столь же естественъ переходъ отъ сего изложенія или речитатива къ слѣдующему, какъ будто къ нѣкоторой аріи, изъясляющей вмѣстѣ радость и удивленіе:

О Россѣ! о подвигъ исполина — Царицѣ твоей непокорнымъ.) Въ вопросахъ: куда и что еще, заключается особенная сила. — Державинъ представляеть не какъ живописецъ, но какъ Поетъ, лица свои въ дѣйствіи. — Симъ, едва вѣроятнымъ подвигомъ Царица и водимый Ею побѣдители не упомились; преодоленіе величайшей трудности не останавливаетъ ихъ: они готовы, они стремятся далѣе къ новымъ подвигамъ. — Изображеніе опочившаго среди пріумфовъ Героя было бы не столь пріятно, не столь возвышенно. — *Уже полна великихъ вашихъ дѣла вселенна*). — Просто и прекрасно. — Не разпространяюсь о блистательномъ сравненіи: *какъ ночью звѣздѣ стезя — и мудрыхъ удивитъ*); оно конечно скорѣе восхишитъ молодыхъ

поэтовъ, но, кажепся мнѣ, нѣсколько вы-
 исканнымъ для сердца восторженнаго, особ-
 ливо сія блестящая цѣль дѣяній. Я замѣчу
 здѣсь съ большимъ удовольствіемъ тонкую,
 благородную черту, заключающуюся въ од-
 номъ словѣ: *вашихъ*, которое умышленно
 Стихотворцемъ повторено нѣсколько разъ.
 — Державинъ, какъ папріотъ и Поэтъ,
 не славиль одну шокмо Госуда-
 рыню: онъ сливаетъ пруды Ея съ пруд-
 ами подданнаго, Ея славу съ его славою,
 Ея имя съ его именемъ. Какъ сладостно
 должно быть такое чувство и для Ека-
 терины, и для Ея достойнаго Росса! —
 Щастливы Монархи, которыхъ слава и
 при жизни и въ самое позднее время не
 опдѣляется отъ славы народа! — И
мудрыхъ удивитъ). — Въ словѣ: *мудрыхъ*,
 заключается сила: она, цѣль и пр. изумитъ
 самую мудрость, коя видитъ далѣе, су-
 дитъ спрого. Грамматики охотно про-
 щаютъ Стихотворцу, что онъ, вмѣсто
именъ, поставилъ *имена*; очень вѣро-
 ятно, что и Риторика извинитъ эту
 непостепенность: *Тріумфъ, побѣды, трудъ,*
 Книж. VII. Ж

и свѣпила, названныя *молніями*, ибо молнія освѣщаетъ вдругъ, а не *течетъ вокругъ міра*. — Прекрасная мысль! дѣла, имена Екашеріны и Россѣ будутъ новыми свѣпилами, озаряющими нравственный миръ! Но каковъ эпитетъ мечъ, который очертилъ повселенны! — какова рука, которая должна управлять имъ! — Кажется, я вижу вождя Небесныхъ Силъ Михаила, изъ селеній горныхъ устремляющагося на мяпежниковъ ада! кажется, вижу его, копье, простирающееся отъ Востока до Запада! Таковы должны быть стихотворныя образы! — они возвышаютъ и поражаютъ душу какимъ-то яркимъ свѣтомъ!

И славы громъ — Суворовъ). Картина для слуха и для взора! — но, кажется, есть въ ней подробности, не столь разительныя для читателя опытнаго, какъ предыдущія. Можемъ ли мы усаживаться игрою словъ, смотрѣть на холмы и дебри, какъ слухъ прокатится, и путь же пройдетъ и путь же прочитается; и путь же прозвучитъ изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ, смотрѣть при этомъ ужасномъ

мечѣ, при сіяніи свѣшилъ, обтекающихъ вселенную, при этой спезѣ звѣздъ по небесамъ, столь величѣнно ихъ препоясавшей лучезарною, огненною полосою! — Мысль не успѣваетъ за Державнымъ. Захочетъ ли потомство узнать характеръ Суворова? — Онъ живописуется весь въ одномъ стихѣ:

По бранямъ Александръ, по доблести
Споикуъ,
..... и въ обоихъ величѣ.

Но Стихотворецъ не доволенъ симъ опредѣленіемъ; онъ видитъ Героя своего въ буряхъ:

(Черная туча мрачныя крыла—кто былъ Царицѣ твоей непокорнымъ.)

Это, безъ всякаго сомнѣнія, прекрасное мѣсто показываетъ впрочемъ, какъ трудно быть непрерывно возвышеннымъ безъ натяжки, или безъ упомленія. Одинъ изъ древнихъ Поэтовъ представилъ Энцеллада, который ставилъ горы на горы для

Ж 2

того, чтобы взойти на небо. Онъ под-
 нялъ на плеча свои Оссу, чѣмъ вознесши
 ее на Пеліонъ, и въ ту самую мину по-
 лилась по хребту его цѣлая рѣка, произ-
 текающая изъ сей горы: вопѣ смѣшная
 черта, которая испортила всю картину,
 столько возвышенную! — Мнѣ кажется
 также, не предають ничего великолѣп-
 ной картинѣ Державина стихи такіе,
 какъ: *башни рукою зѣ облакъ бросаетъ*;
 это слишкомъ игриво для бурнаго въпра;
 также: *градъ упадаетъ*, когда коснулася
 буря; градъ въ семъ смыслѣ можетъ раз-
 рушиться а не унасть; также: *кѣмъ ты*
бывалъ, когда побѣждаетъ, все ты всегда
вездѣ превозмогъ и пр.

Душа наша въ своихъ наслажденіяхъ
 чрезвычайно нѣжна и раздражительна:
 одинъ звукъ неровной, вышедшій изъ
 тона, или не столь сильной, пошчасъ
 разрушаетъ ея очарованіе. — Но Дер-
 жавинъ опять уже на высотѣ паренія
 своего. Что можетъ быть сильнѣе слѣ-
 дующихъ крашкихъ словъ: *Тронъ подѣ*

тобой, корона у ногъ, Царь въ полону! —
Можно ли послѣ сихъ выраженій крипи-
ковать: ужасъ ты злобылибъ, кто и
пр.? — —

Покореніе Варшавы шѣмъ было для
насъ пріятнѣе, что оно заключало въ
себѣ праведное мщеніе за безчисленные
обиды, нѣкогда причиненныя Поляками на-
шимъ предкамъ. Это была война за опече-
ствленную славу, нѣкогда оскорбленную;
это триумфъ, посвященный попомками
предкамъ. Надобно, чтобы они соедини-
нили съ нами свою радость, чтобы ушѣ-
шились въ горестяхъ, нѣкогда ими пре-
терпѣнныхъ. — Поемоприте: Поешь он-
верзаетъ вамъ небеса, и вы ихъ видите
подобно вамъ шоржествующихъ: они слы-
шатъ васъ — сіи любезнѣйшія Тѣни раз-
дѣляютъ съ вами ваши удовольствія!
онѣ благословляютъ васъ:

И се въ небесномъ вертоградѣ — чтобы
узрѣть Варшавы плѣнь.) Не лзя сказать,
что болѣе высокое благоразуміе, или во-
ображеніе изобрѣло и украсило эту кар-

пину. Вы видите по связи, что она не родилась сама собою, но приготовлена, и непременно должна быть прежде обдумана, измѣрена и разположена! — Нельзя изобрѣсть ничего приличнѣе, натуральнѣе! — Сколько прекраснѣйшихъ мѣстъ, на копорыхъ такъ пріятно покоится наше воображеніе! — Я люблю видѣть сихъ вождей и Царей, которые и *тамъ*, не небесахъ, обитають посреди прежнихъ своихъ любимыхъ подданныхъ, посреди прежнихъ товарищей своихъ на битвѣ, вмѣстѣ нѣкогда спрдавшихъ за Вѣру и Отечество, и теперь вмѣстѣ веселятся тѣмъ же семействомъ, тѣмъ же обществомъ! Люблю видѣть Ломоносова вмѣстѣ съ Державинымъ: одинъ поетъ на небѣ, другой показываетъ намъ поющаго! — Два великія Генія стоятъ на ряду! — Люблю видѣть нѣкоторыя черты старинныхъ нашихъ обычаевъ, старинныхъ пиршествъ! Эпошъ Руской нектаръ, *златый медъ въ устахъ* пунцовыхъ, эпи перловыя, мягкія облака, сіи небесныя ковры, сіи небесныя дѣвы и арфы: —

какая небесная роскошь! — Теперь пусть говорятъ, что отъ Оды не возможно требовать плана! Онъ долженъ быть и есть въ твореніяхъ великихъ Писателей; пѣмъ труднѣе сохранить его, что онъ скрытъ, и имѣетъ всѣ наружныя признаки безпорядка, столь свойственнаго испуленному воображенію и пламеннымъ чувствамъ. Пускай говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣсненія; это не справедливо. Природа и въ самую бурю, когда все, кажется, готово разрушиться, не теряетъ своей стройности, или лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ; почему же не должны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя? — Въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная: ее-то долженъ открыть и исполнить Стихотворецъ. — Но . . . вспомнимъ, что мы въ сѣни райской, гдѣ объ системахъ не спорятъ . . . Не чувствовали вы сладкаго благоговѣнія, пощащающаго вашу душу? Преклонитесь: это Пётръ, обновитель, образователь своего

Отечества! Онъ учреждаетъ торжество небесъ, Онъ судитъ подвиги Екатерины, побѣды Суворова! — и съ кѣмъ судишь? — съ Пожарскимъ, бичемъ Поляковъ, спасителемъ прона, независимости Россійской! — Сколько идей возбуждаются сими великими именами! — Открывается бездна несчастій, въ которую ввержена была Россія, и скрежещеть еще лютость варваровъ, и слышны еще стenanія изможденной Москвы, — но се, процвѣла ея свобода, — образованіе Отечества, утвержденіе Россіи между политическими Державами, огражденіе предѣловъ, внутреннее устройство; — рядъ великихъ Государей, слѣдующихъ единому великому плану Петра Перваго и наконецъ Екатерина, совершающая то, что предположили Ея предшественники сіи благопвѣрители Отечества: рай мыслей сладостныхъ, утѣшительныхъ! — Кто прежде былъ страшень, тошъ лежишь теперь поправный, окованный узами униженія! Что мы прежде были и что теперь, усмиривъ споль сильнаго,

столь безпокойнаго непріятеля!!! Можно ли хвалишь вмѣстѣ такъ пріятно, и такъ нѣжно! и — *Петръ Первый* говоришь:

Она нашъ домъ разпространила,
И славой всѣхъ насъ превзошла;
Строптиву Польшу покорила,
Которая пивой врагъ была. . . . (*)

(Изрекъ *Монархъ*, и скрылся въ сѣнь!)

Не пріятно расставаться съ Особою, предъ Которой благоговѣешь и Которую любишь; въ семъ отношеніи черта: скрылся въ сѣнь, не имѣешь полного своего эстетическаго дѣйствія; но она гораздо пріятнѣе *Ангеловъ*, смотрящихъ сквозь хрустальную дверь небесъ на торжествующихъ смертныхъ. Здѣсь величіе Героя не унижено. Въ эпомъ замѣчаніи виноватъ самъ живописецъ: для чего онъ такъ прелестно пишетъ? — Для чего показавъ картину очеровательную, опшимаешь ее такъ скоро? — Слѣдующая картина вознаграждаетъ васъ.

(*) Безсмертный Пѣснопѣвецъ! . . . а *теперь*? — сколько предметовъ для Твоей эластичной лиры! . . .

за вашу патріотическую ревность! — Радость о низложеніи непріятельницы пролетѣла въ сонмахъ блаженныхъ Героевъ. — Они возколебались, чтобы узрѣть ея паденіе. — Прекрасно! Но нужно ли представлять ихъ, приподнимающихъ чела свои? они смотрятъ съ высоты небесъ. — Впрочемъ это показывается, можетъ быть, святое нестерпѣніе праведниковъ, увидѣть скорѣе славу опечеснвленную! — Все прекрасно! —

Что еще сказать выше и болѣе въ похвалу Монархини? — Но Геній обрѣшаетъ новое средство, и обрѣшаетъ его въ глубинѣ сердца человѣческаго. Велика побѣда надъ сильнымъ, ожесточеннымъ непріателемъ; но гораздо большая, — заставитъ его самого раскаиваться въ своихъ несправедливостяхъ, заставитъ его, оправдывать свою Побѣдительницу, удивляться Ей, благоговѣть предъ Нею: вотъ вѣнецъ, драгоценнѣйшій для всѣхъ завоевателей! Искусство краснорѣчія торжествуетъ.

Лежитъ измѣнница — одной васъ оттолкнетъ ногой). Стихотворное изображение! Но въ сихъ двухъ спрофахъ заключаюпся двѣ картины; которыя, будучи обѣ масперскія, не могутъ, кажется, слѣдовать одна за другою. — *Лежитъ измѣнница и, взоры потупя, обращаетъ въ кругъ и пр.* Помомъ непосредственно плѣнный *Сарматъ*, надъ которымъ всесильный *Россъ* занесъ свой мечъ; (плѣннаго не сѣкутъ, не рубятъ:) и попомъ *Орелъ*, возсѣдающій на злобной гидрѣ, при защищеніи львовъ, въроятно тогдашнихъ крамольныхъ ея защитниковъ, отражаемыхъ Героемъ, простершимся отъ *Лены* до *Невы*. Трудно все это помѣстить въ одной рамѣ. *Измѣнница, Сарматъ, Гидра* все таже *Польша*; все говорится обѣ одномъ и только подъ разными образами, изъ которыхъ, еще повпоряю, каждой очень хорошъ; но всѣ вмѣстѣ мешаютъ другъ другу. И какъ гидру защищать, или оппимать лвамъ? — Когда представляемъ мы въ аллегоріи звѣрей, то, кажется, непременно должны

сохраняшь ихъ естественныя между собою отношенія; между гидрой и львами въшь отношеній и связей. — Попомъ употребивъ аллегорію, должно ее выдержать. — Пѣснопѣвецъ вышелъ уже изъ нее, говоря объ Россѣ, занесшемъ ужасной мечъ; еще болѣе отъ нее удалился, перемѣнивъ совершенно сцену представленіемъ Героя, возлежащаго отъ Лены до Невы, и толкающаго львовъ ногою! — Замѣшимъ и здѣсь искусство Пѣснопѣвца; онъ представляетъ низверженную измѣнницу въ состояніи раскаянія; грудь ея *терзають укоры* за то, что *раздражила кроткій духъ* Екашерины, что опвергла Ея покровительство, и за то единственно теперь наказывается! — Самая кара становится не мщеніе, но исправленіе, дѣйствіе божественнаго правосудія! — Какъ блистательно явлены дѣла благошворительной Побѣдишельницы! — Усомнясь нѣсколько въ столь близкомъ соединеніи разнородныхъ картинъ, еще не могу умолчать о красотѣ одной изъ нихъ, разсматриваемой отдѣль-

но, о семь холодномъ мужествѣ Россѣ, который, будучи управляемъ мудрою Главою, осѣненный щитомъ небеснымъ, опершись на Вѣру и вѣрность, безъ всякой посторонней помощи съ презрѣніемъ женить опъ себя враговъ своихъ. — Вся эша картина понравится всегда папріопическому сердцу, кромѣ, можетъ быть, послѣдняго стиха, которой не въ тонѣ Оды.

Теперь Снихотворецъ, какъ лице, участвующее во всѣхъ прежде представленныхъ сценахъ, говоритъ самъ опъ себя вѣроломному народу, и послѣ побѣдишелямъ Россіянамъ. — Таковъ священный санъ Барда; театръ его: вселенная и вѣки, ему внимають Цари и народы. — *О стыдѣ, о срамѣ неимовѣрный — О Ты въ женахъ* и пр.) Но мы должны прежде замѣшитель удивительный переходъ, копорой сдѣлалъ Державинъ опъ первыхъ картинъ къ послѣднимъ. — Всего пріятнѣе для души нашей, когда она возвышается, и чувствуетъ свое возвышеніе. И такъ, перенося ее въ небо, Снихотворецъ

исполнялъ ее величественнымъ удовольствіемъ: но какимъ образомъ спустился онъ съ небесъ, на сію брѣнную землю, не давъ ей почувствовать неудовольствія, произтекавшаго отъ разлуки съ пріятнѣйшими мечтами? — Должно признаться, что это самой труднѣйшій подвигъ. Превосходнѣйшіе Писатели рѣдко совершали его удачно. — Обыкновенно, въ такомъ мѣстѣ спавили точку: конецъ. — Державинъ очаровалъ насъ, и не далъ намъ примѣтить перехода. Гдѣ же онъ насъ низводитъ? — Тамъ, гдѣ: *Герои Россіи взколебались — лежитъ излюбница, и взоры потупя, обращаетъ вкругъ.* — Вы обращаетесь на предметъ самой для васъ торжественной; ибо на униженную непріятельницу пріятно обратитесь. Вы, или взоры ваши спускались не одни, но вмѣстѣ со взорами блаженныхъ Героевъ — правдоговъ. — Не пріятно ли быть вмѣстѣ съ ними? ... Небеса не закрылись; вы отъ нихъ не отдѣлены: и сцена въ воображеніи оспалась вся та же, какая была прежде: опверстое небо, на облакахъ

Герои, а на земли Россы торжествующіе. Есмьлибъ не было эшого перехода, то піеса должна или кончится, или все прочее не относилось бы къ главному предмету; Другими словами, нарушилось бы единство. — Самое лучшее средство для всѣхъ писателей Ода, спарашься всегда изъ своихъ мыслей, чувствованій и картинъ представлять драматическую сцену съ Аккерами и зрѣлищемъ. — Дайте всему пристойное положеніе, а сами будьте на время зрителями: пошчасъ откроется, что прилично, что не прилично, что въ своемъ мѣстѣ, и что нѣтъ. И такъ натурально, что при настоящемъ торжествѣ обитателей небесныхъ, возлежащихъ на облакахъ, и жителей земныхъ, ликующихъ о столь знаменитыхъ завоеваніяхъ предъ очами скованной плѣнницы, перзающей себя въ опчаяніи, предсталъ священный пророкъ, или вдохновенный Бардъ къ народамъ. — Такимъ образомъ утверждена связь между предыдущею и слѣдующею строфою, и доказано, что Стихо-

творецъ ни мало не унизился въ ходѣ своей Оды, начавъ говорить отъ своего лица: — О стыдѣ! о срамѣ неимоверный — и чтитъ его внутри сердца ядѣ). — Что можетъ быть натуральнѣе, какъ послѣ путешествія по морю, вышедши на берегъ, воспоминашь о прошедшихъ опасностяхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, копорыхъ пловцы избѣжали? Что пріятнѣе для воина, какъ воспоминашь прошедшія бури брани, всѣ ужасы, напасти, измѣны, вѣроломства друзей, и когда при всемъ этомъ война кончилась, щасливо? Чувство сея радости и чувство патріотическаго негодованія къ невѣрнымъ союзникамъ, которые повергли опасностямъ нашихъ братьевъ и друзей, начершало сію строфу. — Въ связи ли она съ предыдущими? Конечно. Это не что иное, какъ новой способъ, возвыситъ важность побѣды, 1) тѣмъ, что она окончана была покореніемъ цѣлаго Царства; 2) тѣмъ, что опмщенъ предки; 3) тѣмъ, что пріобрѣтена собственными силами безъ вся-

кія помощи, и припомъ при коварныхъ умыслахъ союзниковъ, которыхъ усилія остались щещными. Вы изволили примѣшпъ, что Спихотворецъ обращается около своего предмета безпрестанно въ то время, когда, по видимому, онъ будто бы покинулъ его, и говоритъ безъ всякаго намѣренія о Союзникахъ, кои не держатъ своего слова: новое искусство закрыть планъ! — (Но какая тебѣ нужда въ нихъ, о Россѣ! Но ты народъ — и вся твоя вселенна!) Особенно пріятно встрѣчатъ въ самыхъ торжественныхъ Одахъ Державина всегда черпы нравоучительныя. — Похваляя Россю, онъ напоминаетъ, какъ Патриотъ, при всякомъ случаѣ и тѣ dobroты, которыми Россѣ возвысился, и тѣ силы вспомогательныя, на которыхъ основано его величіе и благоденствіе: швердоспъ единодушіе, презрѣніе скорби и смерти, повиновеніе власти, правду, вѣру и Бога! съ сими неизмѣнными друзьями конечно: шагни — и вся твоя вселенна! —

Обращеніе къ Великой Императрицѣ также очень прогашельно Примѣшпю
 Книж. VII. 3

и въ которое упомленіе Поэта, но не паденіе, не слабость..... Да не подумають почтеннѣйшіе мои Слушатели, чтобы чрезъ это упомленіе разумѣлъ я недосмапокъ: напрошивъ того! во многихъ знаменитѣйшихъ Писателяхъ въ концѣ Оды сей опшѣнокъ есть искусственной. Ибо что такое Пѣвецъ? — То же, что Пирія, сѣдящая на преножникѣ и дающая опѣшны. Она ожидаетъ бога Аполлона, которой исполняетъ ее своимъ духомъ. Сіи вдохновенія бывають, и должны быть кратковременны; сіи усилія преодолевають слабую природу человѣческую. — Поэтъ совершилъ свое опкровеніе, и долженъ казаться упомленнымъ; ибо былъ обителію силы сверхъестественной, обителію бога. Въ противномъ случаѣ онъ вышелъ бы изъ предѣловъ вѣроушія! — Гораций всегда, Державинъ во многихъ случаяхъ сохраняють сіе правило, почерпнутое ими конечно не изъ книгъ, но въ самомъ своемъ сердцѣ. — Поручивъ побѣдоноснаго Росса храненію и врачеванію благодѣтельной Монархини-

Матери, Поэтъ обращается къ Ганимеду. — *А ты — возбудишь пѣтъ миръ.*) И могъ ли небесный виночерпій опказать гению Державина! Ему принадлежитъ амврозія, или безсмертіе, — пламень вдохновенія, вино стихотворнаго пророчества! Писатель разумѣлъ безъ сомнѣнія сей небесной даръ, пошребной для прославленія мира, котораго онъ желалъ, какъ сынъ Опечесства, и которой близокъ былъ по обстоятельствомъ. — Пусть было бы это одно желаніе: — оно уже драгоцѣнно! И въ какомъ приличномъ, по сердцу Писателя, мѣстѣ! Услышана молитва Державина: *и се уже въ странахъ эфирныхъ.* — *Я вижу въ тишинѣ полсвѣта.*)

Теперь очевидно, что онъ ни мало не ослабѣлъ въ своемъ пареніи. Обращеніе къ Государынѣ споль простое, не украшенное потому натурально, что оно изображаетъ чувство благоговѣнія и нѣкоторой боязни, раждающейся въ насъ, при воззрѣніи на лице великаго, могущаго священнаго человѣка! Державинъ кончилъ

споль же высоко, какъ началъ, хошя въ
 средияѣ иногда, и казался ниже обыкновен-
 наго своего паренія. Довольно, чшо онъ
 достигнулъ своей цѣли. Прекрасно срав-
 ниваетъ Касшельвешро Пиндара съ ко-
 раблемъ, вынесеннымъ изъ гавани бурейю. —
 Сперва онъ былъ видимъ во всемъ своемъ
 блескѣ; — буря усилилась; — онъ яв-
 ляется то на поверхности воды, то подъ
 водою — то въ пламени, то во мракѣ. —
 Споящіе на берегу почипали его уже по-
 гибшимъ, попонувшимъ; но вдругъ небо
 просіяло, море утихло, и корабль спойшъ
 на берегу. — Сравненіе хорошо для Оды; но
 оно же показываешь и излишнія ошспу-
 ленія Пиндара отъ своего предмета, мно-
 гія темнощы, кошорыя чувспвовали да-
 же его современники, излишнюю свободу
 въ порядкѣ и ходѣ — Прочитанная мною
 шеперь Ода Державина, при всѣхъ сю-
 ихъ порывахъ, свободна и ошъ сего изли-
 шеспва. — Онъ ни на минушу не скрывал-
 ся ошъ взоровъ. Во всей Одѣ одна сце-
 на: небо и земля, вмѣспѣ ликующія. —
 Въ послѣднихъ стихахъ чувспвишеленъ

пламень обѣтовъ усердныхъ подданнаго къ Императрицѣ, сына къ Матери; — и какъ можно лучше кончить? — *Живи — добродѣтель*.) Прекрасную Пѣснь сію разбиралъ я только въ одномъ планѣ и ходѣ, для того наиболѣе, чѣмъ опровергнуть мнѣнія о Стихотворствѣ пѣхъ, которые думаютъ, что оно состоитъ въ одномъ механическомъ устройствѣ словъ и въ римахъ! — Чувствую, что мнѣ говоришь объ этомъ спѣшно при почтеннѣйшихъ Слушателяхъ и Слушательницахъ; но я говорю противъ вреднаго мнѣнія, и долженъ былъ позволить себѣ безнужныя нѣкоторыя подробности. — Пусть знаютъ, что быть Стихотворцемъ, не только требуетъ великаго отъ природы дарованія, но сверхъ того многотруднаго изученія правилъ, искусства, природы и человека, великихъ пособій изъ другихъ наукъ; -- короче, пусть молодые поэты знаютъ, что, духъ Философа, Стихотворца, Политика одинъ и тотъ же духъ. Что въ разсужденіи искусства замѣтили вы въ сей Одѣ, то самое есть и въ хорошей баснѣ и въ хоро-

шей пѣснѣ, и во всякой стихотворной бездѣлкѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ стиховъ, которую правильно написашъ такъ же трудно, какъ и большое сочиненіе. — Я часто слышалъ, какъ хваляшъ нашихъ лучшихъ Сочинителей: — Какъ громко пишешъ Ломоносовъ! какъ гладко изъясняется Державинъ! — какъ плавны стихи Дмипріева! какъ нѣжно пишешъ Сумарковъ! какъ чисто пишешъ Карамзинъ! какъ легко это переведено, или сочинено! — Милостивые Государи! вы не хвалите, а оскорбляете вашихъ любезныхъ Поэтовъ. У насъ теперь, благодаря времени и привычкѣ, всѣ уже почти пишутъ гладко и чисто: но какъ же вы опишете первыхъ Писателей отъ посредственныхъ? — Гладкость, плавность, чистота, легкость, громкость, точность: все это вмѣстѣ не что иное, какъ только начала ихъ искусства. — Ищите далѣе своихъ наслажденій, и вы найдете ихъ въ тѣхъ же самыхъ Поэтахъ, если рѣшитесь испытать и науку, и собственные ваши чувства. — На вопросъ мой: какова Ко-

медія, отвѣчаютъ мнѣ съ восторгомъ :
число написано! — какова Трагедія? —
Отвѣчаютъ: прекрасные стихи, и пош-
чась прочтуть ихъ; но красота Тра-
гедіи и Комедіи состоитъ не въ однихъ
только прекрасныхъ стихахъ. — Какова
Сапира? — Отвѣчаютъ: ну, ужь бѣда: —
всѣхъ перебралъ! — Но это не все еще
для Сапиры. — Надъ чемъ Стихотворецъ
болѣе шрудится, что болѣе всего обна-
руживаешь его таланты: планъ, харак-
теры, дѣйствія, сохраненіе, измѣненіе
тоновъ: — объ этомъ никто не говоритъ
ни слова, какъ о такомъ дѣлѣ, которое
ничего не значить. — Теперь и питомецъ
Музъ, не самозванецъ, скажешь: для когото
я шружусь!... И вошъ причина, отъ чего
шеатръ нашъ наполненъ по большей ча-
сти эпическими Трагедіями и Комедіями
безъ характеровъ и дѣйствія; аплоди-
руютъ слову, не думая объ томъ, при-
лично ли оно, и на своемъ ли мѣстѣ! —
Я видѣлъ въ одной Руской Драмѣ, пріоб-
рѣтшей благоволеніе Публики, какъ лю-
бовникъ услышавъ внезапно, что лю-

бовница его бросилась въ прудъ, вмѣстѣ
 того, чтобы бѣжать избавить ее, или
 упонуть вмѣстѣ съ нею, со всею на-
 боженостію спановишся на колѣни, и чища-
 ешь продолжительную молитву о сохра-
 неніи жизни ея. И многіе безъ памяши
 радовались, можетъ быть впрочемъ, и хо-
 рошей сей рѣчи, произнесенной со всѣми
 движеніями спрастнаго человѣка! — Пуб-
 лика школа писателя. — Ахъ, въ ка-
 кой школѣ учились Расинъ и Корнель! —
 Уважимъ самихъ себя, уважимъ науку и
 талантъ Спихотворца изъ любви къ са-
 мимъ себѣ, и очистимъ чрезъ то общ-
 венныя наши удовольствія!

Мрзкв.

Конецъ VII книжки.

AMFION

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

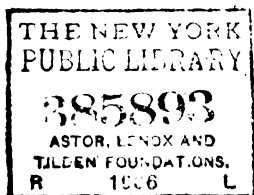
~~~~~  
А В Г У С Т Ъ.  
~~~~~


МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1815.

**Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Сентября
6 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Денигубскій.**

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стран.
I. Похвалы Друза.	1
II. Къ Лидіи.	4
III. Отрывки изъ Тассова Іеру- салима.	6
IV. Посланіе Армиды.	23
V. Пѣснь воинамъ. На выступле- ніе изъ С. Пешербурга.	32
VI. Дубъ и Трость. (Баснь.)	35
VII. Къ моей Л. — В — нѣ.	57
VIII. Къ монументу Петра Велика- го въ Пешербургѣ.	39
IX. Объ Ней.	40
X. Дѣвицѣ Ивановой, въ балетѣ : Оспровъ невинности.	41

Оглавленіе.

	Стран.
XI. Величіе природы. - -	42
XII. Плутархъ. - -	51
XIII. Россіяда. (Письмо къ другу о слогѣ Поэмы.) - -	86

I.

ПОХВАЛЫ ДРУЗА (*).

(Ода изъ Горація.)

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Каковъ служитель горнихъ перуновъ
 (Коему предаль царство пернапыхъ
 Юпитерь за вѣрность и службу,
 За бѣлокурого Ганимеда) —
 Когда и младость, и опческой пламень
 Гоняпъ въ подвигъ его незнакомый,
 И ясной, безбурной весною
 Необычайнымъ учапъ полешапъ
 Новаго въ небѣ: скоро падешъ онъ
 Ярый во спадо агнцевъ игривыхъ,
 И се! средъ упорныхъ драконовъ
 Алчность смирешъ битвы и крови; —
 Какимъ на красныхъ пажихъ серна,
 Лишь опьяшаго маперней груди,

(*) Друзъ, пасынокъ Императора Августа, побѣдилъ
 Ретовъ Вияделическихъ. Горацій воспѣваетъ здѣсь
 его побѣды, и вмѣстѣ хвалимъ воспишаніе, данное
 ему Императоремъ. — М.

Книж. VIII.

А

Срѣщается ревущаго скимна,
 Жертва несчастна новаго зуба: —
 Таковъ низпрынуль съ дебрей Алпійскихъ
 Друзьбранноносный къ Репамъ враждебнымъ,
 Которыхъ десницы булатны
 Носятъ дубравы бердышей острыхъ. —
 Узнали скоро орды побѣдны,
 Всюду пѣсними грудью, совѣтомъ
 Младаго Героя во брани,
 Что можешь сердце, что можешь
 разумъ,
 Взлелеянъ благо въ домѣ родимомъ,
 Въ скромныхъ черпогахъ мудрости опчей;
 Что можешь духъ Августа мощный,
 Въ юныхъ живущій славно Церонахъ.
 Родится сила опъ силы; есть доблестъ
 Въ коняхъ и турахъ опъ предковъ наслѣдна!
 Бываетъ ли голубъ недужный
 Чадомъ орлицы, парящей къ солнцу?
 Врожденны силы высишь наука;
 Въ подвигахъ чести сердце крѣпится;
 Гдѣ нравы упали, тамъ умеръ
 Даръ благодатной, чистой природы!
 Чѣмъ Римъ обязанъ Цезаря чадамъ,
 Скажутъ Рейнъ и смерть Аздрубала,
 И онъ прѣкрасный изъ мрака
 День, возсіявшій надъ нами
 Улыбкой первой славы богатой, —
 Когда по градамъ Афрѣ преносился,

Какъ пламень чрезъ нивы , какъ буря
 Надъ потемненной бушуетъ бездной!
 Тогда прудами поща и скорби
 Выросла въ силу Римская юность ,
 - И буйнымъ нечестьемъ опьяншихъ
 Храмы пріяли боговъ опчизны !
 Испорглося слово изъ устъ Ганнибала :
 „Лани , добыча псовъ разъяренныхъ ,
 „Спремимся за тѣми , опъ коихъ
 „Хиπρο укрылся — триумфъ обиль-
 ной !
 „Воскресла , встала въ пенелъ Троя !
 „Тщешно воюетъ Тусскія волны :
 „Младенцы и спарцы съдые —
 „Родъ иноземный объемлетъ берегъ !
 „Таковъ Алгида дубъ почернѣлый ,
 „Вѣшвей лишенный рьяной сѣкирой :
 „Опъ бѣдствій , опъ бури , булата
 Новую вѣчно заемлетъ душу ;
 „Такъ гидра злобы разсѣченна , паки
 „Члены сбирала въ досаду Алкида ;
 „Такихъ порождали чудовищъ
 „Грозна Колхида и Фивы древле !
 „Низвергни въ бездну : встанетъ сильнѣй-
 шимъ ,
 „Брани воздвигни : въ сѣчахъ крѣпится , —
 „И бившыхъ родятся достойны
 „Сладкой бесѣды красавицъ мнѣлыхъ !
 „Не жди ужъ болѣ , гордый Кареагенъ ,

„Вѣстниковъ пышныхъ ! погибли, погибли
„Надежда, и щастье, и имя !

„Въ братней на вѣки скрылись мо-
гилѣ !“ —

Чего не можно Рима Героямъ ?

Въ бурю надъ ними спанетъ Юпитерь ;

Объ руку спасительна Мудрость

Шествуетъ съ ними въ ужасахъ брани.

Мрзлкв.

II.

КЪ ЛИДИИ.

(ПОДРАЖАНІЕ ОДЪ ГОРАЦІЯ.)

о — о — о о — о о
— о о — о о — о о — о о

Когда ты, Лидія, Телефа

Очи умильные, волосы черныя, —

Когда ты млечныя Телефа

Хвалишь ланины мнѣ, розой напишанны...

Ахъ! . . . шутъ я не вспомнюся ;

Грудь моя желчью тяжко спирается ;

Едва свой духъ перевести могу,

Блѣдень и сумраченъ ; сердце опустился ,

Холодной прелепъ струей бѣжитъ ,

Съ темя до ногъ объявъ, вдругъ леденить
меня. —

Сей препеть, Лидія, признакъ шопъ,
Какъ я перзаюся мукою медленной:

Я млею, паю, — спыжусь сказать, —
Даже въ то время, какъ въ ликъ подругъ
младыхъ: —

Грудь, выя дышущъ открышя,
Руки обвили въ кругу спана лепящаго,
И взоръ въ сласпи желанія: —

Съ пламенемъ пламень, пы въ пляскѣ кру-
жишься съ нимъ,

Съ нимъ, въ коемъ боги казнятъ меня!...
Млею любовію... жалкой свидѣтель самъ...

Тогда, какъ Выпязъ Ципереи,
Многоувѣренный, дерзкой щаспливецъ сей,
Усталый играми — памъ вдали —

Къ сердцу кипящему крѣпко прижалъ
тебя,

Какъ души въ томномъ спѣсненнѣ
устъ

Слились горяція; слившися замерли:

Вопъ знакъ еще на устахъ твоихъ!
Лидія! вняшенъ ли гласъ тебѣ истины?

Того льстеца не считай своимъ,
Кто, какъ пчела ко цвѣточку прильнувшая,
Язвиль свирѣпо уста твои,

Кои Венера прекрапно лять разъ очищен-
нымъ

Нектаромъ въ сласть преисполнила ! —
 О блаженна спокрапъ связь неразрывная !

Враждой, досадой недвижиму
 Смерть разведешь ее мирно въ послѣдній
 день !

Мрзлкв.

III.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ТАССОВА ІЕРУСАЛИМА.

(П ѣ с н ь І я .)

Уже блестящій царь превыспреннихъ
 свѣпиль
 На поприщѣ небесъ шестъ странствій со-
 вершилъ :
 Какъ Вѣры рапники, поопытахъ жестокихъ,
 Разлились на востокъ для дѣлъ ея высокихъ :
 Упала приступомъ Никейскихъ крѣпость
 стѣнъ ;
 Антиохійскій градъ искусствомъ покоренъ ,
 И грудью Христіанъ безпрепятно хранимый,
 Противъ всѣхъ Перскихъ силъ стоялъ не-
 оборимый ;
 Въ Торпозѣ наконецъ умолкнулъ гласъ
 войны.

Герои опочивъ, ждущъ новыя весны ;

Зима, свирѣпу брань связавшая цѣпями,

Уже являлася со влажными власами.

Тогда державный Царь безчисленныхъ мі-
ровъ,

Изъ храма пайныхъ обипели вѣковъ,

Съ престола свѣплаго, который сферы
звѣзды

Споль много превышалъ, сколь много ада
бездны,

Отъ солнечной спези унижены, лежатъ: —

Всевышній обрапилъ на землю кропкій
взглядъ.

Когда взоръ Творческій вселенную облепетъ,

Воспоргомъ радостнымъ вселенная преле-
петъ.

Онъ видипъ, мѣрипъ все: но въ сей бла-
женный мигъ

Господень взоръ почилъ на рапникахъ свя-
тыхъ.

Сокрыты храмы душъ, все помыслы сер-
дечны

Предъ Нимъ, какъ небеса опверсты беско-
нечны;

Какъ солнце въ капль росъ, въ Готфредо-
вой груди

Всевышній зрипъ Свой свершенными пупи.

Герой дыпалъ и жилъ свободою Салимы;

Корысти, нѣга, леспъ — однимъ порокомъ
чпимы;

Къ душѣ, исполненной и вѣры и доброты,
 На вѣкъ запечатлѣнь соблазнамъ хитрымъ
 вхождъ.

Надмѣнный Бодуинъ пылалъ единой славой;
 Танкредъ, снѣдаемый любовною отравой,
 Всѣ жизни радости и жизнь пренебрегалъ;
 Въ даръ чадамъ Боемонъ престоль свой
 утверждалъ:

Распутъ его рукой Антиохійски стѣны;
 Законы и суды рождаются священны;
 Науки подданныхъ плодами богатящъ,
 И благочестіе, какъ облако на градъ
 Склонясь, его дождитъ добротами святыми:
 Исполненъ мыслями и видами благими,
 Герой не зналъ другихъ дѣяній и честей.
 Душа Ренальдова, какъ бурный вихрь огней,
 Лишь бурями кипитъ; покой — ея мученье;
 Ни Царственная власъ, ни злота оболь-
 щенье,

Едина только чesть ему предъидетъ въ бой;
 Одно излишество Ренальдовой виной!
 Онъ весь казался въ слухъ и въ пламень
 превращенный,

Когда великій Гвельфъ минувшихъ вдохно-
 венный,

Дѣянья прадедовъ изъ мрака извлекалъ:
 Подайте мнѣ копье! — воспорженный
 зывалъ.

Такъ сердца и души сокрытыя движенья
 Всевышній испытавъ изъ горняго селенья,
 Воззвалъ къ единому изъ выпренныхъ духовъ.
 Сей ангелъ былъ вторый начало — вождемъ
 полковъ,

Служащихъ тайному Величія Престолу.
 Се свѣтлый Гавріиль, посланникъ Божій
 долу,

Посредникъ правыхъ душъ, полковникъ ихъ
 судьбы,

И приносишь слезъ и чистыхъ молебъ!

Речешъ Опець Боговъ: „Слѣши, увидѣ Гоп-
 фреда,

Вѣдай; глаголетъ Богъ: гдѣ битва, гдѣ побѣда?

Почто не шесшвуешъ къ укрѣпамъ швер-
 дыхъ врагъ,

Онъ плѣна свободитъ возлюбленный Мой
 градъ?

Да соберешъ вождей, да доблестью святою
 Гремящій, обличитъ ихъ слабостъ предо
 Мною!

Онъ воевода ихъ, онъ избранный сосудъ;

Его пославиль Я, его да изберуть!

Описелъ равенствомъ послушностъ будетъ
 строга!

Да преклонятъ главу помазаннику Бога!“ —

Такъ рекъ . . . и вѣрной духъ среди небесъ
 воспавъ,

Сспремится совершитъ Божеспвенный
 успавъ.

Божирной тканію облекся невидимый;
 Духъ, принявъ образъ онъ для чувствій по-
 спшижимой!

Все кажетъ смершнаго — спанъ, члены, видъ
 очесъ:

Но въ смершномъ — слава, блескъ, величіе
 небесъ.

Пріятствва юности и опрочесства смежны
 Составили черты ланищъ его любезны;
 Власы кудравыя свиваются въ лучахъ,
 И крылія, какъ снѣгъ, лежатъ на раменахъ,
 Златныя по краямъ, и легкія, и скоры,
 Неупомимыя, какъ мыслей пылкихъ взоры!
 Опершися на нихъ, надъ моремъ и землей,
 Претъ въшпы, и дробитъ шучъ горы бы-
 стротой:

Таковъ Посолъ небесъ! Лучи спезею съя,
 Онъ тайныя прошекъ предѣлы Эмпирея,
 И міра солнца погрязъ во глубину;
 Се крылами покрылъ Ливана вышиину.

Уже онъ озарилъ Торпозы бранной стѣны, —
 Склонился, и воспаль на холмъ уединенный.
 Тогда воспокъ опверзъ горящія врага,
 Свѣшило пынное, — вселенной красота, —
 Румяное чело изъ моря возвышаетъ;
 Едина частъ главы блистательной сіяетъ
 Превыше блѣдныхъ волнь, другая подъ
 волной.

Готфредъ, въ сей мирный часъ, смиренною
 душой

Всевышнему пворилъ обычное моленье.
 И се! какъ новыя планеты появленье,
 Свѣплѣйшій солица Духъ предспаль его
 очамъ,
 И рекъ ему: „Гопфредъ! се время ужъ вра-
 гамъ

Познашь, колико власть Креста необорима.
 Почто не сокрушишь ты плѣнь Ерусалима?
 Почто не двигнешься къ пожапію побѣдъ?
 Сбери своихъ вождей поспѣшно на совѣтъ.
 Греми и обличай чадъ праздноспи и нѣги,
 И мыслямъ шапкимъ дай величественны
 бѣги!

Тѣбя избралъ Господь Героевъ сихъ главой;
 Ихъ выи склоняшся смиренно предъ тобой!
 Такъ хочешь Царь Царей; благовѣспи-
 шель славы

Припекъ сюда сказать тебѣ Его утѣхы...
 Гряди! — съ кѣмъ ходитъ Богъ, тому ли
 ждашь препонъ?

Твой каждый шагъ — пріумфъ! твоей каж-
 дый гласъ — законъ!

Се движутся строи, твоей покорны волѣ!“...
 Изрекъ — и въ небесахъ!... ни словъ, ни
 свѣща болѣ!...

Гопфредъ, сіяніемъ осыпанный святымъ,
 Попупивъ взоръ, стоялъ безмолвенъ, не
 движимъ.

Но вскорѣ, пробудясь опть сладкаго забвенья,
 Онъ въ сердцѣ обновлялъ Архангела вѣлѣнья.
 Онъ зрѣлъ еще его, зрѣлъ жителѣя небесъ,—
 И ревность излилась въ попокахъ чистыхъ
 слезъ.

Душа его въ огнѣ: онъ дышетъ силой новой,
 И мысленно паритъ спезей побѣдъ лавровой.
 Не гордость, не щета вдыхае къ бра-
 нямъ жаръ ;

Героя чувствія, доброты вышней даръ.
 Его любовь въ любви Творца неизрѣчен-
 ной ,

Какъ искра посреди пучины воспаленной.

Уже посланники во всѣ края лепящъ ;
 Позывны граматы во всѣхъ спранахъ гре-
 мящъ ,

Чтобъ сонмы ратниковъ отовсюду соби-
 рались ;

Слова вождя мольбой содруга умягчались.

Всѣ средства дѣйствовать на сердце , на
 умы ,

И доблесть возбуждаѣ изъ праха сна и
 тьмы ,

Всѣ силы, обладаѣ мѣстами, часомъ ,
 рокомъ , —

Все крылось во умѣ Властиителя глубокоу.

Какъ Богъ, всеправляющій согласіемъ міровъ ,

Онъ правилъ и хранилъ подвластныхъ
 строй духовъ.

Стеклись вожди; — блесшимъ собраніе
Героевъ.

Единый Боемонъ опрекся вѣчно боевъ.

Часъ войска возлегла Торпозы во спѣнахъ,
Какъ спадо песпрыхъ пнищъ, другая на
поляхъ

Вкругъ шумныхъ града спѣнь колеблется
волнами.

Наспаль совѣща день. Всѣ храбрые рядами
Возсѣли по мѣстамъ, соспавя свѣпый хоръ.

Готфредъ напередѣ: спокойный, важный
взоръ,

Любви и мужества исполненный, сіяетъ,
И всѣхъ уже сердца, безмолвный, поражаетъ.

Герой, возвысивъ гласъ, такъ спущивкамъ
вѣщаль:

„Поборники Креста, которыхъ Богъ
избралъ,

Прославишь, утвердишь законъ Его свя-
щенной;

Вы, коихъ Онъ хранилъ средѣ бытвы раз-
яренной,

Среди коварствъ земли, среди морей и бѣдъ;

Вы, кои рапую толико грозныхъ лѣтъ,

Тодико буйныхъ Царствъ Царю ихъ поко-
рили,

Тодико буйныхъ чадъ Опцу ихъ возвратили,

И, побѣдители враждебныхъ землѣ,

Хоругвь Его въ очахъ вселенной вознесли! —

Герои!... мысля я, коль мысли справедливы:
 Не съ пѣмъ забыли мы Европы край ща-
 спливый,

Опчизну милую, драгихъ супругъ, дѣпей,
 Не съ пѣмъ ввѣряли жизнь невѣрности морей,
 И искушались въ превратностяхъ воен-
 ныхъ, —

Чтобъ славу приобрѣсть, чтобы на лаврахъ
 плѣнныхъ

Сей дикой обладать и варварской спра-
 ной! —

За то ли льемъ мы кровь, чтобъ гибнуть
 намъ душой,

Чтобъ оплученнымъ быть опъ горнія Лю-
 бови,

Достойной нашея, потомковъ нашихъ
 крови? —

Блестательный Сіонъ! въ спѣнахъ, въ пво-
 ихъ спѣнахъ

Награда и вѣнецъ упавшаго въ бояхъ!

Голгофу осѣнить хоругвью Христіанства,
 Испоргнуть Божьихъ чадъ изъ обласпи хи-
 ранства,

Христову имени сіянье возврашить,
 Въ землѣ Израиля пресполъ возстановить,
 И благочестію подашь надежны ковы, —
 Ко гробу Господа, разрушивъ злые ковы,
 Открыть свободный путь для набожныхъ
 сердець: —

Вопъ нашихъ душъ обѣтъ, вопъ нашихъ
 дѣлъ вѣнецъ! —

Уже-ли, побѣдивъ геенны искушенья,
 Уже-ль, прейдя стези работы и терпѣнья,
 Мы все содѣлали для горняго Опца? —
 Начало доброе безъ добраго конца! —
 Безцѣнный Гробъ Христа!... ахъ! царства

всѣхъ земныхъ

Не можемъ замѣнить сей добычи святыя!
 Что пользы, естли мы, какъ воды мчася горой,
 Европу въ Азію угонимъ предъ собой,
 И съ пламенемъ прешедъ спраны толико

далыны,

Не пронъ оставимъ здѣсь, развалины пе-
 чальны? —

Не зиждетъ Царства шопъ, кпо въ буй-
 ной сабшопѣ

Основу положилъ честей на суетѣ! —

Отъ персей матернихъ опладшій сынъ,
 шапаясь,

Всегда среди враговъ, съ невѣрными сра-
 жаясь,

Ловишва Греціи зависпливой и злой,

Не ограждаемый опечесства рукой:

Онъ узришъ замысловъ огромныхъ разру-
 шенье,

И щещно удалишъ стремяся ихъ паденье,

Подъ бурями сменя, и горесью сражень,

Въ развалинахъ умрешъ, забышъ и посра-
 млень! —

Туркъ, Персъ поражены, Антиохія пала:

Вотъ славныя дѣла ! . . . но гдѣ сихъ дѣлъ
начала ? —

И наши ли онѣ ? .. не Богъ ли ихъ Творецъ ?
Коль въ ослѣпленіи неисповѣдъ сердець ,
Дары его творимъ орудіемъ мятежнымъ ;
Когда прошивные Опца вельнѣямъ нѣжнымъ ,
Надѣясь на себя , мы съ Нимъ дерзаемъ въ
брань :

Должна-ль насъ покрывашъ Его всесильна
длань ?

И слава нашихъ дѣлъ , и пышны обрѣшенья
Не обращающіе ли въ пускыя сновидѣнья ?...
Нѣтъ ! Боже , пресѣки Ты нашихъ дней
число !

Мы милостей Твоихъ не обратимъ во зло ! —
Обѣщамъ вѣрныя , надежною пропою
Мы мѣты достигнемъ назначенной судьбою.
Друзья ! сопутники ! чего спрашивать намъ ?
Препоны гордыя упали ко стопамъ ;
Опверстѣ свободный путь , и небо просіяло :
Уже-ль сихъ признаковъ щедроты вышней
мало ?

Помчимся , полетимъ къ священнымъ симъ
спѣнамъ ,
За коими конецъ спрдааньямъ и бѣдамъ , —
За коими покой и слава незабвенна !
Такъ , храбрые вожди ! клянусь ! — внемли
вселенна ! —

Внемлите мой глаголь, грядущи времена! —
Внемли, горящая эфирная спрана!

Клянусь!... ударилъ часъ — и жапва намъ
гопнова! —

Одинъ медленья мигъ — для насъ погибель
нова!

Одинъ медленья мигъ — побѣда улепипъ,
И съ градомъ Божиимъ навѣкъ насъ разлучипъ.
Уже я зрю вдали: Египетъ чрезъ пустыни
Валипъ, какъ Океанъ, въ защиту Пале-
спины. “ —

Изрекъ, — и шопопъ вокругъ разлился по
рядамъ;

Но Пепръ средъ сонма спалъ... не знаш-
ный по чеспиямъ,

Простый пустынный Пепръ сидѣлъ между
Царями;

Всѣхъ замысловъ душа, онъ правилъ ихъ
душами.

„Что объявилъ Гопфредъ, на то даю
совѣпъ;

Для истинны святой въ доводахъ нужды
нѣпъ.

Въ сердцахъ, въ сердцахъ у васъ довольно
убѣждемъ;

Примите опъ меня едино предложенъе.

Когда предъ взорами я мысленныхъ очей
Представляю пламенны порывы мяпежей, —
Злоспъ, зависпъ, ненависпъ и почестей

Книж. VIII. алканье,
Б

Дѣлившее досель Христовыхъ чады со-
бранье, —

Успѣхи медленны, уроны силь и смерть;
Когда дерзну свой взоръ въ грядущее про-
сперть . . .

О воины! . . . всѣхъ слезъ, всей нашей на-
паси

Причины нахожу я въ раздѣленной власти! —

Не утвержденная законовъ на скалѣ;

Она, какъ ладія, въ бореніи, во мглѣ! . . .

Единъ потребенъ вождь, единый духъ ис-
пытный;

И казней, и наградъ свершитель неумыш-
ный.

Правленье безъ него — на крупизнѣ слѣпецъ;

Блуждаетъ, падаетъ и гибнетъ наконецъ!

О братіе! молю, какъ рабъ Христовъ, сми-
ренно:

Соспавыте всѣ одно вы тѣло совершенно!

Чеснь, дружество, любовь, — все васъ къ
тому влечетъ.

Единый предъ собой имѣющимъ предметъ

Единъ да будетъ вождь . . . онъ въ спосо-
бахъ обильной;

Правленія броды въ десницѣ держишь силь-
ной;

Украшенъ скипетромъ и властью облеченъ;

Да правишь онъ, какъ Царь — и судъ его
священъ! —

Такъ спарецъ возгласилъ Благое
 Разумѣнье,
 О чистый, горній Духъ, жизнь душъ и про-
 свѣщенье!
 Божественный! во всѣхъ ты царствуешь
 сердцахъ!
 Ты спарца умудрилъ; пвой гласъ въ его
 устахъ;
 Ты истинѣ опроверъ Героевъ сердце мѣдно,
 Спрямленье погасилъ къ любоначальству
 вредно,
 Свободу ложную и буйныя мечты
 Уже Вильгельмъ и Гвельфъ величья съ вы-
 сопы,
 Достойные владѣть народами всѣхъ болѣ,
 Нисходящъ, чптобы спастъ служенья въ
 скромной долѣ,
 И первые вѣнецъ Готфреду поднесли.
 Опъ кликовъ радостныхъ дрожитъ лице
 земли,
 И стонетъ горній сводъ: да будетъ онъ ду-
 шею
 Всѣхъ нашихъ подвиговъ и спрогимъ судією!
 Въ его рукъ и брань и сладостный покой!
 Въ его рукъ судьба врученныхъ намъ войной!
 Предъ нимъ да склоняшся вожди, доселѣ рав-
 ны,
 Служители его вѣлній доспославны! —
 Такъ воинство рекло, и быспрая молва
 Б 2

Повсюду разнесла ихъ выборъ и слова. —

Готфредъ является во славу рапнымъ
спорямъ.

Герой — онъ былъ рожденъ Владыкою Ге-
роямъ.

Инаго первой оправдалъ призваніе небесъ:
Спокойное чело и скромной взоръ очесъ,
И важность, доблести простое обличье, —
Влекли къ нему любовь, послушность, уди-
вление.

При плескахъ радостныхъ льетъ слезы, какъ
опецъ,

Пріемлетъ кляшвы онъ отъ искреннихъ сер-
децъ,

И воинству велитъ, да упрямъ вооруженно
Предстанетъ передъ нимъ на долю опредѣ-
ленной! —

Уже воспокъ горитъ отъ солнечныхъ
коней,

И въ моръ радужномъ живительныхъ лучей
Знамена рапныя, какъ въ пламени, сіяютъ;
Ужасные полки Героевъ выступаютъ.

Ихъ панцыри, мечи и копія блестятъ;
Равнины всѣ едва безпрепечныхъ вмѣстятъ.
Готфредъ является, и грозные рядами
Текутъ передъ его всезрящими очами.

.....
.....

Аврора между тѣмъ румяною рукою

Изъ терема ведетъ день юный за собой.
 Спогласныхъ трубъ уща внезапно отво-
 рились,

Тимпаны грянули и роци пробудились.
 Волнуются строй военные кругомъ ;
 Повсюду шумъ и гулъ . . . Внезапно встав-
 шій громъ,

Когда чуть слышишься за дальними горами,
 Предшественникъ дождя, желаннаго полями,
 Дающій нову жизнь долинамъ и древамъ,
 Не столько радостенъ орашаевъ сердцахъ,—
 Сколь звуки бранные любезны для Героевъ,
 Десящихъ пожинахъ плоды безсмертныхъ
 боевъ.

Текутъ, спѣсняются . . . волну влечетъ
 волна . . .

Всякъ хочетъ упредить . . . во всѣхъ душа
 одна.

Еще мгновенье — и стройностью плѣняются:
 Знамена въ воздухѣ, какъ крыла, развѣваютъ;
 Межъ ними посреда всѣхъ вождь и красота,
 Блистаешьвыспрь хоругвь побѣднаго Креста.
 Какъ солнце съ высоты горящей колесницы
 Къ зеницу вознесся, низводитъ къ намъ
 зеницы,

И въ пламени его весь тонетъ дольний міръ:
 Такъ воинство въ пущи при звукахъ трубъ
 и лръ,

Доспѣховъ блестящихъ зарямъ облечено,

Какъ море, двигалось внезапно воспаленно;
Или какъ въ вихрь бурь объятый молнией
лѣсъ,

Сліясь въ одинъ пожаръ, пмипъ мглою
сводъ небесъ: —

Такъ копы и мечи дрожащій свѣтъ бро-
сають,

Другъ въ другъ ужасъ свой и пламень отра-
жають!

Булава ярый спукъ и ржаніе коней,
И топотъ крѣпкихъ стопъ, крутящихся
пыль съ землей,

И вопли воеводъ, и тихій шумъ водимыхъ:
Все вмѣстѣ каменишь сердца неустраши-
мыхъ! —

Владыка воинства, какъ въ мракъ скрытый
духъ,

Все движеть, все живишь — и все объем-
лешь вдругъ.

Мерзлкъ,

IV.

ПОСЛАНИЕ АРМИДЫ.

(Изъ пѣсни четвертой.)

Въ Дамаскѣ Идраотъ, востока волхвъ
чудесный,

И градомъ и страной окрестной управлялъ:
Отъ самыхъ юныхъ дней свой злобный умъ
вперялъ

Онъ въ тайны хитрости сей пагубной науки,
Которая теперь его лишь множитъ муки.
Къ чему гаданія, когда безвѣсна брань,
Безвѣстенъ бывъ конецъ и Правящая
Длань? —

Вопроситъ звѣзды онъ: онѣ сомнѣньемъ
блещутъ.

Онъ къ демонамъ воззвалъ: нѣмѣютъ и пре-
дещутъ.

О мыслей суешныхъ позорна слѣпома!
О разумъ смершнаго! пѣнь свѣта, сонъ,
мечта!

Надменный Идраотъ уже предрекъ все-
ленной,

Что рапи Христіанъ, досель непобѣжденной,
Судьба назначила могилою воспокъ, —

Что слава ихъ прешла, какъ въ знойный
день попокъ.

Наука ложная во тмѣ ему явля
 Лавровые лѣса на брегѣ влажномъ Нила. —
 Надеждой сей плѣнень, онъ сердцемъ воз-
 желалъ

Причастнымъ бытъ его корыстей и похвалъ.
 Но вѣдая, что брань, возженна гнѣвомъ
 рока,

Должна бытъ для племенъ Измаильскихъ же-
 спока, —

Онъ въ тайнѣ вымышлялъ ужасны средст-
 ва чаръ,

Чтобъ храбрыхъ Христіанъ ослабивъ силы,
 жаръ,

Коварствомъ связанныхъ и вполнѣ побѣж-
 денныхъ,

Преданъ терзанію клеветниковъ разъярен-
 ныхъ.

Такъ мыслилъ чародѣй... и злобный ада духъ,
 Невидимо склонясь, шепталъ ему во слухъ;
 Тревожилъ, ободрялъ, вкругъ змѣемъ обви-
 вался;

Болѣзнию, гордостью во грудь его впоргался;
 Путь, способы, конецъ свирѣпому открылъ.

Сей старецъ внукою молодою славень
 былъ.

Цвѣтущимъ прелестямъ Царевны несрав-
 ненной

Далъ пальму первенства востокъ обвора-
 женной.

Всѣ нѣжны хитрости, любезность, кро-
поснѣ женѣ,
Соблазны тайные, сердца влекущи въ плѣнѣ,
Небесный даръ — красу возвыситъ поспѣ-
шили,

И духи жанию волшебницы служили.
Ее къ себѣ зоветъ коварный Идраотъ;
Въ ней зрѣлъ онъ замысловъ начало и оплотъ.
„О ты, копорая подъ златомъ власъ пре-
лестныхъ,
Въ сей юной красотѣ очей твоихъ не-
бесныхъ

Скрываешь мужество и разумъ зрѣлыхъ дней,
Копорой наконецъ въ наукѣ я своей —
Учипель — уснувши во славу почитаю! —
Возлюбленна! — внуши. . . . велику мысль
пишаю.

Когда рѣшима ты, ни въ чемъ сомнѣнь
нѣтъ! —

Ты, холодной старости душа, опрада, свѣтъ,
Ты смѣлою рукой составь мнѣ шкани новы,
Копорыми дряхла длань дала однѣ основы.
Спупай въ шапры враговъ, и тамо оживи
Искусство славныхъ женѣ, всѣ таинства
любви.

Пусть взоры слезные прольютъ мольбу
предъ трономъ,

Пускай прервется рѣчь рыданіемъ и стономъ:
Степяща красота, опчаянна, блѣдна,

Смягчи жестокость душъ и царствуй въ
нихъ одна ;

Отважность облеку въ смиренную стыдли-
вость ,

Коварство въ простоту , обманы въ спра-
ведливость , —

И прелестію словъ и взора твоего ,
Коль можно , улови Готфреда самаго , —
Да сей свирѣпый левъ , любовью упоенный ,
Забудеть славы блескъ и подвиги военные !
Когдажъ не можно то . . . другихъ вождей ,
другихъ

Храбрѣйшихъ очаруй , плѣни , въ цѣпяхъ
злыхъ

Влеку въ безвѣстный край , отколѣ нѣтъ
исхода , —

Гдѣ заперли бы ихъ искусство и природа !“ —
Вѣщаль . . . попомъ ей давъ совѣты тайны ,
рекъ :

„Отчизнѣ , вѣрѣ въ даръ все долженъ чело-
вѣкъ !“ —

Прелестная гордясь цвѣтущими красами ,
И пола милого и младости дарами ,
Пріемлетъ сей совѣтъ ; — полунощной порой
Она печетъ въ свой путь безвѣстною
пропой ,

Безъ лапъ и безъ меча , въ одеждѣ дѣвы
нѣжной , —

Непобѣдимымъ плѣнъ готовитъ немѣлѣжной .

Чтобъ подлинну вину опшесствія закрыть,
Обманъ умѣлъ молвы другія разгласить.

Уже окончивъ путь, она явилась въ
станѣ,

Гдѣ укрѣплялися на приступъ Христіане.

При появленіи незапноу красоты,

Разлился легкій шумъ . . . къ ней взоры . . .

къ ней мечты . . .

Къ ней храбрые спѣшаютъ . . . такъ новая

планета

Манишь къ себѣ всѣхъ взоръ особымъ бле-

скомъ свѣта.

Бѣгутъ, тѣснятся вкругъ . . . вопросы безъ

числа . . .

„Кто спранныца? — опколь? — почто сюда
пришла?“ —

Кипрь, Делось и Аргось, — опчизна

дѣвъ небесныхъ,

Не зрѣли прелесней споль милыхъ, споль

чудесныхъ.

Какъ юная лоза, прямой и гибкій станъ;

Покрова бѣлаго сквозь зыблемый шуманъ

То злапо власъ сквозитъ, то вдругъ опкры-

то блещетъ;

Такъ солнце, облакомъ одѣянное, мечетъ

На злачныя поля золопоцвѣтну тѣнь:

Но облако прошло . . . свѣтъ новый, новый

день! —

Власы, природою завишые кудрями, —

Влюбленный въперокъ свиваетъ вновь вол-
нами ;

Коварный взглядъ ея, въ пѣни рѣсницъ,
густой ,

Какъ бы спыдаясь, щипетъ — ни щедрой, ни
скупой —

Сокровища любви съ заразами сліянныхъ.

Въ ланипахъ лиліи и розы сочепанные,

А на устахъ, гдѣ спраситъ... гдѣ дышетъ,
жжетъ она ,

Алѣетъ роза шамъ раскинувшись одна.

Блится бѣла грудь красною ранна снѣга,

Здѣсь, здѣсь алтарь любви : желанье, том-
ность, нѣга !

Открыта взорамъ часть двухъ дышущихъ
холмовъ :

Другую часть сокрылъ зависливый покровъ.

Но щещно. . . жадный взоръ куда не до-
сягаетъ ,

Туда любовна мысль свободно проникаетъ ;

Не зримымъ болѣе, чѣмъ зримымъ плѣнена,

Къ тайнѣйшимъ прелестямъ огнемъ печетъ
она.

Какъ лучъ, ударяся въ прозрачный край
фіала ,

Проходитъ, не дѣля ни влаги, ни кристалла:

Такъ сладоспасна мысль сквозь облакъ
ризь драгихъ

Къ нѣжнѣйшимъ красотамъ въ мечтахъ па-
ристъ своихъ ;

Играетъ, рѣзвипися въ раю запѣй по волѣ, —
И тайны обозрѣвъ, роскошна, въ сладкой
долю,

Живописуетъ ихъ алкающей любви, —
И гибельный пожаръ свирѣпствуетъ въ
крови!

Красавица печетъ среди блестящихъ
спроевъ;

За ней, предъ ней хвала и шумный сонмъ
Героевъ.

Не смопримъ... видимъ все... и сердце;
раба суемъ,

Въ ней бьется радостнымъ предчувствіемъ
побѣды!

Остановилася... къ ближайшимъ рѣчь скло-
няетъ, —

Представимъ сирую Владыку, умоляетъ.

Евстахій къ ней спѣшитъ, тѣсня усерд-
ный кругъ.

Вождя юнѣйшій братъ, Евстахій — пыл-
кій духъ,

Силнѣемъ красоты божественной сраженный,
Какъ блескомъ мотылекъ коварнымъ увле-
ченный,

Течетъ, чѣобы служишь, дивисься симъ
очамъ,

Которыя злой спыдъ склонилъ къ его спо-
памъ:

Притекъ — возрѣлъ — погибъ — пыласть
спрасъю сильной ;

Какъ огонь, питаемый вновь пищею обильной,
Исполненный слѣпой отваги юныхъ лѣтъ,
Во изступленіи любви своей речеть :

„Царевна! — естли звать симъ именемъ
я смѣю

Ту, въ коей смертнаго постигнуть не
умѣю !

Нѣтъ! боги никогда на слабу дочь земли
Толико дивныхъ благъ излить не возмогли! . . .
Вѣщай: опколь печешь? — за чѣмъ? — какой
виною ?

Иль нашимъ щастіемъ; иль собственной
судьбою

Ты къ намъ приведена? — повѣдай, чпобъ
узнать; —

Какъ? — почесъми тебя, иль жертвами
срѣпать!“ —

„Оставь твои хвалы — рекла — онѣ
мнѣ чужды :

Чѣмъ льстивъ себя могу, — раба печалей;
нужды ?

Такъ, Вишазъ! — смертную ты видишь предъ
собой :

Но я нещастная . . . живущая тоской;
Бездомна, спранница, забыта родомъ дѣва,
Пришла сюда искать призрѣнія Царева.
Къ Готфреду я теку . . . надежда на него! —

Всѣ славяшъ кропкій духъ Владыки твоего.
Ахъ! есѣли чувствуешь къ несчастнымъ

сожалѣнье,
Молю . . . , мнѣ испроси Героя лицезрѣнье!“ —
„И должно, чшобы брагъ Готфредовъ —
онъ гласилъ, —

Тебя къ нему привелъ и за тебя молилъ.
О дѣва милая! — приходи твоей не напрасень:
Мой брагъ мнѣ вѣрный другъ — со мною онъ
согласень ;

Надѣйся, все свершишь повелѣвай
скорѣй

И властію его, и дланію моею!“ —

Изрекъ — ведетъ ее въ шаперъ уединенный,

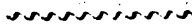
Гдѣ шумныя толпы народной удаленный,
Благочестивый Князь среди вождей сидѣлъ. —
Склонилася челомъ; спыдъ дѣвспивенный
одѣлъ

Ланипы нѣжныя; боязнь успа смыкаешь; —
Владыка робкую воззрѣньемъ ободряешь,
Словами кропкими припворный гонить
страхъ.

Подъяла слезный взоръ — и въ сладостныхъ
словахъ

Коварство полилось, владіюще сердцами:

Мрзлкъб.

ПѢСНЬ ВОИНАМЪ.

НА ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА.

Поднялись, месью воскипѣвъ,
 Съ родимыхъ гнѣздъ орлы младае,
 И буйству — гибель грозныхъ гнѣвъ!
 Съ полночи вѣпръ въ края чужіе
 Несетъ ихъ клики въ спрахъ вра-
 гамъ. . .

Содрогся гордый родъ спроппивой! . .
 Не въ первой Росскимъ знаменамъ
 Взвѣвашь надъ Сеною ничливой,
 И опражашь водъ въ спеклѣ!
 Судьба судила ей смириться! —
 Униженной гордиться!

И Галламъ въ спыдѣ, луна во мгла
 Взойдетъ предъ ней изъ тучъ — спанъ Рус-
 ской освѣпится!

Лешите въ бой! знакомъ вамъ пупъ
 побѣдъ!

Васъ новой славою покроешь подвигъ новый;
 Васъ АЛЕКСАНДРЪ къ безсмертію зо-
 веть —

И съ нимъ Арей, манящій въ брань,
 несетъ,
 Герои, свѣжіе вѣнцы для васъ лавровы!

Въ путь съ вами вѣра въ Бога силъ,
 Любовь къ отечеству святая!
 Союзникъ храбрымъ вѣчно былъ —
 Надежда средь боевъ благая!
 Ктожь вамъ дерзнетъ прошиву-
 стать?

За васъ, и здѣсь родныхъ молитвы,
 И памъ — васъ будущъ ограждать
 Средь ужасовъ кровавой битвы
 Благословенія, друзья!

Но, ахъ, опять осиротѣла
 Россіи дружная семья! —

Ея краса и цвѣтъ, и сила оплетѣла!

Несипесь въ бой! да вамъ восплещеть
 свѣтъ!

Да невредимыхъ васъ — вселенной диво —

Нашъ мудрый Царь въ опчизну при-
 ведеть!

И цѣлый міръ избавя вновь опъ бѣдъ,
 Нашъ Ангелъ, нашъ Отецъ предстанеть
 къ намъ съ оливой!

Но други! сколько здѣсь по васъ
 Печальныхъ слезъ и воспоминаній!
 Умолкъ и пиршествъ шумный гласъ,
 Померкъ и яркій блескъ собраній;

Книж. VIII.

В

Здѣсь всѣ : и матеръ и отецъ ,
 Невѣсты , жены , спарцы , чада —
 Любовь и радость ихъ сердець —
 Покорны жребію , изъ града
 Стѣсняясь , скорбною вась толпой ,
 Далече опускали ,
 И съ вами счастье и покой
 Надолго , можешь быть , слезящи , про-
 вожали .

Когдажь придетъ свиданья лестный
 мигъ ?

И скоро-ль отдохнутъ сердца по вась унылы ?
 Когда узримъ Царя Благаго свѣплый
 ликъ ?

Когда родныхъ послышимъ громкій
 кликъ —

И на берегахъ Невы лягнутся раины силы ?

Все нынѣ пусто и молчитъ
 Въ стѣнахъ высокихъ Петрограда ;
 И скорбно свой кристалль клубитъ
 Нена — задумчивыхъ опрада !
 Лишь рушитъ сѣтованій гласъ
 Оставленныхъ степенанье :
 Въ безмолвный полуночный часъ ,
 При блѣдномъ мѣсяца сіяньѣ ,
 Красы покинуты , въ слезахъ
 Уединясь страдають , —

И участь милыхъ въ небесахъ
Съ сердечной робостью и вѣрою чмпають.

✱

Неситесь въ слѣдъ Вы славному Царю,
И обрученной съ нимъ Побѣдѣ въ ярой
брани;

Ахъ! я на васъ завистнымъ окомъ зрю!
Вопще дѣлать я подвигъ вашъ горю,
Удѣлъ мой пѣшь! мнѣ рокъ не далъ меча
во длани!

Николай Сушковъ.

VI.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Б а с н ь.

Дубъ гордой, молодой въ долину возвы-
шался,
Давая пупникамъ убѣжище, покой, —
И самый лѣша жаркій зной
Подъ тѣнью его широкою смирялся. —
„Какія пустыки, жить вѣчно для другихъ! —

Однажды Трость ему сказала —
Я много глупостей подобныхъ симъ видала;

В 2

Но сколько прибыли отъ нихъ?
 Ты дѣлаешь добро — кому? и самъ не знаешь!
 Лишь только красому въпвей своихъ перья-
 ешь

Отъ грозныхъ бурь и непогодъ!
 Вотъ весь тебѣ за всѣ благодѣянья плодъ!
 А я — когда и чижь съ подружкой рѣзвася,
 Вспорхнепъ на въпочку мою:

Я голову склоню свою,
 Какъ будто не смогу; а подлинно: бояся,
 Чтобы гостей такихъ къ себѣ не приучить! —
 Чшо пользы отъ того? встрѣчаешь лишь
 коварство,

Неблагодарность и лукавство...
 Намъ только для себя на свѣпѣ должно
 жить. “

Какія правила! какое заблужденіе! —
 Дубъ Тростни возразилъ: — одно ожесточеніе
 Могло сіе сказать!

Неблагодарный пустьъ всѣ чувства забы-
 ваешь;

Но мудрый, — мудрый знаешь
 Безъ изключенія равно всѣмъ помогаешь!
 Я слѣдую тому. — Когдажъ меня не спанепъ,
 Прохожій, на пупи застигнутый грозой,
 Вдыхая обо мнѣ, вспоманепъ
 И кровь гостепріимной мой.

Волковъ.

VII.

Къ моей Л. — В — нѣ.

Простите, обольщенья
Честей земныхъ, суешь!
Злапыя заблужденья
Незрѣлыхъ пылкихъ лѣтъ!

✱

Навѣкъ, навѣкъ простите!
Узналъ обманъ, и — радъ! —
Ахъ! чѣмъ вы замѣните
Одинъ Любви взглядъ? —

✱

Довольно я скипался;
Я видѣлъ хитрыхъ, злыхъ,
Кумирамъ поклонялся,
Игралище слѣпыхъ.

✱

Любовь — клянусь — оппийнѣ
Ты все миѣ! — весь я твой!
Благодарю судьбинѣ...
Хранитель Ангель мой! —

✱

Пускай честями, славой
Плѣняется гордецъ;
Пускай ему съ отравой
Приноситъ жертвы льстецъ.

✱

Одно твое мнѣ слово
Дороже хвалъ Царей :
Оно спремленъ ново
Даетъ душѣ моей.

Не роскошь и не пышность
Со щастіемъ живетъ ;
Блестящая излишность
Невольной спутникъ бѣдъ.

Съ природой, съ простотою ,
Съ любовью будемъ жить ; —
Надъ жизнью городской
Тихохонько шупить.

Чертогъ богатства блещетъ ;
Но въ свѣтлой клѣткѣ сей
Богатый самъ прелещеть
Объ участи своей. —

Ты все мнѣ : честь, награда ,
Богатство — ты одна ;
Въ несчастіяхъ отрада ,
А щастія — вина !

Знакомство наше тушно
Дастъ болѣ чѣмъ свѣтъ :

Радущіе прелестно,
И помощь, и совѣтъ!

Такъ! сладко жить мы спанемъ,
Послѣдній воспрѣшимъ часъ!
Съ любовію увянемъ,
Любовь пробудитъ насъ.

М — съ.

VIII.

КЪ МОНУМЕНТУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ПЕ- ТЕРБУРГѢ.

На пламенномъ конѣ, какъ нѣкій Богъ,
лепитъ:

Объемлютъ взоры все, и длань повелѣваетъ;
Вражды, коварства змѣй располщанъ уми-
раетъ;

Бездушная скала пріемлетъ жизнь и видъ; —
И Россѣ бы совершенъ былъ новыхъ дней
въ началѣ;

Но Смерть рекла ПЕТРУ: стой! Ты не
Богъ: — не далѣ.

М — съ.

IX.

О Б Ъ Н Е Й.

Чего желалъ, что пѣлъ, что въ свѣтѣ
могъ любить —

Все въ ней, все только въ ней! —

Чѣмъ можешь Богъ однихъ щасливцевъ на-
градишь,

Все въ ней, все только въ ней! —

Какъ легкой, тѣмной сонъ, бѣды мои прошли,

Все чрезъ нее и съ ней! . . .

Я щастія искалъ напрасно на земли:

Ахъ! щастье только съ ней! —

Кому всю жизнь свою охотно я опдамъ?

Все ей, лишь только ей!

Когда добрее былъ къ несчастнымъ, къ си-
ротамъ?

При ней, всегда при ней!

Когда я выше всѣхъ, и смертныхъ и боговъ?

Когда сижу при ней! —

Я цѣлой міръ забылъ: богатство, блескъ
чиновъ:

Что нужды въ нихъ при ней?

Что къ щастью я рождень, что сердце я
имѣлъ,

Я то узналъ опъ ней!

Въ безвѣстности, въ глуши я новый міръ
обрѣлъ

Съ одною только, — съ ней!
 О Боже праведный! послѣдній часъ пошли
 Сперва ко мнѣ, не къ ней! —
 Въ комъ Ты достойнѣе сіяешь на земли?
 Въ душѣ Елвиры — въ ней.
 Чѣмъ лучше возмогу Тебѣ я угождать,
 Какъ не любовью къ ней!
 И тамъ на небесахъ, въ обители опрадъ,
 Моя опрада въ ней. —

М — въ.

X.

*Дѣвицѣ Ивановой, въ балетѣ: Островъ
невинности.*

Не самилъ Граціи тебя образовали,
 И — съединивъ въ тебѣ весь сонмъ кра-
 сотъ своихъ —
 Нашли, что ты зашла ихъ,
 И для того съ небесъ къ намъ долу низ-
 послали:
 Чтѣмъ мы узрѣвъ тебя, сходящу съ облаковъ,
 Прелестну, какъ Псише, любезну, какъ Любовь,
 Въ тебѣ имъ равную богиню признавали,
 И — вмѣсто звѣзднаго вѣнца —
 Тебѣ на жертву посвящали
 Воспоргъ, плесканье рукъ и спрастныя
 сердца?

1814. Сентября 9.

В . . . въ — . . . въ.

ВЕЛИЧІЕ ПРИРОДЫ.

(Изъ *Nouveau dictionnaire d'Histoire naturelle.*)

Исторія природы, или всеобщая Физика, разсматриваемая во всѣхъ своихъ опраслахъ, составляется изъ предметовъ обширныхъ и безчисленныхъ; человекъ познаетъ изъ нихъ одинъ токмо подробности. Все, что мы можемъ постигнуть въ семъ мірѣ, есть единая поверхность существъ, которыя къ намъ относятся. И самыя величайшія усилія разума человеческого суть нечто иное, какъ измѣреніе собственной его слабости въ отношеніи ко вселенной. Когда разсматриваемъ мы сей шатеръ небесный, украшенный звѣздами; сіи доли воздушныя, по коимъ преплаваютъ бури; сіи поля злчныя, устьяныя животными; сіи оживленныя равнины морей, и сіи горы, коихъ возвышающіяся главы увѣнчаны лѣсами: то и тогда имѣемъ еще слабое понятіе о природѣ. — Нѣдра

земли, глубины морей, пространства небесъ скрываютъ отъ насъ самыя драгоценнѣйшія ихъ сокровища. Тайственные пружины, одушевляющія всѣ существа, превышаютъ всякое разумѣніе человѣка; силы невидимыя управляютъ движеніемъ вселенной, и владѣютъ надъ вѣчно постоянными ея *переворотами*; и среди сихъ вѣчныхъ премѣнъ, сама природа пребываетъ неизмѣнною.

Но природа сія есть рабыня, исполнительница предвѣчной воли Всемогущаго: это часть Божества, которая обнаруживаетъ себя въ сохраненіи бытія всѣхъ твореній. При созерцаніи дѣлъ ея, человѣкъ восторженный возвышается до самаго Творца вселенныя. Въ благоговѣйномъ безмолвіи удивляется онъ симъ непреложнымъ законамъ, сохраняющимъ въ мірахъ согласіе, равновѣсіе и опредѣленную продолжительность. Неутомимая въ своихъ твореніяхъ природа существуетъ собственнымъ непостоянствомъ; современная всѣмъ вѣкамъ, мать всѣхъ существъ, она проливаетъ въ нѣдра міровъ сокрови-

вища жизни и изобилія; ея могущественная рука пожинаєть, какъ быліе, всѣ творенія, погружаєть ихъ во мракъ смерти, и снова извлекаєть опшолѣ, дабы опять возсіяли онѣ на позорищѣ міра. Единъ Всевышній съ высоты непостижимой Своей славы проспираєть надъ нею благоуправляющую десницу, и изъ среди вѣчности зриєть исполненіе Своихъ непремѣняемыхъ вѣлѣній.

Такова сія животворящая сила, которая проникаєть матерію (въ пространномъ смыслѣ сего слова), которая ее движєть безпрестанно, привлекаєть, составляєть, образуетъ ее чрезъ измѣненія послѣдовательныя. Вселенная исполнена духомъ жизни; сіи огромныя звѣзды вращающіяся въ небесахъ суть ея великія части; сіи неизчислимые роды звѣрей и растѣній, дѣляція владычества надъ землею, всѣ почерпають существованіе изъ сего общаго божественнаго источника; одна всеобщая душа дѣйствуетъ въ ихъ различныхъ видахъ, и, подобно внутреннему огню, преисполняєть оныя силою и

плодородіемъ: она безпрестанно свѣтъ новыя сѣмена, и, открывая ихъ, творитъ посипенно существа организованныя. Въ самыхъ нѣдрахъ земли тысячи различныхъ привлеченій возбуждаютъ жизненную матерію; чуждая бездѣйствія, она сородняется всѣмъ веществамъ, ее оплодотворяющимъ, и, шакъ сказать, роскошная утопаетъ въ сладострастїи со всѣми силами дѣйствующими; подобна будучи баснословному Пропсею, облекается она во всѣ виды, и въ вѣчныхъ перемѣнахъ всегда одна и та же. Среди сего позорища, въ непрерывномъ движенїи обрѣтающагося, поставленъ человѣкъ, дабы чувствовать, дивиться, постигать, возводить взоръ къ своду небесному и шествовать по землѣ властелиномъ, не зная себѣ равнаго.

Хотя природа и сокрыла отъ насъ многія свои шворенія, но созерцаніе ея все имѣетъ прелестъ неописанную. Когда небеса разкрываются нашему взору, то какое неизчислимое множество видимъ

мы звѣздъ горящихъ въ эфирѣ! Вождь ихъ, отецъ дня, грядетъ въ путь свой, какъ величественный исполинъ, окруженный дѣшми своими, разливающей повсюду жизнь и свѣтъ. Висящій, какъ вѣчная лампада, среди нашего планетнаго міра, онъ привлекаетъ сферы; онъ зринъ окрестъ себя сіи блуждающіе шары, и сіи пламенные кометы, образующія неизмѣримыя бразды свѣта, которыя по удаляюся въ неизмѣримыхъ своихъ уклоненіяхъ, по возвращающа къ солнцу и мірамъ, дабы снова исчезнуть въ безднахъ небесныхъ. Многія планеты имѣютъ сами своихъ спутниковъ. Тамъ, за предѣлами системы солнечной, міліоны звѣздъ горятъ подобно пламенникамъ въ пустыняхъ эфирныхъ, проспирающа по неизмѣримымъ пространствамъ, и чудесное ихъ множество уничтожаетъ совершенно умъ человѣка. Привсемъ томъ порядокъ, правильность и согласіе царствуютъ между всѣми сими сферами отъ начала временъ; въ безмолвномъ теченіи своемъ онъ прѣславляющъ могущество и славу Зиждителя. Какое зрѣ-

лице для обитанія земли! Колико непостижимъ Тотъ, Кто бросилъ міры сіи въ бездны безконечности! Колико малъ и слабъ разумъ человѣковъ въ сравненіи съ сею массою вселенной, которую одно мановеніе Всевышняго можетъ превратить во прахъ! Мы унижаемъ Его величіе слабостію своею. Но что мы предъ вселенной? Прахъ, возмешаемый малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра! Наши понятія, наше разумѣніе не постигаютъ мѣры ея. Безпредѣльная въ своемъ величій и могуществѣ, она повелѣваетъ времени, небесамъ и землѣ, какъ единой точкѣ, и въ своемъ шествіи потрясаетъ столпами всего міра. Для нея нѣтъ ни прошедшаго, нѣтъ ни будущаго, поелику годы измѣряютъ токмо наше эфемерное существованіе; но она вѣчно неизмѣняема; бытіе ея вѣчное продолженіе насоящаго, и кругъ безъ конца! . . .

Природа измѣняетъ, преобразуетъ все на землѣ. Сіи цвѣтущіе богатствомъ города, сіи великолѣпные портики, сіи тор-

жестивенныя врага, памяшники искусствъ и роскоши народовъ: всѣ погибнуть нѣкогда. — Гдѣ Вавилонъ и Пальмира? Черпоги Царей покрыты терномъ, и змѣи извиваются въ злакѣ. Паспухи ходящъ по ихъ развалинамъ, и смотрящъ на нихъ съ посмѣянiемъ. Такъ умѣетъ природа опшнмашъ неправедно похищенные у ней владѣнiя. Царства попеременно возвышаются на могилахъ падшихъ Царствъ, и въ свою очередь склоняются подъ власъ новыхъ побѣдипелей; каждый народъ имѣетъ свой вѣкъ, свое возвышенiе и смерть: вѣчное Провидѣнiе ознаменовало Царства временами ихъ возвышенiя и паденiя. Среди толикихъ превращеностей земли и чѣловѣковъ, Единая Десница Бога простерта неколебимо чрезъ всѣ выпренности небесъ.

Таковое могущество природы говорило сердцу моему языкомъ несравненно великолѣпнѣйшимъ, нежели языкъ чѣловѣковъ. Я разсуждалъ о сихъ пронахъ, о сихъ богатствахъ и о всей гордости величiя, толико

желаннаго : я протекъ мимо ; я обрашл-
 ся вспяшь , и ихъ уже не было ; — и
 ихъ владыки безъ жизни повержены во
 прахъ , какъ послѣдніе изъ людей . Какъ
 исчезли сіи цвѣшущія Царства , подобно
 сновидѣніямъ ночнымъ ? и гдѣ Сезосприсъ ,
 покоритель вселенной , и сіи споврашныя
 Оивы ! Вопросы эшу три тысячи лѣтъ
 существующую мумію , и научи меня , что
 есть человѣкъ , брошенный въ вѣчность ?
 Въ семъ самомъ вѣкѣ мы видѣли превраш-
 ность дѣлъ человѣческихъ . Мы видѣли ,
 какъ смерть и бѣдствія жизни изпоргали
 евои жертвы изъ объятій славы и ща-
 естія ! И такъ все должно погибнуть въ
 свою чреду . Когда и Владыки міра
 не избѣгнутъ сего ; то что значить жизнь
 наша ? — капля воды въ Океанѣ .

Поученный симъ общимъ жребіемъ , я
 предаюсь Десницѣ , правящей вселенною ,
 и покарюсь верховнымъ и непремѣня-
 емымъ Ея законамъ . Подобно упомянутому
 еспраннику , жаждущему прохлады испоч-

Книж. VIII.

Г

ника, удрученная превратностями жизни душа стремится вкусить успокоеніе на мирномъ лонѣ Природы. Какъ бѣдны предъ ней наши общества! — Самое великолѣпіе Царей помрачается блистаніемъ простаго цвѣтка. И самый прахъ земли, сколько же, какъ звѣзды ночи, открываетъ мнѣ величіе Природы. Сколько таинственныхъ прелестей въ ея изученіи! Кто изобразитъ мнѣ сію чудесную картину міровъ, сихъ царствъ распеній, живошныхъ въ воздухъ, водѣ и на землѣ, и минераловъ, образующихся, движущихся въ нѣдрахъ земнаго шара! Кто укажетъ мнѣ сіи непостижимыя пружины жизни, сіи непрерывныя явленія рожденія, разрушенія и возобновленія на землѣ? Какая цѣль сего всеобщаго движенія? Сіи предметы, достойныя вѣчныхъ размышленій увлекаютъ душу въ неизмѣримость вѣчности, къ источнику Свѣта и верховной Истины. Среди бездны временъ мы рождаемся, росшемъ, множимся и умираемъ безъ малѣйшаго нашего содѣйствія. Возможемъ ли мы оставить жизнь, не поучась нѣкоторымъ изъ

матеріальнихъ сихъ великихъ, и не познавъ, какія существа насъ окружають, какія наши обязанности, наше состояніе и конецъ!

Сиревъ.

XII.

ПЛУТАРХЪ.

Плутархъ, кажется, былъ одинъ изъ знаменитыхъ мужей древности, который болѣе другихъ имѣлъ разнообразныхъ свѣденій, и съ большею ясностію разсуждалъ о разныхъ родахъ Философіи и учености. Мы уже видѣли его стоящаго на оплечной степеніи между Историками и въ первомъ ряду Жизне-описателей; но прочія его сочиненія, которыя можно называть истинно едва объятною полнотой, показываютъ намъ, что онъ, будучи человекъ съ великимъ умомъ, былъ также писатель чрезвычайно трудолюбивый, и что, если онъ хорошо судилъ о людяхъ, то онъ не менѣе умѣлъ оцѣ-

Г 2

нивать вещи, начиная съ самой драгоценнѣйшей изъ всѣхъ, то есть, со времени. Не лѣзя сказать, чтобы въ такомъ множествѣ крапкихъ разсужденій, вообще все было до тонкости изслѣдовано, или даже довольно хорошо избрано: мы видимъ только, что онъ, будучи всегда трудолюбивъ и щепелень, любилъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ, и класъ на бумагу всѣ мысли, его занимавшія, и все, что прибрѣлъ онъ посредствомъ чтенія. Посему его *Физическія или Метафизическія предложенія* не что иное суть, какъ обдуманная извлеченія изъ Аристотеля, Платона и другихъ Философовъ, болѣе или менѣе согласныхъ съ сими двоими Корифеями школъ, и слѣдственно, ничего другаго не представляющія, кромѣ одной и той же смѣси истинъ и заблужденій. Сколько онъ услаждался ученіемъ сихъ великихъ Мужей, столько же имѣлъ отвращенія къ ученію Стоиковъ, которыхъ парадоксы всегда старался опровергать. Его застольныя *предложенія* (*questions de table*) часто обращаются около предме-

товъ довольно незначущихъ въ учености Исторической, и во многомъ сходившуюсь съ нѣкоторыми опрысками записокъ нашей Академіи (*) свободныхъ наукъ, гдѣ польза изслѣдованій ни мало не соотвѣствуетъ трудамъ, которыхъ онѣ сполнили; впрочемъ это ни чуть не мѣшаетъ цѣлому сему собранію, можетъ статься слишкомъ пренебрегаемому Липператорами, быть весьма полезнымъ хранилищемъ знаній; хотя бы и желательно было, чтобы въ немъ находилось болѣе той пріятности, къ которой всѣ предметы до извѣстной степени способны, и которую рѣдко пренебрегали древніе. Образъ разговора, которой ввелъ Платонъ въ употребленіе, или какъ первой подражалъ урокамъ Сократа, или какъ самъ изобрѣшатель и образецъ — сей столько щастливой образъ, присвоенный Цицерономъ и Плулархомъ, болѣе всего содѣйствовалъ къ учиненію пріятнымъ по наружности того, что не всегда очень привлекательно, или очень наставительно по основанію. *Бесѣда седьми мудрецовъ и за-*

(*) Французской.

стольныя предложенія служатъ сему примѣромъ. Въ сихъ послѣднихъ особливо манерія часто сама по себѣ ничего почини не значить: но разговоръ всегда занимателенъ, по иной причинѣ, что разговаривающія особы имѣютъ характеры, и поному, что таковой сборъ умствованій безъ всякой колкости, насмѣшекъ и низкихъ шутокъ, — сей сборъ словъ острыхъ и глубокомысленныхъ, повѣстей и изслѣдованій благонамѣренныхъ, образуетъ нѣчто цѣлое, которое также не упомяетъ ума, какъ и простой разговоръ честныхъ людей.

Плутархъ въ одномъ токмо сочиненіи выказалъ себя не съ выгодной стороны, а именно: въ книгѣ о злорѣчіи *Геродота*, котораго, по мнѣнію самаго Плутарха, не можно было считать за очень злобнаго человека, и который дѣйствительно не таковымъ представлень даже въ нѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ Плутархъ уличалъ его въ погрѣшностяхъ и заблужденіи; но какой Историкъ когда - нибудь не ошибался? Мы очень согласны въ томъ,

что, касательно древнихъ династій
 восточна и западныхъ вѣковъ, Геро-
 дотъ, приближаясь къ эпохѣ и царству
 вымысловъ, не могъ обрѣсти достовѣр-
 ныхъ источниковъ для Исторіи, когда
 почти все было одно только преданіе.
 Если онъ не могъ писать недоброжела-
 тельства къ Ассиріянамъ и Скиѣамъ, то
 конечно странно покажется, для чего бы
 ему въ новѣйшія и ближайшія къ нему време-
 на не доброжелательствовать Беонійцамъ
 и Коринѣянамъ? Въ семъ - то самомъ при-
 страсіи обвиняешь его Плутархъ; но на-
 должно знать при семъ случаѣ, что никогда
 и никто не былъ столько прилѣпленъ
 къ своему опечесству, и не простиралъ
 такъ далеко, какъ онъ, любви къ мѣсту
 своего рожденія. Сіе чувствованіе есте-
 ственно всѣмъ людямъ; но въ немъ оно
 было страстію и, можно сказать къ его
 чести, прекраснѣйшею страстію, судя
 по мыслямъ, которыя она ему вдохнула,
 и по тому дѣйствию, которое она имѣла
 на цѣлую жизнь его. Его таланты и все-
 общее къ нимъ уваженіе учинили то,

что онъ могъ избрать для себя жилище, гдѣ ему заблагоразсудится, и въ особен-ности въ какомъ-нибудь изъ городовъ, бывшихъ театромъ для людей вышшаго класса. Даже въ Римѣ, въ сей великолѣпной столицѣ древняго міра, хотѣли оставить его навсегда, когда онъ былъ шуда посланъ съ дѣлами отъ своихъ согражданъ. Напрасно ему говорили, что въ необозримомъ пространствѣ владѣнія Римскаго Херонея, мѣсто его рожденія не что иное, какъ уголокъ, совсѣмъ неизвѣстный и непримѣльный для славы. Онъ на сіе отвѣчалъ такъ, что, есмь Херонея доселѣ не имѣла никакого блеску, то, по крайности, онъ сообщитъ ей блескъ, каковъ бы ни былъ, отъ него производящій, и будетъ дѣлать для нее всякое добро, какое только можно сдѣлать. Сіе честолюбіе безъ сомнѣнія похвальнѣе всякаго честолюбія, и самое лучшее доказательство добросердечія Плутархова, какъ въ его дѣйствіяхъ, такъ и въ сочиненіяхъ. За сіи его чувствованія, безъ сомнѣнія можно ему простить

въ негодованіи на Геродота, который, по его мнѣнію, не опдалъ справедливости народамъ Пелопонеза; и въ разсужденіи сего Пелопонеза доброй Плутархъ ни коимъ образомъ не могъ сохранить своего равнодушія. Между тѣмъ надлежало бы ему быть гораздо снисходительнѣе къ неисправностямъ повѣствованій, чиселъ и именъ, потому что онъ самъ, какъ я сказалъ въ спашѣ объ историкахъ, подобно прочимъ, не изъясъ отъ сей погрѣшности. — Причины мною на сіе приведенныя, и конечно извѣстныя всему свѣту, доказываютъ, что онъ въ своихъ заблужденіяхъ не скрывалъ никакого дурнаго намѣренія, такъ какъ Геродотъ, и не имѣлъ особенныхъ затрудненій, послѣку ихъ очень легко можно было исправить.

Но въ нравственности, я не знаю, можешь ли кто нибудь изъ древнихъ взять верхъ надъ Плутархомъ, — по крайней мѣрѣ, въ обыкновенной нравственности, приспособленной ко всѣмъ состояніямъ и ко всѣмъ обстоятельствамъ,

Я нехочу сказать сими словами, чтобы въ немъ не было возвышенности и благородства. Вы увидите нѣкоторыя черты сихъ качествъ въ послѣдствіи; онъ повсюду встрѣчается въ его сочиненіяхъ. Но его отличительный характеръ состоитъ въ томъ, чтобы всегда свои мысли приспособлять къ практикѣ болѣе, нежели раздроблять ихъ умозрительно; и отъ сего - что происходитъ не только изясненіе его сочиненій, но также и недоспѣлки, къ нему близкіе. Высокій духъ Плутарха былъ, можетъ статься, по природѣ самой нравственный, какой только существовалъ. Онъ служилъ основаніемъ удивительныхъ его сравненій, но также былъ и причиною частыхъ его нападокъ, которые не имѣютъ ни соразмѣрности, ни причины. Такимъ же образомъ и въ Философскихъ своихъ сочиненіяхъ онъ приводитъ все къ тому, что случается со всеми людьми каждый день. Онъ хочетъ все сдѣлать видимымъ для глазъ, и посему до того изобилуетъ Физическими сравненіями, что вы не най-

еще въ немъ ни одной мысли, которая бы спояла одна, и всегда можно найдясь встрѣпить въ послѣдствіи какое нибудь уподобленіе: методъ сей подлинно пріятенъ самъ по себѣ, и у него даже часто очень оспроуменъ; но онъ имѣетъ также что-то однообразное, и походитъ иногда въ Плутархѣ на спраснь — волагать предъ глаза другихъ все то, что ему самому извѣстно. Это злоупотребленіе довольно общее, и, можетъ быть, неизлѣчимое у Грековъ. Присовокупите къ сему встрѣчающійся, по временамъ недосыпашъ въ выборѣ, или даже недосыпашъ точности въ сравненіяхъ, и вы увидите почти всѣ погрѣшности, примѣняющіяся къ превосходной нравственности Плутарха, — все то, что грешка можетъ замѣтить, не отнимая почти ни чего отъ удовольствія и нравовъ ученія.

Въ семъ множествѣ краткихъ разсужденій, которыя хотя всѣ полезны и достойны одобренія, можно отличить

отъ прочихъ слѣдующія: О способъ читать стихотворцевъ; о способъ слушать; о различіи друга и льстеца; о пользѣ, какую можно получить отъ своихъ враговъ; о любопытствѣ; о любостыжаніи; о братней любви; о пустословахъ; о неумѣстной спыдливости; о случаяхъ, въ копорые можно хвалить себя самого; объ оплагательствѣ Божественнаго Правосудія касательно злыхъ. Все вообще здраво и пишательно въ сихъ избранныхъ опривкахъ, и очень бы желательнымъ было, чѣмъ какое нибудь благонамѣренное перо воспріяло на себя трудъ, въ пользу юношества, составить изъ всего книжку, оставя зрѣлѣйшему возрасту то, что не такъ чисто, или то, чего не могутъ понять юноши.

Я вамъ обѣщался выписать нѣкоторыя правила изъ Плутарха; и здѣсь предлагаю для васъ попавшія мнѣ при первомъ раскрытіи книги; надѣюсь, что онѣ заспавяшъ пожелать еще продолженія.

„Дѣти болѣе имѣють нужды въ рукѣ-
„водицѣхъ при чтеніи, нежели хожденіи.

„Три вещи составляютъ совершен-
„ство добродѣтели, а именно: хоро-
„шая природа, наставленіе и привычки.

„Въ юношескомъ возрастѣ надобно
„полагать основу для щасливой ста-
„рости.

„Молчаніе кстапи часто гораздо
„лучше, нежели говорить хорошо.

„Тотъ токмо свободенъ, кто пови-
„нуется разсудку.

„Тотъ, кто повинуется разсудку,
„повинуется Богу.

„Человѣкъ не можетъ принять, а
„Богъ ничего не можетъ дать болѣе и
„величественнѣе истины.

„Уваженіе есть вѣнецъ старости.

„Врагъ есть такой учитель, который
„учитъ насъ даромъ.

„Молчаніе есть украшеніе и Ангель-
„Хранишель юности.

„Чтобы умѣть говорить, надобно
„умѣть слушать.

„Умѣйте только слушать, и вы
будете получать пользу отъ тѣхъ да-
же, которые говорятъ дурно.

„Тѣ, которые скупы на похвалу,
„доказываютъ чрезъ сіе, что они буд-
ны заслугами.

„Я уважаю болѣе пчелу, извлекаю-
щую медъ изъ цвѣтовъ, нежели жен-
щину, составляющую изъ нихъ бу-
кешы.

„Когда слуга мой бьетъ мою одежду,
„то онъ ударяетъ не по мнѣ; точно так-
же поступаешь и тотъ, кто упрекаетъ
„меня въ случайныхъ дарахъ природы
или щастія.

„Съ умомъ не должно поступать
„такъ какъ съ сосудомъ; его никогда не
„надлежитъ наполнять до верху.

„Верховой вѣдѣ скорѣ всего научаетъ
„ся молодой Принцъ, потому что коня
его ему не льстятъ.

„Тотъ, кто старается всегда гово-
рить такъ, какъ вы говорите, и по-
„ступать такъ, какъ вы поступаете,
„не есть вашъ другъ! Это ваша шѣня.

„Хамелеонъ принимаетъ на себя всѣ цвѣты, кромѣ блага: лъстецъ подражаетъ всему, кромѣ добраго.

„Лъстецъ подобенъ тѣмъ дурнымъ живописцамъ, которые, не умѣя представить красоты подлинника, схватываютъ совершенно однѣ только черты безобразія.

„Есть люди, которые для избѣжанія воровъ, или огня бросаются въ пропасть: точно также поступаютъ и тѣ, которые, для избѣжанія суевѣрія, прилѣпляются къ ужасной и ненавистной системѣ безбожія, и такимъ образомъ, переходя отъ одной крайности къ другой, оставляютъ истинную Религію, находящуюся въ серединѣ.

„Закоснѣніе въ порокахъ портитъ сердце, такъ, какъ ржа портитъ желѣзо.“

Не смотря на показанную нами способность Плутарха, давать мысли оборотъ краткій и сильный, пристрастіе къ симъ краткимъ изрѣченіямъ и натяжка — со всѣмъ ему чужды. Вы видите сами, что всѣ мнѣнія, мною здѣсь пред-

ложеньныя, у него разбросаны въ разныхъ
очиненіяхъ, и никогда не бывають,
шакъ сказать, сбиты въ одно мѣсто. Образъ
выраженія его хотя обыкновенно бы-
ваетъ связной и періодической, а слогъ все-
гда ровной и постоянной; однако онъ
знаетъ, какъ употреблять и разнообра-
зить движенія, и близко даже подходить
къ слогу высокому, какъ по величію мы-
слей и отношеній, шакъ и по силѣ обо-
рошовъ и выраженія. Слѣдующія два мѣста
о льстѣцѣ служатъ тому доказательств-
вомъ: „онъ говоритъ гнѣву, опмсти за
„себя; спрашти, наслаждайся; спраху,
„убѣжимъ; подозрѣваю, вѣрь всему.“

„Патроклъ, облекшись въ доспѣхи Ахил-
„лесовы, не осмѣлился взять его копья,
„пошому что одинъ токмо Ахиллесъ могъ
„имъ дѣйствовать. Точно такимъ обра-
„зомъ леств все заимствуешь отъ дру-
„жества, кромѣ смѣлой опкровенности; —
„сіе вооруженіе для нее чрезмѣрно тяго-
„спно; одно шолько дружество можешь
„носишь его.“

Когда въ Поэзіи Епической или Драматической встрѣчаются развратныя правила, или порочныя чувствованія; тогда Плутархъ желаетъ, чтобъ наставники внушали въ молодыхъ читателей еще болѣе отвращенія къ словамъ, нежели къ самымъ вещамъ, которыя они выражаютъ. Онъ справедливъ; и его правило означаетъ глубокаго моралиста; ибо дурное правило болѣе причиняетъ зла, нежели дурное дѣйствіе; во первыхъ потому, что множество дурныхъ дѣйствій бываетъ заключено въ одномъ дурномъ правилѣ, и сверхъ того дурныя дѣйствія влекутъ за собою раскаяніе, а дурное правило его опдалаетъ отъ себя. Вы можете замѣтить здѣсь начало сей неизлечимой язвы, имѣющей разлихся во всѣ будущія племена, язвы революціоннаго ученія, которое аксіомами нравственности и законодательства гораздо болѣе вложило яда въ уста тирановъ и злодѣевъ, нежели сколько Спихотворцы осмѣлились вложить подражаніемъ, или изобрѣщеніемъ театральнымъ.

Книж. VIII.

Д

Вы конечно повѣрите охотно тому, что ученіе Плутархова о Божествѣ и Провидѣніи совершенно такое же, какое мы видѣли въ Платонѣ, и какое послѣ нашли въ Цицеронѣ. Вотъ, какъ онъ сравнительнымъ методомъ, столь ему свойственнымъ, доказываетъ, что мы должны удерживаться отъ сужденія о намѣреніяхъ Провидѣнія, и что должно препоручить Ему совершенно управленіе сего міра: „Тотъ, кто не знаетъ Медицины, „не въ силахъ опредѣлить причинъ, какія „Врачъ можетъ имѣть, употребляя такое, „а не другое лѣкарство, и для чего лучше сего дня, а не завтра. Такъ точно „но человѣку, коего правосудіе столь не „вѣрно и законодательство столь не „достаточно, не прилично ничего рѣшительно говорить о ходѣ дѣлъ Божіихъ, „касательно насъ, кромѣ того только, „что Онъ единъ вѣдаетъ совершенно, въ „какое время должно приспособить наказаніе, такъ какъ приспособляютъ лѣкарство. Онъ употребляетъ злыхъ для „наказанія другихъ; Онъ пользуется ими,

„шакъ какъ могущесивенными миниспрами
 „и исполнителями Своего правосудія, а по-
 „слѣ сокрушаетъ и уничтожаетъ ихъ... Ког-
 „да народы имѣють нужду въ усмирении
 „и наказаніи, Онъ посылаетъ жестокихъ
 „Государей, или безжалостныхъ пиранновъ,
 „и до тѣхъ поръ не разрушаетъ сихъ
 „орудій скорби и опустошенія, пока зло,
 „которое надлежало изцѣлить, не бу-
 „детъ испреблено совершенно: такимъ
 „образомъ царствованіе Фалариса было
 „почто врачеваніемъ для Сициліанъ, такъ
 „какъ царствованіе Марія было тѣмъ
 „же для Римлянъ.“

Онъ съ восторгомъ повторяетъ одно
 мѣсто изъ Пиндара, которое показываетъ,
 что великіе Поэты мыслили спольже вы-
 соко, какъ великіе Философы. „Богъ, Тво-
 „рецъ и Владыка всего есть также Тво-
 „рецъ и Владыка правосудія: Ему едино-
 „му принадлежишь, опредѣляешь, когда,
 „какъ, и koliko всякой долженствуешь
 „быть наказанъ за зло, имъ учиненное.“

Но я вамъ сказалъ, что сіи сравненія, часто споль прекрасныя, не всегда бывають шочны; такъ на примѣръ: когда онъ нѣжнаго и великодушнаго друга, впайнѣ другу своему благодѣтельствующаго, сравниваетъ съ Божествомъ, любящимъ шворить добро людямъ, не давая совѣтъ шого имъ знашь, какъ существо, совершенно благошворительно по естеству своему. Конечно справедливо, что мы не знаемъ, и даже не можемъ знашь о всемъ шомъ благѣ, которе дѣлаетъ для насъ Богъ; но ни мало Онъ Самъ не забоишся, чтошбы мы не знали объ этомъ сполько, сколько для насъ возможно; напрошивъ, Онъ хочетъ, чтошбы мы чувствовали блага, отъ Него получаемыя, и чрезъ сіе Онъ налагаетъ на насъ должностъ, обязывающую любить Его не пошому, что дѣйствительно нужна Ему наша любовь и признашельностъ, но пошому, что сія любовь и признашельностъ содѣлываютъ насъ лучшими. И Плутархъ могъ это знашь, поелику онъ съ похвалою замѣшилъ сіи сло-

ва Пифагоры: „Когда мы приступаемъ къ „Богу съ молитвою, тогда станемъ „лучшими.“

Ежели онъ не всегда видѣлъ споль/далеко, какъ могъ, то по крайности нѣсколько разъ предупреждалъ онъ, такъ сказать, новѣйшихъ писателей, и своимъ примѣромъ заставлялъ ихъ спыдирься того, что они древнія заблужденія нѣкопрыхъ, недостойныхъ вниманія, мечпателей предпочли испинамъ, признаннымъ мудрецами всѣхъ временъ. Парадоксъ, возобновленный въ наши времена, и о копоромъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи нашихъ бесѣдъ, будто человекъ почитается разумнѣйшимъ изъ живопныхъ по той причинѣ, что онъ имѣетъ руки, — сей парадоксъ не принадлежитъ Гелвецію, какъ думали; но онъ есть выдумка безбожника — Анаксагора, и Плутархъ, разбирая его, весьма справедливо говоритъ, что предположеніе Анаксагорово есть испина въ обращенномъ видѣ; что точно, только потому человекъ одаренъ руками, что онъ

имѣешь разумъ, и что природа дала ему руки, какъ орудія, соразмѣрныя его разумѣнію.

Былъ въ Римѣ, во времена Плутарховы, одинъ человѣкъ, который выдавалъ себя Философомъ, и который, умствуя, такъ какъ Гелвецій и прочіе наши матеріалисты, не допускалъ никакого нравственнаго союза между тѣломъ и душою. Онъ находилъ въ нихъ токмо отношенія совершенно Физическія. Добросердечный Плутархъ нападалъ на него за сіе очень сильно, и болѣе потому, что онъ хотѣлъ его примирить съ братомъ, съ которымъ его дурные поступки происходили отъ его началъ; онъ не рѣдко убѣждалъ его въ священныхъ правахъ, естественнымъ образомъ совокупляющихъ насъ съ опцами, маперями, и братьями: „Поди, сказалъ сей человекъ, поди, проповѣдуй свое ученіе не-„вѣжамъ; что касается до меня, то я „не вижу того, чѣмъ могу быть обязанъ другому человѣку, поелику мы, какъ

„оѣ такъ и я, произошли изъ упробы
 „одной женщины.“ Совершенно таковое
 же злоупотребленіе анализа Метафизиче-
 ского мы находимъ и въ однѣхъ и тѣхъ же
 терминахъ въ двадцати сочиненіяхъ ны-
 вѣшняго вѣка. Плупархъ, негодуя за то,
 что такъ коварно пользуются одною
 частію Философіи для разрушенія другой,
 и что до такой степени злоупотребля-
 ютъ Метафизику для подрыва прав-
 свенности, просто и рѣшительно сими
 опѣвчалъ ему словами: А я напрошивъ
 вижу очень, что для тебя все равно,
 что родиться отъ женщины, что отъ
 собаки. Вотъ человекъ, который былъ
 такой же Философъ какъ и братъ!

Сочиненіе о Пустословахъ есть са-
 мое остроумнѣйшее и язвительнѣйшее изъ
 всѣхъ его твореній. Никто столь силь-
 но не поражалъ сего порока ума, какъ
 Плупархъ, и это показываетъ, что коми-
 ческіе Поэты могли бы такъ же съ поль-
 зою чинить его сочиненія; ибо не въ од-
 номъ, но во многихъ мѣстахъ у него на-

ходятся, также, какъ у нашего Лабрюіера каршинныя и драматическія описанія. Онъ изловилъ, можно сказать, всѣ навыки пустослововъ, и изображаетъ ихъ съ живосцію такими красками, по которымъ можно подумать, что мудрость его, шедши по дорогѣ, нашла на сей родъ глупости, и объ него ударилась. Вы увидите, что къ пустословамъ онъ, какъ и должно, присоединяетъ разкащиковъ новостей; ибо одинъ безъ другаго не бываетъ, и всякой разкащикъ новостей есть пустословъ, такъ какъ всякой пустословъ есть разкащикъ новостей. Плутархъ, чтобъ показать опличительныя свойства сей страсти, приводитъ два досповѣрнѣйшія произшествія, которыя совершенно показываютъ всеувлекающую ея силу, и которыя столь забавны сами по себѣ, что вы, безъ сомнѣнія, не будете негодовать на меня, еслили я ихъ приведу здѣсь. Вотъ сперва самое смѣшное; я расскажу словами Авшора.

„Брадобрѣи болшливѣе всѣхъ : поели-
 „ку величайшіе пустословы со всѣхъ спо-
 „ронъ спекаются къ нимъ , и у нихъ ,
 „имѣютъ свои засѣданія ; а отъ того бра-
 „добрѣи изъ подражанія и по привычкѣ
 „дѣлаются сами шаковыми же. Царь Ар-
 „хелай имѣлъ нужду въ брадобрѣхъ. Бра-
 „добрей , кладя ему на шею салфешку ,
 „спросилъ его : какъ онъ хочеть быть
 „обришымъ ? Принцъ отвѣчалъ : и не
 „говоря ни слова. Другой брадобрей
 „первый разпустилъ по Лейнамъ новость
 „о сильномъ пораженіи Никіаса въ Сициліи.
 „Онъ получилъ ее отъ невольника , при-
 „ставшаго въ Пирей съ нѣкоторыми дру-
 „гими бѣглецами. Оставивъ поспѣхъ свою
 „цирульню , бѣжитъ онъ безъ памяти въ го-
 „родъ , дабы не доставить чести друго-
 „му , похитить у него сей новости.
 „Вдругъ великой шумъ : собираются въ
 „назначенное мѣсто , и народъ неперпѣ-
 „ливо желаетъ знать , кто виновникъ
 „такой бури. Тащатъ въ собраніе наше-
 „го брадобрея , кошорый не имѣлъ даже
 „времени сказать , отъ кого происходила

„его новостъ ; поелику въ поропливости
 „онъ не успѣлъ и спросить о имени
 „невольника. Раздраженный народъ кри-
 „чипъ : эшо вымысель сего нещаснаго !
 „Никто-другой, кромѣ его, не слыхалъ ни-
 „чего подобнаго. Надобно учинишь ему пыш-
 „ку. Тотчасъ привязываютъ его къ ко-
 „лесу ; но въ сію минушу произшествіе
 „подтвердилось со всѣхъ споронъ плѣми,
 „кошорые прибыли изъ Пирея , и всякой
 „занявшись своими родствениками , спѣ-
 „шипъ узнать опъ нихъ новости. Мѣ-
 „сто собранія вскорѣ опускѣло , и неща-
 „стный брадобрей остался тамъ только
 „одинъ на колесѣ ; онъ висипъ на немъ
 „до самаго вечера ; наконецъ палачъ при-
 „ходишь опвязаць его. Но угадайте ,
 „какое было его первое слово въ то вре-
 „мя, какъ его опвязывали? *А знаютъ ли,*
какимъ образомъ погибъ Никіаевъ ? —
 Ворчалъ онъ болѣзненно. Изъ эшаго
 видно , что пустословіе разкащика новос-
 тей естъ болѣзнь неизлѣчимая.

Другое произшествіе гораздо важнѣе
 сего ; развязка въ немъ нравственная , и

можешъ оппесписъ ко многимъ примѣрамъ
такого рода, которые доказывають, что
Провидѣніе употребляетъ средства со-
всѣмъ неожиданныя, дабы довести безза-
конниковъ до того, дабы они обманули
самихъ себя, и учинились орудіями своей
погибели. „Въ Лакедемонѣ случилось
„однажды, что храмъ Паллады былъ
„разграбленъ, и что воры въ немъ оста-
„вили бушылку, только что опорожнен-
„ную. Народъ собирается на сіе мѣсто,
„и весь свой умъ изпощаетъ, такъ ска-
„зашъ, въ догадкахъ, касательно сей бу-
„шылки. Если вы хопите, сказалъ одинъ
„изъ присутствующихъ, то я вамъ ска-
„жу объ ней свои мысли. Я думаю, что
„святошапцы не иначе могли опважись-
„ся на сію опасность, судя по важности
„дѣла, какъ принявши цикушы, а вино
„принесли для того, чтобы пить его
„безпрестанно до той минушы, какъ увѣ-
„рялся, что ихъ не увидятъ, зная, что
„вино есть прошивудъ цикушы, и уничто-
„жаетъ совершенно ея дѣйствіе; но если
„бы ихъ поймали, то бы цикуша могла

„очень способствовать къ освобожденію
 „ихъ отъ мученій и наказанія. Въмѣсто
 „того, чѣмъ бы принять сіе изъясненіе за
 „оспроумную догадку, сочили его участни-
 „комъ, и заключили, что говорившій шакъ,
 „не опгадалъ, но зналъ все. Каждый спра-
 „шиваетъ его: кто ты? отъ кого ты
 „слышалъ обо всемъ, побою сказанномъ,
 „и кто тебя здѣсь знаетъ? Его предають
 „пылкѣ; и кончится тѣмъ, что онъ
 „признается однимъ изъ числа зачинщи-
 „ковъ сего свѣшанства. Такимъ обра-
 „зомъ охота говорить и показывать умъ
 довела несчастнаго до наказанія.

Наконецъ всякой знаетъ, что сочине-
 нія Плутарховы суть магазинъ исторій,
 повѣстей и краткихъ нравоучительныхъ
 басней, въ которомъ весь свѣтъ можетъ
 находить для себя пищу. Лафонтенъ из-
 влекъ изъ него великое число своихъ басенъ.

Показавъ примѣры сильной чесотки
 языка, онъ также предлагаетъ при-
 мѣры сшрогаго молчанія; и удави-

тпелнѣйшимъ изъ всѣхъ можетъ почестъся примѣръ невольника, который умѣлъ точностію въ молчаніи привести въ смятеніе своего господина, и обратилъ во вредъ ему его приказанія самымъ язвительнымъ образомъ. Рипоръ Пизонъ, не могши терпѣть того, чтобы прерывали его мысли, запретилъ своимъ невольникамъ говорить съ нимъ безъ его соизволенія. Однажды, приказавши изготовить пышный столъ для угощенія друга своего Клодія, получившаго весьма важной чинъ, посылаетъ онъ одного изъ своихъ невольниковъ, просить его къ себѣ опужинатъ. Въ назначенный часъ всѣ приглашенные къ пиру приходятъ, кромѣ одного Клодія. Пизонъ посылаетъ человѣка за человѣкомъ посмотришь, нейдетъ ли онъ, и сказать ему, чтобы онъ послѣшилъ придти поскорѣе. Между тѣмъ время проходитъ, наступаетъ ночь, и всѣ садятся за столъ. *Ходилъ ли ты приглашать кушать со мною Клодія, спрашиваетъ Пизонъ у невольника? — ходилъ. — Почему же онъ не идетъ? Потому что, какъ онъ сказалъ,*

обстоятельства не позволяютъ ему исполнить вашей просьбы. — Но для чегожь ты днѣ объ этомъ не сказалъ? — Для того, что вы меня не спрашивали. Послѣ сего господинъ замолчалъ; но невольникъ эшопъ былъ Римлянинъ, — Греческій невольникъ никогда бы сего не одѣлалъ.

Плутархъ на три рода раздѣляетъ опѣшны: на опѣшъ необходимый, на опѣшъ учливый, на опѣшъ болтливый; и при эшомъ случаѣ онъ описываетъ самымъ смѣшнымъ образомъ Аѳиняны. Тамъ ли Сократъ? Невольникъ непроверной и угрюмой скажетъ: нѣтъ его тамъ; или ежели онъ пристрастенъ къ лаконизму, то скажетъ просто: нѣтъ; такъ какъ Лакедемоняне, которые, получа отъ Филиппа важное письмо, въ которомъ онъ хотѣлъ принудить ихъ, дать ему позволеніе войти въ ихъ городъ, вмѣсто всякаго на то опѣша, послали къ нему большой листъ, въ которомъ крупными словами написано было: **НѢТЬ**. Есть-

ли невольникъ образованнѣе: то онъ скажетъ: Сократа нѣтъ тамъ; онъ пошелъ къ своему банкиру; а когда захочешь еще показать болѣе вѣжливости, то прибавишь: по тому что онъ ожидаетъ тамъ гостей, которые къ нему прѣзжаютъ. Но Аѳинянинъ любословъ скажетъ: Сократъ находится у своего банкира, гдѣ дожидается гостей изъ Іоніи, по рекомендаціи Альцибіада, который писалъ къ нему изъ Милета, гдѣ онъ живетъ при дворѣ Тиссаферна; а эпитъ Тиссафернъ—Сатрапъ великаго Царя, прежде бывший другомъ и союзникомъ Лекедемонянъ; но Альцибіадъ его отъ этого отвлекъ, и онъ теперь совершенный Аѳинянинъ, поелику Альцибіадъ смертельно желаетъ сдѣлаться и проч. И потомъ онъ повспоришь ему по порядку все то, что мы знаемъ изъ осьмой книги Фукидида: Онъ разольетъ передъ своимъ слушателемъ, такъ сказавъ, пошопъ словъ, и не позволишь ему сомнѣваться въ томъ, чтобы Милетъ не былъ взятъ, и Альци-

бѣдѣ не былъ сосланъ во второй разъ въ ссылку.

Не лзя ничего найши поучительнѣе уроковъ Плутарха, касательно науки — слушать, молчать, и говорить кспати; и сія наука есть ни частная, ни общая. Совѣты, которые онъ даетъ, и средства, которые предписываетъ, доказываютъ его глубокое познаніе нашихъ привычекъ и способа, которымъ онъ образуются или преобразуются. Мы находимъ въ немъ умъ истинно наблюдательный, который напоминаетъ вамъ часпо объ томъ, на что вы смотрѣли безъ всякаго замѣчанія, и что послѣ открываешь совершенно такимъ, какъ онъ замѣтилъ. На примѣръ, онъ узналъ, что люди любопытные не живутъ въ деревнѣ: они тамъ скучаютъ. „Для нихъ нуженъ городъ, театры, „судилища, публичныя мѣста, морская пристань. Нѣтъ ничего справедливѣе, и ничто лучше не изъясняетъ того, что мы слышимъ отъ нѣкоторыхъ Особъ, которые говорятъ, что не лзя обойтись безъ Парижа.

Я не могу удержаться отъ того, чтобъ не привести здѣсь еще нѣкоторыхъ историческихъ примѣровъ, которыми очень богатъ Плутархъ, хотя бы вы сказали, что я увлекаюсь его способностію, легко рассказывать. Такъ, его рассказъ легокъ, но еще болѣе имѣетъ цѣны, когда нравственной; когда имѣетъ цѣль, и когда происшествія хорошо избраны. Слѣдующее происшествіе таково, какого я не знаю, ни поразительнѣе, ни чрезвычайнѣе, судя по вліянію, которое оно имѣло на совѣсть. — Впрочемъ я не долженъ скрывать того (что очень справедливо и признано съ давняго времени), что естли вкусъ къ чтенію въ большемъ употребленіи нынѣ, нежели прежде, за то онъ болѣе легкомысленъ, нежели въ другое время. *Мы не читаемъ*, сказалъ Вольперъ, и онъ имѣлъ на это причину; поелику онъ хотѣлъ сказать: мы не читаемъ того, что должно читать, и читать надлежащимъ образомъ. Теперь я обращаюсь къ моей исторіи, и она будетъ послѣдняя, по крайности, въ семь опдѣ-

Книж. VIII. Е

леніи, потому что я не хочу входить въ обширѣйшее разсмотрѣніе.

Бессусъ Пеоніянецъ убилъ отца своего, и сіе преступленіе скрывалось весьма долгое время. Нѣкогда, идучи къ одному изъ своихъ благопріятелей ужинать съ немногими друзьями, нечаянно слышитъ онъ крики пшеницовой ласпочки; и за сіе копьемъ, бывшимъ у него въ рукѣ, сшибаетъ гнѣздо, и убиваетъ ппичекъ. Все удивляющіяся, смотря на столь глупый поступокъ, и спрашиваютъ у него пому причины. Какъ! оповѣчаютъ онъ, неужели вы не видите, что они ложные свидѣтели? Неужели вы не слышите, что они мнѣ кричатъ, будто я убилъ отца моего? Тотчасъ дали знанъ о семъ Королю, который приказалъ взять его подъ караулъ; и въ скоромъ времени несчастный былъ обличенъ и наказанъ.

Я не могу рѣшиться включить въ число Философскихъ Плутарховыхъ сочиненій двухъ его отрывковъ, одного,

о щастіи Римлянъ а другаго, о щастіи
 Александра; они мнѣ кажутся просто клас-
 сическими разпроспраненіями, или, какъ
 древніе называли, Декламаціями. Это
 не потому, чпобъ не было въ нихъ сполько
 ума и сполько испиннаго краснорѣчія,
 дабы увидѣшь, что Плутархъ могъ бытъ
 Орапоромъ, еспьлибъ захопѣлъ бытъ
 въ числѣ Орапоровъ. Конечно, мысль
 величеспвенная, представивъ добро-
 дѣтель и форшуну, спорующихъ жежду
 собою, кто болѣе изъ нихъ содѣйство-
 валь къ возвышенію Римлянъ; всѣ
 подробности сочиненія не менѣе имѣ-
 ютъ блеску и великолѣпія, какъ и цѣлая
 прозопоея. Впрочемъ признаюсь, что вся
 сія пышность не только Орапорская, но
 почти Піипическая, споль чуждая
 вкусу сочинителя и по приличію предме-
 товъ, объ коихъ онъ разсуждаетъ,
 и по обыкновенному шону, кошорый онъ
 имѣетъ; — сія, говорю, подлинно спра-
 ная пышность одна можетъ меня убѣ-
 дить въ томъ, что сіе сочиненіе не еспь
 сочиненіе Плутарха Историка и Фило-

Е а

софа, но ученика Рипорьяки; и это мнѣніе близко подходитъ къ правдоподобію, если мы рассмотримъ сущность одного изъ отрывковъ, касательно Александра. Какъ можно вообразить, чѣмъ умъ столь правильный, и столь чуждый спраспи къ парадоксамъ и блестящимъ чрезвычайностямъ, рѣшился доказывать, что походъ Александровъ имѣлъ причиною всеобщую образованность; что вся цѣль его была воцарить на востоцѣ нравы, законы и письмена Греческія; наконецъ, что все его честолюбіе было совершенно Философское? — Это игра ума, которую Плутархъ позволилъ себѣ вѣроятно въ юности, какъ забаву. Тотъ, кто описывалъ столь благоразумно жизнь Александрову, и кто не скрывалъ ни его погрѣшностей, ни его спраспей, ни его пороковъ, безъ сомнѣнія не хотѣлъ льстить ему столь грубымъ образомъ, ни вымышлять рода ласкашельства столь неумѣстнаго и смѣшнаго. Сверхъ сего онъ самъ былъ хорошій Философъ, и вѣрно, довольно зналъ, что предпріятіе, привеши въ правленія

подъ одну мѣсоду, и укоренишь въ народахъ всѣхъ климатовъ одинаковыя, какъ политическія, такъ и общественныя обыкновенія, — свойственно токмо для головы одного послѣдняго глупца, и глупца такого, какова никогда не видано: поелику между побѣдителями, которыхъ не лзя почестъ за умнѣйшихъ изъ всѣхъ людей, не было ни одного, кто бы мечталъ о подобной диковинкѣ, и что всѣ напротивъ имѣли столько общаго смысла, что оставляли каждому народу то, чего не можно у него отнять силою, т. е. его нравы, обычаи, его мнѣнія, которыя могутъ токмо переѣнниться нечувствительно могущесвомъ все измѣняющаго времени. Если бы возможно было подумать, что Плутархъ писалъ это не шутя, то бы трудно было рѣшить, похваля ли онъ хотѣлъ написать, или Сапиру на Александра. По счастью, и то и другое не такъ — то вѣроятно; но я сочелъ сіе замѣчаніе нужнымъ для того, чтобы показать, что, при чтеніи древнихъ, надобно со вниманіемъ оплывать, не поль-

то то, что признаю за ихъ собственное, или что имъ приписано безъ доказательства и достовѣрности, но также должно замѣчать въ ихъ произведеніяхъ время, въ которое они писали; свойство, и эпоху ихъ сочиненій, не всегда съ довольною предосторожностію и Философскою критикою собранныхъ.

Изъ Лагарпа. Веселитскій.

XIII.

РОССІЯ ДА.

(Письмо къ другу. О слогѣ Поэмы.)

Ты пребудешь непременно, чтобы я сказалъ что-нибудь о слогѣ Россіады; признаюсь, я не имѣлъ намѣренія писать объ этомъ предметѣ, потому что онъ первой бросается всякому въ глаза, и не пребудешь объясненій дальнѣйшихъ: въ то самое время, когда читаешь, уже его оцѣниваешь. — Сверхъ того, я уже предупрежденъ въ этомъ Господиномъ Издашелемъ *Современнаго Наблюдателя*, который весьма тщательно вычислилъ всѣ погрѣшности слога Гна. Хераскова.

Она доказала (№ 1. стр. 13. и дал.), что
 взятіе Казани не заслуживаетъ эпопеи,
 что въ цѣлой Поэмѣ нѣтъ ни одного пи-
 нтическаго сравненія (№ 5. стр. 77.), и
 наконецъ съ пріятелемъ своимъ С. рѣшилъ
 (№ 3. стр. 81.), что въ ней всего только
 десять стиховъ сряду хорошихъ. Что
 мнѣ послѣ этого писать? — Спрогаго и
 споль провинцательнаго взора его не имѣю,
 или лучше, не хочу имѣть; но тебѣ оп-
 казать не лзя; и потому, въ угодность
 твою, скажу нѣсколько словъ о слогѣ По-
 эмы сперва вообще, а послѣ приспособлю
 мои мнѣнія къ Россіядѣ, какъ умѣю. Ка-
 жется, на Хераскова должно смотрѣть съ
 двухъ сторонъ: 1 е. сей Пѣснопѣвецъ (хотя
 поздній), современникъ Сумарокова, Княж-
 ина, Ржевскаго, Богдановича, Пепрова и
 другихъ Стихотворцовъ, и нѣкоторымъ
 образомъ ученикъ ихъ имѣетъ и неопъемле-
 мыя красоты, можетъ быть, очень прочныя,
 и необходимыя погрѣшности своего вре-
 мени; 2 е. онъ первый воспріялъ па-
 реніе величественное, новое на Рос-
 сійскомъ Парнаесѣ, въ которомъ ему
 не было предшественника: ибо начатки

Петриады ни для кого не могли быть образцомъ, какъ слишкомъ смѣлая не довершенныя, изъ которыхъ, должно признаться, не лзя угадать и чертежа, по коему Стихотворецъ расположилъ Поэму. Такъ она начата. — Изъ этой и изъ другой причины произтекающъ выгоды въ похвалу и славу Хераскова. — Въ первомъ случаѣ справедливый и *благоразумный* критикъ судить о слогѣ Хераскова, сообразно тому времени, въ которомъ онъ образовался, приобрьлъ привычки и, такъ сказать, началъ свое литературное поприще, а не по своему; ибо слогъ безпрестанно совершенствуется. По другой причинѣ самой безсовѣстной Зоиль долженъ говорить объ немъ съ оспороженностію и уваженіемъ, вспомнивъ, что онъ первой, и столь щастливо разпространилъ предѣлы нашей Поэзіи высочайшимъ родомъ Стихотвореній — Поэмою *Епическою*, *имѣющею содержаніемъ* свою *отечественную славу*. Но такъ ли поступилъ Г. наблюдашій современную Словесности, съ такою заботливостію выбиравшій изъ 12,000 стиховъ

одни дурные, и набравшій ихъ около 50 ши или 60, пусшь бы даже до 100, не сказавъ ничего о слогѣ его вообще какъ будто нѣтъ въ немъ никакого достоинства, или качесства, ему свойственнаго! . . . Не имѣю ни души, ни сердца смотрѣть на столь почтенные нѣкопрымъ образомъ *антики* такъ дерзко! а при томъ, признаюсь тебѣ, не вижу въ этомъ еще и настоящей пользы, такой, какую приобрѣли отъ крипики Французы, Англичане или Нѣмцы; — они разбирали образцы *зрѣлаго* своего вѣка, утвержденные, освященные всеобщимъ мнѣніемъ современныхъ народовъ (хотя и это не есть еще слава Гомерова или Виргиліева, или Тассова): по крайней мѣрѣ такіе образцы, коей возвысили языкъ свой до возможной степени совершенства, далѣе коей онъ не шелъ или не могъ идти. Имъ хотѣлось удержашъ языкъ свой на сей высокой степени, и потому старались они всѣми возможными способами чрезъ крипику сдѣлать его почтеннымъ, неприкосновеннымъ, какъ наслѣдствен-

ное сокровище. — Мы еще, если смѣю
сказать, не въ зрѣломъ возрастѣ своей
литтературы: наши образцы не суть
еще послѣдніе образцы; слѣдовательно
наши разборы суть только временные,
и временную приносятъ пользу, то есть,
способствуютъ болѣе или менѣе успѣ-
хамъ Словесности. Короче сказать: мы,
общіе наши пріятели и я, крипикуемъ
по сѣ пору, какъ наблюдатели, болѣе для
составленія исторіи нашей литтературы,
нежели для прочной ея основы; ибо это
не отъ насъ зависитъ, а отъ времени и
образованности народной. — Если сіи
мои замѣчанія справедливы, то я спра-
шиваю тебя еще, другъ мой, какимъ же
образомъ Г. Издатель Современнаго
Наблюдателя споль рѣшительно вычис-
ляетъ погрѣшности слога — самой зыб-
лемой и измѣняющейся по временамъ ве-
щи — въ Херасковѣ, ни мало не говоря
о прочихъ достоинствахъ его образа
изъяснилась: . . . Неблагодарные! — отъ
кого мы научились писать? — отъ Ло-
моносова, Хераскова и другихъ: они начи-

нали. — Достойные ученики ихъ скромно и благоговѣнно, шакъ скажешь, слѣдующіе по стопамъ ихъ, Дмиріевы, Карамзины и пр. усовершенствовали священное и славное наслѣдіе, каждый соотвѣтственно своему таланту. . . . Вы, ученики сихъ новѣйшихъ, съ дерзостію осуждаете своихъ Папріарховъ, какъ бы ихъ современники, не имѣя столько силы, что бы переселились въ ихъ время, и бороться вмѣстѣ съ тѣми трудностями, которыя они преодолѣли и приуголовили вамъ путь крашкій и легкій! . . . Этого мало: вы въ ваше собственное, болѣе уже образованное время, терпите въ другихъ, и сами себѣ позволяете тѣ же погрѣшности въ слогѣ, и сщраго взыскиваете ихъ на предшественникахъ! Еще повторю: слогъ зависитъ отъ времени, и судить объ немъ должно по времени, въ которое писано сочиненіе; и потому - что навсегда остается священнойю памятію не только Хераскова, но и Тредьяковского, и другихъ нашихъ Учишелей. Извини меня, другъ мой, въ этомъ отступленіи: оно

невольное: мнѣ уже наскучило слушать, что все старое совершенно дурно, что одно только новое, и притомъ новѣйшее хорошо. Такимъ образомъ во времена Ломоносова всѣ и все писало Оды, не справясь съ своими силами, а ослѣпясь единственно божественнымъ блескомъ великаго Поэта; такимъ образомъ при появленіи Карамзина, столь удачно и щастливо показавшаго намъ слогъ простой, чистой и нѣжной, все застонало, и пролилось въ испочникахъ слезъ, также не постигнувъ истиннаго достоинства предводительства Генія; такъ Дмитріевъ и Крыловъ пещерь наполнили весь почти литературный міръ Езопами — Лафоншенями; такъ наконецъ, и ты почтенной другъ мой, Жуковскій прекрасными своими балладами порождаетъ многочисленное племя Балладниковъ. . . . А все это отъ чего? — отъ того, что у насъ юные таланты, въ самомъ дѣлѣ щастливые и прекрасные, подобно весеннимъ мотылькамъ, бросающа на первой блескъ, не предводимые истин-

нымъ свѣтомъ ученія и криптики, занимаюсь единственно настоящими явленіями Литтературы, и пренебрегая, или даже презирая прошедшія . . . Боже меня сохрани, чтобы я говорилъ здѣсь проповѣдь подражанія: извѣстно, что во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ слабѣйшіе увлекались за господствующимъ геніемъ: такъ Фоншенель, Дидрошь и другіе, весь свой вѣкъ утянули отъ прощупы и напуральности первыхъ образцовъ въ кудреватость и напыщенность слога. Въ ихъ же время умнѣйшій человѣкъ Ламотъ, и Гомера сокращали, и множество словесниковъ поднимали ужасной бунтъ проповѣдь древнихъ своихъ Учительей, которыхъ слушали уроки, двумя тысячами лѣтъ оправданные, и которыми за честь поставляли подражать. Чему дивинься? эпо дѣло уже роскоши и обыкновенной судьбы всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, достигшихъ своей зрѣлости. Но у насъ, по ли еще время! . . . Одно все на умѣ у меня, другъ мой; какъ мы, еще младенцы въ Литтературѣ, мы, современные наблюдатели,

споломъ скоры и рѣшительны въ своихъ приговорахъ о почтеннѣйшихъ нашихъ Учителяхъ ! . . . Но довольно. По желанію моему, рассмотримъ слогъ Херакова , какъ Эпической.

Поэма Эпическая есть *разсказъ*, или *повѣствованіе* происшествія великаго и чудеснаго, какъ мы прежде говорили уже объ эпосѣ. — И такъ онъ не Исторической, гдѣ повѣствуется о всѣхъ случившихся происшествіяхъ безъ разбору, важныхъ и неважныхъ, малыхъ и великихъ; онъ не Философской и не учебной, котораго вся цѣль научить истинѣ, или убѣдить въ ней; онъ не романической: ибо живописуешь не частное происшествіе, но общее, такое, которое вліяніе имѣло на цѣлые народы; наконецъ, есть ли можно сказать, онъ необыкновенной человѣческой: ибо Пѣвецъ, открывающій тайныя связи происшествій, непоспѣжимыя обыкновеннымъ смертнымъ, и будущія отдаленныя послѣдствія происшествій, слабыми очами ихъ непредвиди-

мья, непременно долженъ быть исполненъ какимъ-нибудь духомъ высшимъ, или божесивомъ, или Музою, которая устнами его пророчествуетъ. И такъ сей языкъ есть, и долженъ быть высокій, божественный, производящій вмѣстѣ очарованіе и убѣдительность непрекословную, быструю, едва постигаемую тѣми самими, которые убѣждаются. Сипрогая истина скрывается въ облако: въоряшность, одѣянная въ ея ризы, заступая ея мѣсто, однако съ тѣмъ, чтобъ не противоборѣствовать ни правамъ своей Царицы, ни ея святымъ цѣлямъ: это прелестная тѣнь солнца, которая увеличивается и уменьшается, смотря по тому, какъ оно уклоняется выше или ниже, далѣе или ближе, но всегда зависитъ отъ движеній солнца. Теперь, кажется, опредѣлилъ я, по крайней мѣрѣ, для тебя, снисходительнаго моего друга, правила слога Поэмы. — По вещамъ, заключающимся въ ней должно судить объ ихъ одеждѣ, или слогѣ. — Но прежде долженъ я раздѣлить его главные качества, зависящія

отъ предметовъ и отъ цѣли. — Въ первомъ случаѣ по же самое *убѣжденіе* или очарованіе пребудетъ, чтобы онъ былъ не ниже, ни выше своихъ предметовъ. — На семь правилъ основывается доспойная и удивительная похвала Квинтилиана Гомеру, — похвала, которая можетъ привести въ опчаяніе всякаго Спихотворца. — Квинтилианъ говоритъ о Гомерѣ, что онъ умѣлъ быть въ изображеніи простѣйшихъ предметовъ самымъ простѣйшимъ, въ изображеніи высокихъ — самымъ возвышеннымъ, въ изображеніи страстей — самымъ страстнымъ; разумѣется, никогда не выходя изъ надлежащаго тона Епическаго. Въ другомъ случаѣ цѣль Поэта возбудить удивленіе, восторгъ, великолѣпною обворожительною живописью предметовъ, встрѣчающихся въ Поэмѣ. — Въ семь случаевъ также два обстоятельство: иногда довольно представить предметъ просто, каковъ онъ есть: ибо онъ самъ по себѣ великолѣпенъ, или прогашелень; иногда онъ самъ очень мало значить, и отъ одного искусства Спихотворца зависить

едѣлашь его или благороднѣе, или трогательнѣе; другими словами: замѣнишь недоспашокъ собственнаго его достоинства обольстительнымъ достоинствомъ наружности: вошь дѣло слога! — Отсюда то произтекають качества его *непрелѣбныя* и случайныя. Отсюда тѣ особенныя средства, которыя доставляетъ Цѣснопѣвцу его творческое воображеніе: обыкновенныя, естественныя причины произшествій закрывать чрезвычайными, сверхъестественными, и даже иногда опдалаять настоящую историческую связь для того, чтобы читателя оставить въ поражающемъ недоумѣніи, все живо-творить, все переставлять, и смѣшивая въ необыкновенномъ порядкѣ, всему придавать прелесть чудеснаго: вездѣ показывать присутствіе божества дѣйствующаго и божества повѣствующаго.

Непрелѣбныя качества слога Эпическаго суть: ясность, точность, благородство, важность, сила, сладость, изящность, простота, легкость и гармонія

Книж. VIII.

Ж

слога. — Случайныя : великолѣпіе , стремительность и внезапность движеній , разительность картинъ , страсти , быетрота повѣствованія , описательная Поэзія , или живописующая гармонія звуковъ. — Нѣтъ нужды говорить о каждомъ изъ сихъ свойствъ слога : онѣ тебѣ очень извѣстны , какъ писателю и крипику ; и , кажется , довольно сохраненія сихъ эстетическихъ потребностей , чтобы слогъ Поэмы былъ ея достоинъ. Прибавимъ , если хочешь , другія къ тому качества , которыя произтекаютъ отъ характера самаго Писателя : его образъ мыслей и чувствовать имѣетъ вліяніе на слогъ ; его собственное участіе въ воспѣваемомъ предметѣ болѣе или менѣе исполняетъ жаромъ его повѣствованіе. Для Гомера Грека сладостно было говорить о Грекахъ своихъ , объ религіи своей и законахъ : Виргилій съ воспорженнымъ сердцемъ воспѣвалъ о возстановителѣ своего отечества ; Херасковъ благородный и чувствительный сынъ отечества упомалъ въ восторгахъ , прославляя его избавленіе .

Ясность, по моему мнѣнію, есть главная сила и душа убѣжденія во всѣхъ родахъ Словесности и особенно въ Поэмѣ. — Здѣсь она, можетъ быть, дѣло, болѣе пребывающее искусства, нежели въ какомъ другомъ; ибо конечно трудно быть яснымъ и вмѣстѣ великолѣпнымъ, разнообразнымъ, чудеснымъ и божественнымъ! — И такъ, мой другъ, ты не погнѣваешься, что я началъ опять яиць Леды. — Недоспашокъ ясности опіялъ очень много славы у Поэмы Лукана, и весьма многихъ Спихотворцевъ, одаренныхъ великими шалапшами, сдѣлалъ, такъ скажешь, при богатствѣ бѣдными: они шрудились, собирали; ихъ не читали; современники (не говорю о потомкахъ), замѣшивъ, опять чего ихъ неудача, вздумали ею воспользоваться: изъ той же муки печь свои хлѣбы, — и слава осталась за пекарями, а о хозяевахъ всѣ забыли. — И такъ стихотворная ясность слога — не пустое дѣло; ибо она основывается на соблюденіи безчисленныхъ опмощеній, и при томъ часто не въ дѣйств-

Ж 2

випельномъ мірѣ , намъ близкомъ , знакомъ , но въ вымышленномъ , чудесномъ , гдѣ и для тѣлѣ и для душѣ другая форма , другая мѣра и другой образъ дѣйствія , между тѣмъ какъ вѣчное , неизмѣняемое правило: *одна истина прекрасна* , остается въ полной своей силѣ. — При столь многихъ обстоятельствахъ , другъ мой , ты согласишься , что Писатель , чуждой темноты въ слогѣ , есть рѣдкое явленіе въ Литтературѣ всякаго языка , и особенно *младенчестеующаго* , не получившаго надлежащей своей образованности. Херасковъ — это явленіе для насъ! — онъ по сію пору еще остается образцовымъ въ семъ качествѣ Писателемъ. — Всѣ вообще его сочиненія , начиная съ мѣлкихъ , отъ Поэмы о *пользѣ наукъ* до важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ это свидѣтельствуютъ : даже примѣтна постепенность въ усовершенствованіи слога его , по годамъ издаваемыхъ , въ слѣдъ одно за другимъ , твореній ; изъ этого видно , сколь много о семъ предметѣ покая знаменитый Пѣснопѣвецъ. Скажемъ

мимоходомъ , что сіе же самое пицаніе, чрезъ мѣру разпространенное въ преклонныя лѣта его, произвело множество прибавокъ и исправленій въ Россіядѣ и Владимірѣ , которыя не весьма щасливы; онѣ ослабили быспроту, силу и живость движеній въ слогѣ. Такова судьба всѣхъ Писателей: искусство ихъ безпрестанно расщепъ и совершенствуется , особливо безпокойное заботливою и слишкомъ осторожною староспію; напрошивъ того Геній имѣетъ только два возраста: юность и мужество; онъ погасъ , и напитанное опытами искусство, какъ природа при удаленіи солнца, возбуждаеъ въ насъ самую правильноспію своею болѣе скорбныя, скучныя, нежели сладостныя и пріятныя чувствованія. — Съ такимъ почти чувствомъ читаемъ и послѣднія прибавленія и прибавки Хераскова; а потому и люблю я болѣе изданіе его двухъ Поэмъ въ двухъ большихъ Частяхъ, напечатанное въ Университетской Типографіи 1786 года. Оно появилось тогда , когда Геній его былъ въ надлежащей своей зрѣлости. —

Стихи Хераскова заключають въ себѣ почти всѣ качества, на которыхъ основывается ясность: непринужденность, свободу и чистоту; всѣ молодые Стихотворцы должны у него учиться этому искусству; кажется, стихи его тихо и плавно скатывались съ легкаго пера его сами собою, какъ вѣшній журчащій ручеекъ съ ровнаго наклона горы, ни крутой и ни пологой. Эта плавность въ стихахъ осталась его единственнѣмъ достоинствомъ; ни въ одномъ изъ новѣйшихъ Поэтовъ ее непримѣтно въ такой степени. Текучесть и свобода показываютъ, что писать исправно стихи для него было не трудное дѣло. Во всѣхъ Поэмахъ его молодости видно изобиліе въ перестановкахъ, въ сокращеніяхъ, въ несохраненіи ударенія, въ напянutomъ смѣщеніи словъ, во всемъ томъ, что слабые называютъ *licentia poetica*; Херасковъ одинъ изъ первыхъ, рожденный Стихотворцемъ, и совершенно обладающій своимъ языкомъ, выгналъ изъ Поэзіи сію невольную, бѣдную лиценцію, и доказалъ,

что истинный талантъ, обрабатывающій такой богатой языкъ, каковъ Россійской, можетъ обойтись безъ нее совершенно. — Чистота и правильность грамматическая также отдаетъ пальму сему Писателю. — Очень бы жаль было, если бы какой-нибудь охотникъ иностранецъ, обучаясь Рускому языку, вздумалъ для образованія себя въ слогъ схватиться за нѣкоторыя книги стихотворныя и прозаическія, вышедшія уже послѣ смерти Хераскова! — Горячка, блистающіе иностранными словами, иностранными оборотами и какимъ-то жеманствомъ въ слогъ, возникла предъ очами почтеннаго и скорбящаго Пѣснопѣвца уже въ послѣднихъ годахъ его жизни, и первая сѣмена свои разсыяла въ стихахъ и Журналахъ. Онъ не могъ остановить ее, но всегда жаловался, и новѣйшія произведенія называлъ обыкновенно уродами новой школы. — Какъ ученикъ Ломоносова, онъ умѣлъ соединять благозвучныя выраженія Славянскія съ числыми и употребительными только въ лучшихъ обществахъ

Россійскими выраженіями: онъ пользовался охотно тѣми сильными оборотами Славянскими, которые всегда, кромѣ собственной имъ новоспи, придають важность и величіе эпическое слогу; — и все сіе съ тою удивительною умѣренностію и скромностію, которая уничтожаетъ всякое различіе между двумя языками: дѣло прекрасное! — И ксташи скажемъ шеперь нѣсколько словъ о страстныхъ любителяхъ нашихъ Славянскаго. Во всякой другой піесѣ не у мѣста были бы такія отступленія; въ письмѣ все позволено: ибо оно есть — домашній разговоръ. — Послушай, другъ мой, что такое Славянской языкъ въ настоящемъ его положеніи. — Мертвой капиталъ, которымъ по всѣмъ правамъ долженъ пользоваться живой его наслѣдникъ, языкъ Россійской. — Но чтобы пользоваться капиталомъ, состоящимъ въ золотѣ особеннаго писменія, относящагося къ отдаленнѣйшему вѣку, что можно и должно дѣлать? — Можно и должно только одно: народъ, посреди котораго

эта монета была ходячая, въ первомъ видѣ шеперь не существуетъ; этошъ народъ праводецъ намъ; мы наследники, и опшискъ монетъ сихъ еще не совсѣмъ потерялъ къ себѣ наше довѣріе по сродству и существенной своей красотѣ. И такъ должно перенести его въ свою казнохранилельницу, и перемѣшивать по немногу съ своими монетами, такъ чѣобы время сполько изгладило наконецъ опшискъ древняго характера, что все бы наконецъ имѣло одинъ образъ и одну цѣну, и никто бы даже не подозрѣвалъ, что употребляетъ монету двухъ сродственныхъ народовъ, древняго и новаго; но чѣобы вѣрилъ, что употребляетъ одну свою собственную, ему въ насѣящемъ времени принадлежащую. Таковъ первый былъ ковачь — Ломоносовъ, искусно смѣшивающій Славянское золото съ Рускимъ; шаковы его послѣдователи, Херасковъ и другіе благомыслящіе Писатели, которые понимаютъ и чувствуютъ, что мертвое существованіе Славянскаго языка должно продолжиться до тѣхъ поръ, покуда не

сольется онъ совершенно съ Рускимъ ,
 что въ этомъ вся цѣль ихъ трудовъ ,
 и что всѣ особенныя установленія , даже
 со стороны попечительнаго Правительств-
 ва въ разсужденіи его, суть временныя , и
 что , чѣмъ скорѣе это время кончится ,
 то есть , чѣмъ скорѣе Славянской , какъ
 вспомогательной , перестанетъ совершен-
 но опдѣляться отъ Рускаго , тѣмъ луч-
 ше. Да проліется онъ единою великолѣп-
 ною рѣкою во славу имени Россовъ ! . . .
 Вотъ желаніе благомыслящихъ Папріо-
 товъ - Литераторовъ ! — Да и какую
 другую цѣль предполагаешь здѣсь можно? —
 Мы уже видимъ , что нечувствительно ,
 но много къ ней приблизились: въ самомъ
 обыкновенномъ разговорѣ употребляемъ
 Славянскія слова и не подозреваемъ , что
 онѣ Славянскія. Точно со временемъ будетъ ,
 что и языкъ церковной или книжной , и раз-
 говорной составятъ одинъ великолѣпной
 Славяно-Россійской ! — Обращимся къ Хе-
 раскову. Изъ предыдущаго видали мы , что
 онъ былъ достойный ученикъ своихъ Учи-
 телей. — Разкроемъ наугадъ что нибудь

изъ Поэмы, въ доказательство всего
вышесказаннаго; ибо сдѣлать обширныхъ
выписокъ не позволяеть мнѣ простран-
ство письма сего. На примѣръ изображе-
ніе Безбожія:

Есть бездна *темная*, куда не входитъ
свѣтъ;
Тамъ воѣхъ источникъ золь, безбожіе жи-
ветъ;
Оно *Стигійскими* окружено спруями,
Піетъ кипящій ядъ, питается змїями;
Простерли по его нахмуренну челу
Геенски помыслы — печали, горестъ иглу;
Опъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ оправою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ:
Устами алчными *коснется кто сему*,
Противно въ мірѣ все является тому;
Безбожіе войны въ *свѣтъ мірѣ производитъ*;
Рукой писателей, лишенныхъ свѣта во-
дитъ,
И ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Великъ имъ опрыгати хулы пропивъ
Творца;
Имѣя пламенникъ съ привѣспіемъ спрон-
ливимъ,
За щаспьемъ въ слѣдъ лепитъ, предыдетъ
нечеспивымъ;
Со знаменемъ предъ *нимъ* проавый хо-
дитъ бой:

Его изчадія: гоненье, страхъ, разбой;
 Свирѣпство мечъ остріи кругомъ его престола,

Ни рода не щадить, ни разума, ни пола;
 Колеблеть день и ночь ограду общихъ благъ;
 Оно безчинства другъ, народной пользы
 врагъ,

Среди нечестія между развратовъ скрыто;
 Но сѣя зло вездѣ, злодѣйствомъ ввѣкъ не
 сыто!

Пѣснь VII я.

Признаюсь; что это не совсѣмъ щасливое мѣсто, наугадъ раскрытое; но въ немъ точно все есть, о чемъ я говорилъ съ тобою досель: ясность, чистота, плавность и непринужденная легкость. Таковъ вообще стихотворный слогъ Хераскова. Надобно помнить, что я говорю здѣсь единственно о начальныхъ достоинствахъ слога. — Въ эпосѣ самомъ опрыскѣ ты видишь и погрѣшности, сосѣдственныя съ сими достоинствами. Желая быть слишкомъ ясны, бросаемся въ излишнія подробности; желая сохранять чистоту и исправность, дѣлаемъ свои стихи прозаическими и

слабыми. Ихъ означилъ я косыми
лишерами. — *Куда не входитъ свѣтъ*,
послѣ слова, *телина*, вставка. — *Безбо-*
жіе и *Стиксъ* несовмѣстность. И въ
многобожій сія адская рѣка ничего не
значила, кромѣ первой границы, отдѣля-
ющей живыхъ отъ мертвыхъ; и вѣро-
ятно, отъ сего - то произпекла она
ужасная клятва боговъ (*въ отноше-*
ніи къ смертнымъ) рѣкою Стиксомъ.
Желѣбетъ, не удачно. — *Устами алч-*
ными — *тому*, проза, самая обыкновен-
ная. *Производитъ*, не стихотворно. —
Слѣдующія два стиха относятся ко вре-
мени, въ которое писалъ Херасковъ, ког-
да Волтеры и его сообщники пригото-
вляли ужасную революцію, вставившую
даже и насъ, сыновъ Сѣвера, почувство-
вать всю кровожадную жестокость
Философскихъ умствованій. — *Ядомъ*
напоить каменные сердца: сомнитель-
но.

Сей отрывокъ показываетъ, что
слогъ Хераскова не могъ еще имѣть въ

надлежащей степени другихъ двухъ достоинствъ своихъ, разборчивости (elegance) и точности (precision), которыя суть поздний плодъ времени и опытности.

Разборчивость предполагаетъ чувство, инстинное, врожденное, и разумъ образованный, утонченный: два качества, составляющія то, что мы называемъ вкусомъ. Точность есть дѣло изученія Грамматическаго великое! Ее опредѣлить можно очень просто: это есть способъ, изъяснить вещь, словомъ или описаніемъ ни больше, ни меньше, какъ она есть, сохранивъ между тѣмъ и приличіе, предъ кѣмъ и когда ее изъясняю, и собственную мою цѣль, для чего ее изъясняю, или описываю. — Конечно, всякой найдетъ довольно погрѣшностей противъ сихъ качествъ слога въ предложенномъ опыркѣ; но между тѣмъ онъ не уничтожаетъ его достоинства. Отбросимъ настоящую относительную личность, и разберемъ новѣйшихъ Писа-

тпелой, даже изъ лучшихъ : не найдемъ ли
 того же, хотя они живутъ въ вѣкъ уже
 образованнѣйшемъ? Впрочемъ еще
 повшорю , что эщо мѣсно наугадъ взя-
 то изъ цѣлой книги ; недоспашки здѣсь
 описанныя рѣдки, — и можно спо мѣспъ
 представитъ такихъ, кошорыя убѣдяшъ
 чиншателя въ выгоду Хераскова , не смо-
 тря на то , что Гнѣ Совр. наблюдатель
 и десяти стиховъ хорошихъ найши въ
 немъ не могъ.

Я сказалъ , что между прочими до-
 стоинствами слога Хераскова можно оп-
 личитъ ровность, и она естъ благородство
 возвышенное , плодъ благородныхъ чув-
 ствованій и плодъ благородныхъ выраже-
 ній. Въ цѣлой Поэмѣ едва ли найдешся
 нѣсколько мѣспъ, кошорыя не сооп-
 вѣствуютъ сей почтенной ровности,
 не всегда въ подробностяхъ выдерживае-
 мой, но всегда познаваемой чувствитель-
 нымъ и благороднымъ сердцемъ. — Чшо
 дѣлать? —

Dormitat aliquando et bonus Homerus!

Но по увѣренію самыхъ знаменитѣйшихъ Ученыхъ, Гомеръ прежде себя имѣлъ весьма многихъ Пѣснопѣвцовъ, которые образовали для него языкъ, и утвердили уже правила Эпической Поэмы. Естьли Херасковъ имѣлъ образцы въ сихъ правилахъ (ибо онѣ однѣ для всѣхъ народовъ), то совершенно не имѣлъ образца для Эпического слога. — Еще повторю, Лирикъ-Ломоносовъ не могъ научить его въ этомъ: въ его стихотворныхъ описаніяхъ Спрѣлецкихъ бунтовъ есть такіа излишнія подробности и паденія, что онъ самъ бы ихъ не простилъ никому другому, и вѣроятно остались онѣ пошому только, что авторъ не успѣлъ ихъ выправить. —

Болѣе всего можно замѣтить сію ровность возвышенную въ описаніяхъ Владиміра и Россіяды, а въ прозѣ, особливо въ Кадмѣ и Гармоніи, въ Полидорѣ и въ Нумѣ Помпиліи. — Сіи прозаическія Поэмы, или стихотворные романы, и въ особенносги, Кадмъ и Гармонія по сію пору

единственны на языкъ нашемъ; но объ нихъ никто почти уже не знаетъ; всѣ увлечены, какъ я прежде сказалъ, новостями. — Слогъ ихъ можно, не обинуясь, назвать вообще образцовымъ, въ полномъ смыслѣ сего слова: обильной, чистой, величественной и гармонической! — Можетъ быть, однообразной ямбъ намъ уже наскучилъ; и я признаюсь себѣ, что гармоническая проза Ломоносова въ рѣчахъ и проза Хераскова въ Кадмѣ и Гармоніи искусственнымъ періодическимъ печеніемъ разположенная, сохраняющая вездѣ шакъ называемый *numerus aratorum*, услаждаетъ слухъ мой гораздо болѣе, нежели ихъ ямбы, одинаково падающіе, и продолжающіеся чрезъ нѣсколько тысячъ стиховъ сряду. Древніе въ своихъ Трагедіяхъ ямбы употребляли только тамъ, гдѣ слѣдовалъ рассказъ, или по нынѣшнему речитативъ; послѣ потчасъ смѣняли ихъ другія стопы быспрѣйшія, или разнообразнѣйшія, смотря по матеріи и по движенію чувствъ. Желательно очень,

Книж. VIII.

3

чтобы усовершенствовали съ этой стороны механическую часть нашей Поэзии, не мечтая однако о Гомеровыхъ и Виргиліевыхъ гексаметрахъ, на количествѣ шемповъ основанныхъ: ибо они, кажется, совершенно не возможны по природѣ нашего и всякаго вѣнѣшняго Еврпейскаго языка, въ которомъ каждое слово имѣетъ определенное свое удареніе, или *качество*. — Согласенъ я, что при всемъ томъ у насъ чисныхъ ямбовъ нѣтъ; ибо почти всегда слово, состоящее изъ четырехъ и пяти слоговъ, имѣетъ между ними одно удареніе; и мы его *улаживаемъ*, *invitata natura*, въ ямбы: за то въ большемъ, или меньшемъ умѣнѣ, соединятъ такіа длинныя слова съ короткими, заключается все таинство гармоніи нашихъ ямбовъ; отсюда только и происходитъ ихъ быстрота и медленность, представляющая быстроту или медленность чувствованій: искусство немногими Стихотворцами постигаемое, и все то, что отъ слишкомъ *степеннаго* ямба ожидать можно. Разсмотримъ еще

нѣсколько стиховъ Хераскова, относительно къ искусству описаній, сравненій стихошворныхъ и гармоніи, о которой теперь говоримъ, но — уже поздно; письмо мое не поспѣетъ на почту. Чпо дѣлать! — до слѣдующаго разу! Тогда побесѣдуемъ съ тобой, любезный мой Патріотъ-Филологъ, о качествахъ слога, которыя мы называли случайными. Прощай.

Р. С. Ты меня чрезвычайно одолжилъ присылкою Димитрія Донскаго. — Здѣсь этой книги нѣтъ совершенно. Читаю съ особеннымъ удовольствіемъ, и, можетъ быть, сообщу нѣкоторыя свои мысли о сей Трагедіи въ будущемъ же письмѣ.

Мрзкеѡ.

Москва
Августа 22.
1815.

Конецъ VIII книжки.

AMEFION

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

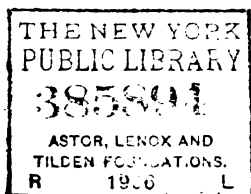
~~~~~  
С Е Н Т Я Б Р Ъ .  
~~~~~


М О С К В А .

Въ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф и и .

1815.

**Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
отпечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Октября
25 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Дзигубскій.**

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

I.	Ошрывокъ. Изъ Волшеровой трагедіи : Меропа.	- - -	1
II.	Явленія ночи.	- - -	17
III.	Безсмертный духъ.	-	21
IV.	Мертвый къ живому.	-	25
V.	Сонъ.	- - - -	28
VI.	Осторожный Шахъ. (сказка)		29
VII.	Соңешъ.	- - - -	30
VIII.	Баснь. Плющъ и дикая Роза.		31
IX.	Ночь.	- - - -	32
X.	Пѣснь Лапландца.	- -	34
XI.	Свѣтъ. Аллегорія.	- -	36

Оглавленіе.

Стран.

XII. О воспитаніи дѣвицъ. Письмо. 40

XIII. Россіяда. Письмо къ другу.

О словѣ. Окончаніе. - - 49

I.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Изъ Волтеровой трагедіи: МЕРОПА.

(Дѣйствіе третье.)

Я В Л Е Н І Е Іе.

НАРБАСЪ И ИСМЕНА (*наперсница
Меропы вдали театра при гробницѣ
Кресфонта*).

Н а р б а с ъ.

. !

Предъ кѣмъ открыться здѣсь! — вопище ищу
друзей,

Ктобъ могъ меня теперь представить
тайно къ ней;

Ахъ, никого мой взоръ померкшій не срѣ-
таешь!

У гроба, мнился мнѣ, жена въ слезахъ сте-
наешь

Вездѣ печальные! — увы! знаешь сей чер-
тогъ

Обителью избралъ свирѣпый гнѣва богъ!..

Книж. IX.

А

Я В Л Е Н І Е П е.

НАРБАСЪ, ИСМЕНА

И с м е н а.

Кто незнакомецъ сей! — какое дерзновенье!
 Царицы-ль возмущаешь теперь уединенье?
 Иль опъ пирана онъ къ намъ присланъ при-
 мѣчать,

И вздохи тяжкіе несчастливыхъ щитаешь?

Н а р б а с ъ.

Ахъ! кпобъ ты ни была, почувствуй со-
 жалѣнье;
 Несчастный предъ тобой: подай мнѣ утѣ-
 шенье,
 Къ Царицѣ доведи; могу полезнымъ быть.

И с м е н а.

Какой ты часъ избралъ съ Царицей гово-
 рить!

О спранникъ! удержи усердіе докучно,
 Не умножай тоски Меропы злополучной.
 Иди отсель скорѣй

Н а р б а с ъ.

Для праведныхъ небесъ,
 Не отвергай меня — не презирай сихъ слезъ!
 Ахъ итъ! не спранникъ я — не чуждый
 я въ столицѣ;
 И естли предана несчастной ты Царицѣ,
 То вѣдай, сердцемъ ей не меньше преданъ я,
 И бѣдствами ея скорбитъ душа моя.

Скажи, чей вижу гробъ, надъ коимъ ты
спенала,
И горькими въ сей часъ слезами орошала?

И с м е н а.

Причина вѣчныхъ слезъ супругъ и рабамъ,
Въ семь гробъ положень подобный Царь бо-
гамъ,
Кресфонтъ

Н а р б а с ъ.

Мой Царь! — О прахъ, достойный по-
клоненья!

И с м е н а.

Меропа болѣе достойна сожалѣнья.

Н а р б а с ъ.

Какими карами еще ей рокъ грозить?...

И с м е н а.

Ударъ ужаснѣйшій! — послѣднй сынъ
убить.

Н а р б а с ъ.

Эгистъ! — О небеса! жестокая судь-
бина!

И с м е н а.

Уже извѣстна всѣмъ Царевича кончина:

Н а р б а с ъ.

Эгистъ? — Эгиста нѣтъ! —

И с м е н а.

У самыхъ градскихъ стѣнъ
Рукою тайнаго злодѣя онъ сражень.

Н а р б а с ь .

Ахъ! я предчувствовала! — я предрекала, несчастный!...

Старанья тщетныя! — Усилия напрасны!...
Но, нѣтъ, — правдивъ ли слухъ?...

И с м е н а .

Увы! сомнѣній нѣтъ.

Эгистъ покинулъ мать, оставилъ грустный свѣтъ.

Оспрадное, какъ сонъ, исчезнуло сомнѣнье...

Н а р б а с ь .

Се, плодъ моихъ трудовъ!....

И с м е н а .

Меропа, въ изступленье,
Зовешь всечасно смерть, забыла страхъ къ
богамъ:

Единый сынъ ея является очамъ!

Распорглись узы всѣ съ симъ міромъ для
злосчастной:

Но прежде совершивъ обѣтъ рѣшилась
спрашной;

Убийцы кровь она своей рукой прольетъ,
При гробѣ семъ его на жертву принесетъ.
Чтя матери поску, Царь мещетъ ей дозво-
ляетъ,

И стража грозная убійцу окружаетъ;
Сей часъ его сюда въ оковахъ приведутъ,
И крови гнусныя пощоки пошекутъ.

Желанье матери, чтобы ей печали
Здѣсь взоры чуждые и хладны не смущали.

Н а р б а с ь.

И для чего же мнѣ, желать Царицу
зрѣть!
При гробѣ семь теперь осталось умереть.

Я В Л Е Н І Е IIIe.

И С М Е Н А (одна).

Сей спарець, можетъ быть, сокрытый
другъ Кресфонта? —
Онъ плачетъ, не спрашась и злобы Поли-
фонта;
Онъ плачетъ, — а льстецы, забывши чести
путь,
Не смѣютъ у Царя на гробѣ воздохнуть . . .
Его участіе сердечное и сильно . . .
Нѣтъ! состраданіе не льетъ слезъ столь
обильно . . .
Къ Эгиспу чувствва онъ отечески явилъ;
Пойдемъ за нимъ; — пусть онъ . . . увѣ! что
зрю! нѣтъ силъ . . .

Я В Л Е Н І Е IVe.

МЕРОПА, ИСМЕНА, ЭВРИКЛЕСЬ, и ЭГИСТЪ
(въ цѣляхъ), спража, жрецы.

М е р о л а.

Влекище изверга, влеките на тер-
занья, —

Адъ! — муки вымысли, достойны злодѣянья!
Но что жесточе мукъ собствѣнныхъ моихъ!...

Э г и с т ъ.

Я дорого плачу за миѣ щедротъ твоихъ,
Всесильный! Ты одинъ невинныхъ покро-
вишь!

Э в р и к л е с ъ.

До смерти назови сообщниковъ, губишь!

М е р о л а.

Скажи, злодѣй! скажи, кто пигра на-
училъ,
Чтобъ страшное сіе злодѣйство онъ свер-
шилъ,

И что я сдѣлала тебѣ! . . .

Э г и с т ъ.

Клянусь богами,

Что лжи я не вѣщаль ни сердцемъ, ни ушами;
Едину истину я предъ тобой открылъ,
И мыслить, что твой гнѣвъ на милость
премѣнилъ.

Ты милующу длань простерла надо мною;

Но что премѣнѣ сей незапною виною?
 И чью въ невѣдѣннѣи я пролилъ славу кровь?
 О комъ душой скорбишь? — къ кому сія
 любовь?

М е р о л а.

Къ кому любовь! — злодѣй!

Э г и с т ъ.

Увы! ея ланипы

Зрю смертной блѣдностью, спраданіемъ
 покрывы.

Какъ мучусь я! вѣщай! Всей кро-
 вю моей

Желалъ бы искупить поску души твоей.

М е р о л а.

О извергъ! до чего довель онъ ухищреніе!
 Онъ опіялъ жизнь мою, и кажетъ сожалѣнье!
 (Бросается въ руки къ Исменѣ.)

Э в р и к л е с ъ.

Царица! казнь надъ нимъ достойную
 свершай,
 За Царственную кровь, за сына опомщай.

Э г и с т ъ.

Иль при дворахъ Царей такъ правду
 соблюдаютъ,
 Вдругъ призрѣяшъ, оградяшъ, возвысяшъ, и
 карающъ!

Почто оставилъ я тебя, родимый лѣсъ?
 Родители мои! не осушать вамъ слезъ!
 О маперъ! ты на вѣкъ уже осиротѣешь!...
 Ты предвѣщала мнѣ. . . .

М е р о л а.

Злодѣй! ты мать имѣешь.
 Ахъ! безъ тебя, и я, я маперьюбъ была.
 Ты сына опнялъ. . . .

Э г и с т ъ.

Какъ? я, я свершилъ зла? . . .
 Ахъ, естли онъ пвой сынъ — ты зришь меня
 безсловна ;

Не виненъ сердцемъ я, рука моя виновна.
 Но грозны небеса въ свидѣтели даю,
 Что опдалъ за негобъ теперь я жизнь мою.

М е р о л а.

Ты, извергъ, сей доспѣхъ совлекъ рукой кро-
 вавой.

*(Показывая на стоящее у гроба
 всеоружіе).*

Э г и с т ъ.

Онъ былъ на мнѣ. . . .

М е р о л а.

Какъ! что! . . .

Э г и с т ъ.

Клянусь самой побойю,
 Сииъ сыномъ, мапери утѣхою драгою,

Безцѣнный сей доспѣхъ мнѣ даль родителея
мой.

М е р о л а.

Въ Эвмидѣ? — твоя отецъ? — Какъ сердце
замираетъ!

Кто твоя отецъ? — вѣдай. . . .

Э г и с т ѣ.

Уже Царица знаетъ.

Отецъ мой Поликлетъ.

М е р о л а.

Ты духъ перзаешь мой! . . .

Какимъ сомнѣньемъ я, и жалостью какой
Поспѣдною мянусь! . . . пойдемъ, накажемъ
злобу,

Влекуще изверга къ сему священну гробу —
(*Поднимая кинжалъ,*)

Тѣнь сына моего! сей мапери рукой! . . .

~~~~~
Я В Л Е Н І Е У е.

Тѣ же и НАРБАСЪ (*послѣшно обвѣая*).

Н а р б а с ѣ.

Царица, удержишь!

М е р о л а.

Чей гласъ! . . .

Н а р б а с ь.

Молю! . . . . . Постой!

(Поднявъ руки къ небу)

Назвать . . . и погубить! . . . невинныхъ

Покровитель,

Спаси! . . . . .

М е р о л а.

Умри злодѣй!

Н а р б а с ь.

Постой!

Э г и с т ь (обратя очи къ Нарбасу),

О мой родитель!

М е р о л а.

Его отецъ!

Э г и с т ь.

Почто, почто сюда спѣшилъ?

Или, чѣмъ опчій взоръ въ гробъ сына про-
водилъ?

Н а р б а с ь.

Царица! возпрети коварству совершиться...

О вѣрный Эвриклесъ! да жертва удалился,

Внемли (говоритъ ему на ухо)!

Э в р и к л е с ь.

О небеса! (уводитъ Эгиста).

М е р о л а.

Страхъ чувства оковаль! —

(Нарбасу)

За сына мстила я . . . .

Н а р б а с ь (бросаясь передъ нею
на колѣни).

Твой сынъ сраженъ бы палъ.

Эгиспъ! . . .

М е р о л а (выпустивъ изъ рукъ
кинжалъ).

Вѣщай! . . . . Эгиспъ. . . .

Н а р б а с ь.

Злощаспная Царица!

Едва не спала ты шеперь сыноубійца:

То самъ Эгиспъ. . . .

М е р о л а.

Эгиспъ!

Н а р б а с ь.

То сынъ нещаспный пвой,

М е р о л а.

Заспыла кровь! (улаждаетъ въ руки *Ис-*
мены).

И с м е н а.

О рокъ!

Н а р б а с ь.

Смяшеніе сокрой!

Она безъ чувствъ! — увы! сіе души вол-
ненье,

Опчаяніе, спрахъ, и сладко восхищенье

Опнимупъ жизнь ея, копору скорби спонъ,

Гоненіе давно . . . .

Мерола (приходя въ себя).

Нарбась! . . . нѣль шо былъ сонъ? . . .
Нарбась! . . . гдѣжъ сынъ? почто, почто
онъ не со мною? . . .

Нарбась.

Скрой нѣжность, и владѣй скупленною душою;
(Исмень)

Ты таинство сіе на вѣкъ въ груди сокрой;
Царицы швоея въ немъ заключень покой.

Мерола.

Какая намъ еще опасность угрожаетъ!
Какой мнѣ люшый богъ зрѣшь сына запре-
щаетъ!
За тѣмъ ли возвращень, чшобъ болѣе кру-
шишь?

Нарбась.

Ты, не узнавъ его, хопѣла умертвить;
Теперь познавъ, увы! погубишь неизбѣжно,
Коль нашъ приходъ сюда не скроешь ты
надежно.
Гласъ сердца да молчишь! — припворствуй
и крѣпись;
Злодѣй на тронѣ здѣсь; безмощна ты;
спрашись! . . . .

Я В Л Е Н І Е VІе.

Те же и ЭВРИКЛЕСЬ.

Э в р и к л е с ь.

Царица! — воины свирѣпые схватили ...

М е р о л а.

Кого ?

Э в р и к л е с ь.

Нещастнаго, что къ смерти осудили.

*М е р о л а (быстро).*Узнай, нещастный, поплѣ . . . . онъ сынъ
мой! сынъ Царей!Онъ гибнетъ! погубимъ, друзья, на пѣму
смертей!

За мною всѣ! . . . .

Н а р б а с ь.

Постой!

М е р о л а.

Эгиспа увлекаютъ,

Куда! — за чемъ! — меня!... ахъ, мать
остановляютъ!

Какъ сына опнимаютъ! . . .

Э в р и к л е с ь.

Когда рѣшишься мспитъ ?

Вѣщаютъ: Царь его желаетъ спросить.

М е р о л а.

Кого! — о чемъ! — его извѣстна ли порода?

Эвриклесъ.

То тайна для Царя и для всего народа.

Меропа.

Пойдемъ, молишь Царя за сына моего!

Нарбасъ.

Моли однихъ боговъ, и бойся лишь его.

Эвриклесъ.

Когда Эгистъ Царю наводитъ тѣнь со-
мнѣнья,

Твой съ Полифонпомъ бракъ — залогъ его
спасенья.

Коль васъ у алшаря узлъ вѣчный сопря-
жетъ;

То сына пвоего своимъ онъ наречетъ.

Пускай боязнью вѣкъ душа его мящется;

Эгиста пощадишь, коль съ матерью спря-
жется.

Нарбасъ.

Онъ вступишь въ бракъ съ побой!... не
обманулся-ль слухъ?...

Меропа.

Ахъ! неизвѣстностью терзается мой духъ!

Иду. . . .

Нарбасъ (останавливая ее):

Ты не пойдешь, несчастная Царица,

Ты брака не свершишь! — смотри: сія гроб-
ница. . .

Э в р и к л е с ѣ.

Народомъ рѣшено, чѣмъ онъ супругъ ей
былъ,

Онъ за Царя отмститъ. . . .

Н а р б а с ѣ.

Онъ самъ его убилъ!

М е р о л а.

Сей извергъ! . . .

Н а р б а с ѣ.

Онъ! — онъ самъ! — его, его руками;
Въ черпogaхъ сихъ сраженъ Кресфонтъ съ
двумя сынами.

Я видѣлъ, какъ пронзилъ Царя онъ моего,
Я видѣлъ кровь на немъ супруга моего.

М е р о л а.

О боги! . . .

Н а р б а с ѣ.

Трупамъ повсюду окруженный,
Въ злодѣйствахъ плавалъ сей убійца по-
таенный:

Притворствомъ онъ себя, какъ пучей, обло-
жилъ,

Черпogi Царски самъ злодѣямъ отворилъ.

Онъ воспалилъ пожаръ, онъ началъ умерщ-
вленъ,

И посреди убійствъ, разбоя, разхищенъ,

Въ крови своихъ Царей — разбой погасилъ,

Въ убійцѣ Царскомъ всѣмъ ихъ мстителея
явилъ.

Тебя — тебя я зрѣлъ , безъ чувствъ между
пѣлами ;

И изъязвленный самъ , сокрытыми пупями,
Увлекъ опъ гибели Эгиспа пвоего ;

Рокъ милосердовалъ къ невинности его.

Шеспнадцатъ лѣтъ я съ нимъ изъ края въ
край скипался ,

Чшобъ скрыпъ его , чужимъ я именемъ на-
звался ;

Увы ! теперь , опъявъ надъ нимъ вися-
щій ножъ ,

Царемъ злодѣя зрю ! . . . и ты съ нимъ въ
бракъ идѣшь ! . . . .

М е р о л а .

Вѣщанье спрашное всю кровь оспановляетъ !

Э в р и к л е с ъ .

Идутъ ! . . .

М е р о л а .

О небеса ! . . .

Э в р и к л е с ъ .

Се ! Полифонтъ вступаешь.

Ивановъ.

II.

Я В Л Е Н І Я Н О Ч И.

Уже сокрылось дня свѣпило

За темныя вершины горъ ;

Румяной полосой въ послѣдни озарило

Рѣку ; долину, холмъ, поля, дремучій боръ ;

Его прощальный лучъ по Западу разлился,

И въ пурпурныхъ спруяхъ на небѣ отра-
зился.

И, се! ужь пламенный блѣднѣетъ небо-
склонъ ,

И темной синевой подернутъ сводъ небес-
ный.

Величественна Ночь взошла на мрачный
процъ ,

Покровъ разкинувъ звѣздный.

Изъ за - чернѣющихъ пучъ

Луна печальный ликъ повременно являетъ ,

И въ доли и лѣса дрожащій мечетъ лучъ ;

Въ кристаллѣ чистыхъ водъ его изобра-
жаетъ.

Тамъ тихо межъ береговъ рѣка спруи влечетъ ;

Надъ ней, какъ море, мгла шуманна,

Далече по лугамъ распланна ,

На землю влажный паръ лѣетъ ;

А тамъ утесы надъ рѣкою

Одѣты ужасомъ стоятъ ;

К н и ж . IX.

Б

Омыты стопы ихъ волною ,
И грозны ихъ верхи надъ быстриной висятъ.
Тамъ длинны горъ ряды доль, темный раз-
дѣляетъ ;
Ихъ чела мрачныя унылый боръ вѣнчаетъ ;
На черной ели тамъ сидитъ угрюмый
врань,

И изрѣдка его крикъ эхъ разглашаетъ,

Сова ему спенаньемъ опыѣчаетъ,
На мшистый возлепѣвъ курганъ; —
И тихо все; безмолвны доли,
И смолкъ шумъ рощъ, и горы спятъ,
Поля унылы, мрачны волны,
И дремлющи скалы споятъ.

Спипъ все пвореніе, и минуль часъ пол-
ночи.

Во красоты сіи вперя душевны очи ,
И мыслями спремась за дальный звѣздный
                                                кровь ,

Къ Звѣдѣнелю надъ мной капающихъ мі-
ровъ,

Въ восторгѣ я вознесъ свой голосъ дерзновенной :

Творецъ невидимый безчисленныхъ чудесъ,

Сколь ясно зрю Тебя въ природѣ усыплен-
ной!

Въ топль часъ, какъ пламень сводъ
небесъ,

И полночь мрачная низходитъ на дубравы,
 Тебя повѣдають, и мѣсяць величавый,
 Спряжій помный лучъ сквозь легки облака,
 И сонмомъ свѣплыхъ сферъ усѣянна дуга,
 Чѣмъ препоясалъ Ты всеильною рукою
 Громаду воздуха, носящусь надъ землёю!
 Тамъ влага спелелась парами надъ рѣкой:
 Не сели ейимамъ хвалы къ Тебѣ парящій?

Густой покрышы тѣмой

И гордые верхи надъ безднами вносящи,
 Скалы безмолвныя Творца чудесь гласящъ!
 Тамъ рощи, скованны ношною дремою,
 И мрачный боръ своей ужасной пиши-
 ною

Тебя благовѣстятъ!

Вѣщаютъ о Тебѣ и темныя долины,
 И возвышенныхъ горъ накупленны вершины,
 И кроюща луговъ зеленый бархатъ мгла,
 И длинна тѣнь холмовъ, по долу разши-
 ренна,

И дебрь безмолвна, и поля,
 И степь, во грозный сумракъ облеченна.
 Молчащихъ пварей хоръ, слѣянный во хвалу,
 Гремилъ къ престолу Твоему!

Великъ, гласящъ, великъ премудрый нашъ
 Знждишель,
 Морей, земли, небесъ всемошный Номе-
 лишель!

Речешъ — и солнце гонитъ тьму —
 И свѣтъ со теплою сопутствуютъ ему.
 Велишь — и скрылось все, и мгла низходитъ
 ночи,

И дивну цѣпь чудесь зрящъ смертныхъ
 слабы очи,

Которой каждое звено печать чудесь
 И громогласная хвала Творцу небесъ.

Пусть придетъ ашеистъ со мною,
 Въ томъ часъ шоржесивенный, какъ пварь
 одѣта тьмой,

Природы мрачною плѣняясь красотою;
 Онъ смолкнетъ предъ ея священной хвалою,

И прелестямъ дивясь творенья,
 Отвергнетъ прежнихъ мыслей тьму,
 И благодарнаго исполненъ восхищенья,
 Съ слезою посвяпитъ хвалебный гимнъ Ему.

Но се! — и ночь покровъ свой мед-
 ленно снимаетъ,

И звѣздъ спалъ блѣдень зракъ,
 Луна на Западѣ ликъ тусклый чупъ являетъ,
 И легкій ошблескъ зарь погналъ съ природы
 мракъ:

Поля, долины, холмъ, дубравы озарились,
 Дыханьемъ упреннымъ всѣ пвари оживи-
 лись;

Явспалъ, и во свое жилище вшедъ, Творцу
 Еще принесъ благодаренье,

Какъ нѣжный сынъ нѣжнѣйшему Отцу,
За блага, кои Онъ далъ смертнымъ въ на-
слаждение! . . . . .

Петръ Новиковъ.

III.

БЕЗСМЕРТНЫЙ ДУХЪ.

Вскипѣла вдругъ кровава брань:
Смерть люта жало изощраепъ,
И пвердая Героя длань
На подвигъ мышцы укрѣпляетъ;
Въ очахъ его горитъ огонь,
Біяся сердце пламенѣетъ: —
Гдѣ ужась, злоба, тмы препонъ? —
Лепишь пуда, и — кто посмѣетъ
Его измѣрить крѣпость силъ?

Блескъ молнии — его естъ мечъ: —
Падуть, какъ класы поаленны,
Среди свирѣпыхъ бивъ и сѣчь
Враги, рукой сей пораженны. —
Ни лести, ни зависти не спрашна;
Обманы, ковы погибають,
Всѣмъ правда, мощь его видна;
Безсмертныя лавры украшаютъ
Чело его побѣдъ вѣнцомъ.

Но, ахъ! — средъ подвига онъ палъ: —
 Не бойтесь! — живъ! мы зримъ донскаго;
 Въ немъ Игорь снова намъ предсталъ,
 Въ немъ зримъ Эмилія другаго. —
 Ему побѣдна пѣснь гремитъ,
 Его примѣръ одушевляетъ,
 Героевъ новыхъ онъ рождаетъ,
 И — фениксъ древнихъ оживаетъ,
 Который прахъ его почтитъ.

Понесъ ли онъ клеветъ яремъ
 И злобы черной изкушенье,
 По трудномъ рабованьи семъ,
 Онъ въ сердцѣ найдетъ утѣшенье:
 Въ убогой хижинѣ своей,
 Единый спранный жезлъ имѣя,
 Безъ копій, грозныхъ и мечей,
 Въ потомствѣ посрамитъ злодѣя: —
 Незсмертный въ немъ живетъ Ка-
 милъ.

Падетъ ли онъ въ поносный плѣнъ,
 Онъ о сподвижникахъ жалѣетъ:
 Въ немъ Регуль снова оживленъ; —
 Забывши цѣпи, пламенѣетъ
 Одно опечеснво спасаетъ. —
 Онъ смерть и бѣдства презираетъ;

Врагу совѣтъ иль помощь дасть
 Единымъ бѣдствомъ поспавляетъ,
 И — въ смерти зримъ ему вѣнецъ.

Восмущенный духъ! — тебѣ нѣтъ бѣдъ,
 Тебѣ нѣтъ смерти, разрушенья!
 Ты славы сынъ, единъ предметъ
 Воспорговъ міра, удивленья.
 Ты съ міромъ созданъ, съ нимъ живешь,
 Ты веси, грады воскрешаешь,
 Личину дерзку съ злобы рвешь,
 Единъ, единъ пѣя вѣкъ сіяешь
 Чистѣйшей свѣта лѣпоной.

Тамъ Мининъ къ гражданамъ речетъ,
 Тобою къ славѣ окриленный:
 Кто кровь намъ Царскую спасетъ? —
 На что мешалъ, богачства бренны,
 Коля жертвой намъ Сарматовъ быть? —
 Изрчимъ Героя мы другаго: —
 Пожарской ихъ въ Москвѣ разить;
 Молишва Паспыря святаго
 Къ Пресполю вышню вознеслась.

Возспалъ злодѣй Наполеонъ: —
 Духъ бранный Россювъ возвышаетъ; —

Коварства, лести полонъ онъ,
 И грудь Россъ твердо ополчаешъ.
 Врага Купузовъ поразишь,
 И врагъ — вселенной посрамленъ! —
 Наполеонъ съ главы сронилъ
 Кровавыхъ лавровъ украшенъ, —
 И съ славой спарецъ опочилъ. —

❖

Тиранъ, унынемъ пораженъ,
 Еще возвращаетъ мысль строптиву;
 Онъ злобой, местью вооруженъ;
 Но сильный Россъ главу кичливу
 На Эльбскихъ берегахъ разилъ. —
 Къ врагу кипятъ Германцы мщенемъ,
 Въ ихъ сердцахъ къ славѣ огонь горитъ,
 Въ убитомъ сердцахъ обольщенемъ! —
 Се! Россъ Геройство вновь родитъ.

❖

Коль мудро міръ сей сотворенъ! —
 Въ немъ добрымъ благо обихаетъ;
 Наказанъ злой и посрамленъ; —
 Зло мигъ живетъ и умираетъ!
 Ни прокъ, ни слава не хранятъ
 Коварнаго отъ изпязанья;
 Въ вѣкахъ, прямыхъ Героевъ чтятъ,
 А извергъ — жертва золь, терзанья;
 Презрѣнъ, срамъ ему удѣль.

IV.

МЕРТВЫЙ КЪ ЖИВОМУ

Сажень земли — мое спяжанье,
 И пѣсенъ молчаливый домъ,
 И ненасытное желанье
 Усыплено подъ симъ холмомъ; —
 И спитъ спраданье и веселье,
 И тихо все въ угрюмой кельѣ.

Прохожій! жизни сей спезями,
 Какъ ты, и я подобно тебѣ,
 И я кропиль свой путь слезами,
 И я въ мечтахъ провелъ свой вѣкъ,
 И для меня съ улыбкой щасье
 Смѣняло изрѣдка ненастье.

Я тебѣ — и цѣль передъ очами
 Еще мелькала вдалекѣ;
 Я быспрыми спѣшилъ спопами; —
 Но смерти въ гибельной рукѣ
 Коса сверкнула — и могила
 Мое стремление прекратила!

Герой, побѣдой вознесенный,
 Чье имя, какъ небесной громъ,

И богъ земной, и рабъ презрѣнный,
 Всѣ лягутъ въ молчаливый домъ;
 Изчезнетъ блескъ, какъ свѣтъ зарницы,
 И гордыя падутъ гробницы.

Конецъ могущества и славы,
 Послѣдній пышности предѣлъ!
 Что здѣсь вѣнецъ, что мечъ кровавый,
 И что здѣсь опкликъ громкихъ дѣлъ?
 Хвала не пронетъ спящихъ слуха,
 И гимнъ до ихъ не дойдетъ уха.

Дитя забудется игрою,
 Примчится вслѣдъ за мопылькомъ,
 И съ камня слабою рукою
 Гордящійся сполкнетъ шеломя,
 Покашнѣвъ, взглянетъ и оставитъ,
 И рѣзво вдаль шаги направитъ.

О вы, хвисящєсь познаниємъ,
 Умомъ, искусствомъ, оспрошой!
 Не увлекайтесь мечтаньемъ,
 Не ослѣпляйтесь суетой!
 Я мыслилъ, разсуждалъ, шудился: —
 Но ахъ! сырою мглой покрывся.

И мой смущали взоръ печали ;
 Воспора пламень въ немъ свѣплѣлъ ,
 Любовью перси препетали ,
 И въ сердцѣ дружбы огонь горѣлъ ; —
 Онъ погасли , охладѣли ;
 Надъ ними пѣнь надгробной ели !

Взирай на сей , прохожій , камень ,
 Подъ нимъ мой мирный плѣетъ прахъ , —
 Взирай ! — и твоей поухнетъ пламень :
 Тебѣ ко мнѣ единый шагъ ;
 Вотъ гробъ , изрытый подъ ногою , —
 Онъ ждетъ , сомкнувшись надъ побою .

О пилигримъ ! здѣсь край отчизны ;
 Учись , учися умирать !
 Блаженъ , кто , путь свершая жизни ,
 Не престае на смерть взирать :
 Онъ плѣнье сотрясетъ могилы ,
 Какъ юный фениксъ златокрылый !

Вильгельмъ.

V.

С О Н Ъ.

Въ тихой рощѣ, до денницы,
 Задремалъ легонько я,
 Вопъ съ жемчужной колесницы
 Порхъ дыпя передъ меня.
 Легки спрѣлы за плечами,
 Яркій пламенникъ въ рукахъ,
 Въ кудряхъ золото спруями,
 Въ голубыхъ огонь очахъ.
 — „Пожелай — лишь осторожно,
 Все исполню неопложно,
 Все исполню, мой пѣвецъ!“
 Такъ сказалъ мнѣ богъ сердець.
 „Миръ давно мое подданство,
 Я, малюпка — царь земли! . . . .
 — „Хлоъ, Хлоъ *постоянство*
Богъ Пафоса, ты пошли!“ —
 Сынъ Киприды улыбнулся,
 Разсмѣялся; — я проснулся . . . .
 Мѣсяць блѣдный догораль,
 Погасали звѣзды неба,
 И предшественницу Феба
 Токъ спокойный отражалъ.

В. Оливъ.

VI.

ОСТОРОЖНЫЙ ШАХЪ.

С к а з к а .

Одинъ Персидскій Шахъ

Собаками звѣрей правилъ въ своихъ лѣсахъ,
И наконецъ трудомъ и зноемъ упомянныи,

Съ коня едва сошелъ ,

Подъ кедромъ сѣлъ ,

Толпой придворныхъ окруженный.

Но какъ по близости шупъ не было воды ,

То , средъ такой бѣды ,

И всѣ , и каждый ,

Для уполенья жажды ,

Заѣхавъ въ ближнїи садъ даюшъ совѣтъ

Царю .

„Въ чужой?“ сказалъ Монархъ; нѣтъ, нѣтъ,
благодарю.

„Хозяинъ опъ меня не приметъ вѣрно
плашы ;

„А еспъли даромъ сѣмъ хопя зерно гранаты,

„То Визири мои назапрежъ цѣлый садъ

Съ деревьями сѣдятъ.“ —

В. Олинъ.

VII.

С О Н Е Т Ъ.

Такъ ! милыя моею я слышу райско пѣнье!
 Гитара стройная въ рукахъ ея звучитъ,
 И каждая струна мнѣ лагубой звенитъ!
 По чувствамъ тайное лѣтся восхищенье!

*

Какое страшное и сладкое мученье ! . . .
 Огонь съ ея очей мнѣ прямо въ грудь ле-
 пится : —
 Пылаешь сердце, кровь волнуется, ки-
 пится . . . .
 Куда сокрыться ? гдѣ, ахъ ! гдѣ найши спа-
 сенье ? —

*

Нешастный ! поспѣшай ! бѣги, бѣги тѣхъ
 мѣстъ,
 Которыя твол Эглей посѣщаетъ !
 Спрашися и однимъ съ ней воздухомъ ды-
 шать ! . . .

*

Напрасно все ! — Хотябъ я скрылся въ без-
 дну звѣздъ,
 И тамъ мой жадный взоръ Эглю повспрѣ-
 чаетъ :
 Она вездѣ со мной ; — такъ лъзяль ее бѣ-
 жать ? ! —
 В. Олинъ.

VIII.

Б А С Н Ъ.

Плющъ и дикая Роза.

Взобравшись по стѣнѣ Плющъ очень высоко,
 Спаль баринься, и видя подь собою,

Въ равнинѣ далеко,

Надъ пихою рѣкою

Кусточикъ дикихъ Розъ, хохочетъ великанъ.

„Смотри!“ кричитъ: „удѣлъ какой намъ
 розной данъ!“ —

И низостью кустокъ безстыдно упрекаетъ.

Кустокъ съ насмѣшкой отвѣчаетъ:

„Не долго счесться намъ:

Что высоко ты взлѣзъ, о томъ ужъ я ни
 слова;

Угодно по судьбамъ;

Но я, и росъ, и поднимался самъ,

Ты ползаль бы весь вѣкъ безъ помощи
 друга.

Ивановъ.

IX.

Н О Ч Ь.

Спишь подь кровомъ тихой нѣщи
 Ужь вечерній мопылѣкъ ;
 Не шумяшь зелены рощи ,
 Не журчишь и ручейкъ.

Ужь подь пѣнью сосенъ дальныхъ ,
 Не видашь и паспуховъ ;
 Ужь и мѣсяць , другъ печальныхъ
 Поднялся изъ за - холмовъ.

Вся природа задремала ,
 Вѣтерочка не слыхашъ ;
 И зарница переспала ,
 Въ лучахъ западныхъ играть.

Только въ рощѣ за рѣкою
 Пѣсня томная слышна ;
 Соловей, да я съ тоскою
 Провожаемъ ночь безъ сна.

Онъ поетъ — а я перзаюсь ,
 Углубясь душой въ тоску ;
 Стонами перекликаюсь
 Съ соловьемъ черезъ рѣку.

При корняхъ густой березы ,
 На берегу одинъ сажу ;

Мрачнымъ взоромъ , и — сквозь слёзы,
На цвѣтущій лугъ гляжу.

Нѣтъ моей со мною милой,
Нѣтъ во мнѣ души моей;
Безъ нее въ поскѣ унылой
Скученъ мнѣ и соловей.

Безъ нее печальны рощи,
Лугъ печаленъ , садъ унылъ;
Тягостно спокойствіе нощи;
Мѣсяцъ шепчетъ и не миль.

Таково - то въ горькой долѣ
Одинокому груститъ;
Нѣтъ утѣхъ и на престолѣ,
Ежели не съ кѣмъ ихъ дѣлить.

Ахъ ! не лѣзя безъ друга въ міръ
Чувствовать красоту земныхъ,
Пѣть съ пріятностью на лирѣ
Для себя и для другихъ.

Скрейся въ пучу мѣсяцъ ясный,
Смолкни громкой соловей;
Не помини духъ мой спрассный
Милой прелестью своей !

Гранные громы ! — зашумите,
Вѣпры буйные въ лугахъ ;

Книж. IX.

В

Всколебайте, разбудите
Тёмный боръ на берегахъ!

Ахъ! несчастному въ злой сукѣ
Непріятна пишина;
Милый другъ! съ тобой въ разлукѣ
Вся природа мнѣ скучна.

Шатровъ.

X.

ПѢСНЬ ЛАПЛАНДЦА.

Возвратись скорѣе, Зами!
Гдѣ возлюбленны красы?
Хладно Сѣвера дыханье,
Грозно моря колебанье,
Ледъ сковалъ мои власы.

✱

Ты напрасно убѣгаешь:
Я любовью окрыленъ! —
Быстрый покъ шумишь съ утеса,
Воешь волкъ во мракѣ лѣса,
Путь метелью занесенъ: —

✱

Не спрашусь! мой лукъ натянутъ,
Чупокъ вѣрной мой олень,
Волны раздѣлю рукою:
Зами образъ предо мною;
Я любовью оживленъ!

✱

Съ высоты угрюмой сосны
 На долину брошу взоръ:
 Не узрю-ль тебя въ долинѣ? —
 Пронесуся по пустынь,
 Протеку вершины горъ; —

*

Хрупкій листъ стрехну съ березы,
 И простникъ ногой сполчу:
 Онъ не скроешь милой Зами!
 И за бурными морями,
 Всюду Зами я сыщу. —

*

Ночь приблизилась съ зимою, (*)
 Ужь подъ снѣгомъ спитъ медвѣдь; (**)
 Вкругъ огней всѣ улеглись,
 И рассказы начались,
 И плешутъ дружиѣ сѣть:

*

Возвратись и ты, о Зами,
 Гдѣ возлюбленны красы? —
 Хладно Сѣвера дыханье,
 Грозно моря колебанье,
 Ледъ сковаль мои власы.

Вильгельмъ.

(*) Известно, что въ Лапландіи и въ другихъ полярныхъ земляхъ ночь продолжается во всю зиму. Соч.

(**) Медвѣдь, сурокъ и нѣкоторыя другія животноя проводятъ всю зиму въ берлогахъ подъ снѣгомъ, во большей части спятъ, и не употребляютъ никакой пищи. Соч.

XI.

С В Ъ Т Ъ.

А л л е г о р і я.

Вступивъ на поприще *Жизни*, всякой рано или поздно долженъ войти въ такъ называемый Храмъ *Сѣта*. Снаружи онъ освѣщенъ привлекательнымъ блескомъ, среди коего видны надписи на *четырехъ основаніяхъ*, поддерживающихъ преддверіе сего Храма: *любовь, дружба, истина, добродѣтель*; но вшедъ въ послѣднія враша, гдѣ *наружный блескъ* не имѣетъ уже болѣе силы, сіи надписи читаемъ въ превратномъ смыслѣ: вмѣсто *добродѣтели* видѣнъ *порокъ*; вмѣсто *истины* — *ложь*; вмѣсто *дружбы* — *корысть*; вмѣсто *любви* — *сладострастіе*. Въ сей Храмъ спекающіяся жители всего міра, различные нравами, языкомъ, характеромъ; всѣ они спарающія найши въ немъ *Щастіе*, о которомъ давно идетъ молва, что оно скрылось въ семь жилищъ. У рѣдкихъ путешественниковъ с т о л ь проницательное зрѣніе,

чтобы въ молодости могло показатъ имъ, что счастье никогда въ немъ не обитало. По ту сторону Храма видны только старики, несчастные и обманутые, которые раскаиваются, что напрасно приносили въ жертву богамъ свое богатство, свое здоровье, свои чувствованія, свою честь. Во Храмъ нѣтъ ни родственниковъ, ни истинныхъ друзей: они не вступаютъ въ него; если же имъ случится войти туда вмѣстѣ съ толпою другого народа, то родственники дѣлаются другъ другу чужими, а друзья неприятелями. У сихъ путешественниковъ невинность слыветъ простою, а доброта — глупостію; честнымъ почитается то, что, который не дѣлаетъ явно безчестнаго; добрымъ, кто не дѣлаетъ зла. Старики почитаютъ себя молодыми, а молодые — стариками: сѣдой старикъ осматривается и въ семдесятъ лѣтъ ребенкомъ съ дурачествами; а двадцатилѣтній мальчикъ почитаетъ себя довольно старымъ, когда даютъ ему совѣтъ. Многоглаголюе и болтливостъ служатъ

доказательствами ума; кто скромнѣе, тотъ глупъ! — Пріятное обхожденіе познается по искусству пріятно льстить; остроуміе по искусству, умно насмѣхаться, и умно злословить! — Чтобы показать свое воспианіе, надобно блистать умомъ; — нужды нѣтъ, хотя на щетъ Вѣры, Опечесства, родства и дружбы. Чтобы внушить къ себѣ почтеніе, нужны деньги: почтеніе увеличивается по мѣрѣ богатства; за деньги покупаются почести, любовь и дружба. Наконецъ чтобы отличиться въ семъ храмѣ болѣе другихъ, надобно имѣть длинный рядъ предковъ: умъ и сердце пустое! Обыкновенныя занятія сихъ людей состоятъ въ искусствѣ обманывать, и осерегаются обмана, хвалятся добро — и не дѣлаютъ его! — Главное божество сего Храма, обожаемое всѣми путешественниками есть *Непостоянство*. Могущество его велико; оно поступаетъ съ человекомъ, какъ Юпитеръ съ Сизифомъ; бѣднякъ только что подниметъ свой камень до нѣкоторой высоты: — онъ снова

въ бездну слепаесть! — Сіе божество сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ, и держитъ въ рукахъ своихъ почести, *либія*, *фортуна*, награды, *улы* и сердца. Подлѣ него одною степеню ниже является другое божество — *смирненное притворство*; во власть его дано — представлять вещи *со-всѣмъ* въ проотивномъ видѣ, нежели въ какомъ онѣ въ самомъ дѣлѣ существуютъ. По сторонамъ споятъ другіе боги, окруженные безчисленнымъ множествомъ жертвоприносителей: *тщеславіе* — въ видѣ познанія собственныхъ достоинствъ своихъ; *зависть* — въ видѣ поревнованія, спре-мящагося къ совершенству; *происки* — въ видѣ стараній, опкрыть истину; *лиціе* — въ видѣ удовлетворенія справедливости. Поклонники сихъ боговъ неизчислимы: Евронеецъ и Негръ, старикъ и юноша, мужеской и женской пола, повелипель и повластной — всѣ благоговѣютъ предъ ними. *Любовники, друзья, родственники, жрецы и судьи* — избранные исполнители ихъ власти.

~~~~~

Слрѣв.

XII.

О ВОСПИТАНІИ ДѢВИЦЪ.

Отъ Н. къ М. М.

И такъ, ты уже въ половину убѣжденъ, мой милый другъ, пошому что требуешь отъ меня объясненій. Убѣдишь волю весьма важное дѣло и для самихъ Орашоровъ; а я не Орашоръ. Если бы надлежало шокмо убѣдиль разумъ, я не столько бы запруднялась. Но не всегда по разуму своему мушины судятъ о женщинахъ; мы имѣемъ доспоинспва и недоспапқи, кои не возможно оцѣнить разумомъ; вы оцѣниваете ихъ шолько чувствомъ, внушаемымъ отъ того, или другаго предмета. Недоспапқи рождаются изъ отношеній нашихъ съ вами; самыя доспоинспва наши по необходимости произтекають изъ сихъ отношеній. Есть двѣ вещи, въ коихъ мушины никогда ничего не поймутъ: это—желаніе нравишься, и спыдливость.

Ты говоришь, что ничего тебѣ не кажешся споль приличнымъ и удобнымъ къ

воспитанію молодыхъ дѣвушекъ, какъ въ заведеніи, въ которыхъ онѣ, будучи почти всегда оплучены отъ обращенія съ мужчинами, чужды всего, чѣмъ могло вредить когда-нибудь скромности ихъ пола. Ахъ, мой другъ! ежели дѣвушка никогда nebudeтъ подвержена ничему, чѣмъ могло тревожить ея скромности; то, какъ же преобыкнетъ она къ необходимому вниманію и оспорожности, хранишь ее? Точно отъ обращенія съ мужчинами женщины пріобрѣли спыдливость: въ ихъ приуспѣвѣи онѣ, такъ сказать, спорожатъ себя; опасеніе взоровъ ихъ занимаетъ женщинъ. Не должно желать, чтобы скромность женщины обратилась въ привычку, вѣришь, что она въ совершенной безопасности; подобное самоувереніе усыпляетъ бдительность; напротивъ того въ виду непріятеля пріучается она спрого держаъ свою спражу. Не въ семействѣ своемъ привыкають женщины нѣжной своей любезности, и не среди женщинъ научаются оспорожности. Женщина, умѣющая умѣришь при нуж-

номъ случаѣ свободу поступковъ своихъ , не есть еще скромная женщина; ибо иногда можно легко забыться въ томъ , что очень хорошо знаемъ но скромная истинно женщина есть та , для которой такая свобода въ поступкахъ не постижима , въ которой воздержность сія происходитъ отъ уваженія къ самой себѣ , а не отъ уваженія къ другимъ , которая одна , безъ свидѣтелей , поступаетъ также , какъ бы поступала , укрываясь искаженныхъ взоровъ , и которая наконецъ чтобы покраснѣть , не имѣетъ нужды , чтобы ее видѣли. Можетъ быть , говоря вообще , сія застенчивость или принужденность семейственнаго воспитанія необходима для образованія того обыкновеннаго чувства нѣжной робости , которое , кажется , даже не довѣряетъ и собственной невинности , и краснѣетъ отъ всего , что ни мало не предосудительно; она составляетъ сію стыдливость , которая , не будучи сама по себѣ добродѣтель , хранитъ , поддерживаетъ добродѣтель , а иногда и прибавляетъ къ ней нѣчто , или

по крайней мѣрѣ всегда живо представляеъ ея образъ , и имѣеъ право на нѣкоторую часть уваженія , принадлежащаго самой добродѣтели.

Я довольно знаю , что сею неловкостію или дикостію наиболѣе укоряютъ семейственное воспитаніе, говоря, что оно слишкомъ рано поработщаетъ молодую дѣвушку тиранству предразсудковъ свѣща, тогда, какъ общественное воспитаніе сохраняетъ для ней всю свободу ея возраста. Но, мой другъ , я не знаю возраста, въ которомъ бы казалось нужнымъ , чтобы молодыя дѣвушки были свободны. Правила общественнаго воспитанія чрезъ мѣру , ипакъ сказать, республиканскія для женщинъ ; и пошому-то болѣе всего оно мнѣ не нравится : преимущества его являются въ отношеніяхъ слишкомъ опвлеченныхъ ; въ немъ повинуются вещамъ а не людямъ. Тамъ всѣ права уже согласены ; всѣ обязанности установлены. Наказываются тамъ не иначе , какъ по формѣ ; строгости и отказы въ извѣстныхъ правилахъ ; тамъ молодая дѣвушка

научаешься повиноваться только оправедливости и разсудку. Это очень хорошо, но что ей сдѣлать, когда надобно будетъ повиноваться мужу? На что привыкаешь къ повиновенію однимъ свѣтскимъ законамъ, когда необходимость требуетъ подчинить себя на всю жизнь непременно чужой волѣ? — Мушина долженъ знать напередъ, чему обязанъ онъ повиноваться; женщина остается только знать, кому: разумъ ея не можетъ очершить для нее опредѣленнаго рубежа ея должностей. Онъ обязанъ доставить ей способы къ перенесенію всей тяжести ихъ, какія бы онѣ ни были. Она тѣмъ болѣе благоразумна, чѣмъ легче, чѣмъ скорѣе, умѣетъ сообщать свою волю съ прихотями мужа; тѣмъ тверже характеръ ея, чѣмъ равнодушнѣе отказывается отъ правъ своихъ. Нѣтъ ничего, не исключая даже и самыхъ добродѣтелей нашихъ, въ чемъ бы мы не должны были чуждаться упрямства, которое производитъ чувство независимости. Женщина не можетъ воображать, что ей будетъ всегда дозволя-

шельно являясь споль простою , непри-
 нужденною въ своихъ нарядахъ , споль
 ограниченною въ своихъ издержкахъ , какъ
 бы она того желала. Не надлежитъ ей
 прилѣпляясь къ какимъ-нибудь обязанно-
 стямъ споль сильно , чѣобы она уже не
 могла отказатьсь отъ нихъ для большей
 какой - нибудь обязанности. Случается ,
 чѣо одна спрого привязана къ соблюденію
 принятыхъ обычаевъ; готова поссорить-
 ся на восемь дней съ мужемъ своимъ , и
 несогласиться принять гостей прежде
 окончанія срока какого-нибудь глубокаго
 фамильнаго праура ; другая , по прави-
 ламъ своимъ и по вкусу , привыкнувъ си-
 дѣть дома , становится уже нелюдимкою
 и упрямою , не хочетъ ѣздить съ му-
 жемъ по баламъ и спектаклямъ; и я знаю
 точно мужа , который самъ ничѣмъ не
 любитъ заниматься , и въ глазахъ копо-
 раго привязанность жены къ занятіямъ
 спала порокомъ. Вамъ нечего впрочемъ
 бояться , чѣобы въ томъ родѣ воспитанія ,
 которое хотите дать дочери , сія по-
 слѣдняя спрасъ могла въ ней слишкомъ

усилились. Склонность къ тому, что называють, *far niente*, всегда казалась мнѣ слѣдствіемъ такого воспитанія, въ которомъ бездѣйствіе имѣетъ по необходимости опредѣленные часы свои, гдѣ оно бываетъ концомъ неудовольствій, отдохновеніемъ послѣ трудовъ, минушою наслажденія, и вѣрнымъ признакомъ свободы благовоспитаннаго человѣка.

Тверди людямъ, сколько хочешь, что покой есть награда за труды; для нихъ удовольствія всегда милѣ трудовъ. И часто даже нужно, чтобы послѣ утомительнаго занятія слѣдовало цѣлебное разсѣяніе. Но чтобы избѣжать необходимости разсѣянія, которое у женщины происходитъ единственно отъ скуки, а не отъ великихъ трудовъ, она должна искать удовольствій въ свойственныхъ ей работахъ, свое отдохновеніе въ пріятныхъ занятіяхъ; надобно, чтобы она умѣла работать для забавы, и чувствовать скуку отъ праздности. Другъ мой! положеніе наше въ свѣтѣ не есть

самое выгодное, такъ какъ наряды наши не всегда самые покойные; и такъ надлежитъ принаровить характеръ къ нашему состоянію, — какъ нѣкогда принаавливали нашу талію къ корсету. — Но, ахъ! сколько потребно трудовъ и умѣнья, чтобы не слишкомъ сжать его; ни слишкомъ распуспитъ, дабы не сообщитъ ему лишней, такъ сказать, упругости, или не оставить въ излишней небрежности. Воспитаніе наше состоитъ изъ безчисленныхъ подробностей: очень малое число общихъ идей и очень много правилъ намъ предписанныхъ. Но общія идеи насъ обманываютъ, доколь опыта не опредѣлитъ точнаго ихъ значенія; а женщинѣ не позволено дожидаться опыта; надлежитъ, чтобы первые ея шаги были уже точны и вѣрны; первыя движенія чувствъ были истинны; чтобы она знала все, неучась; чтобы судила о томъ, чего не можетъ знать; чтобы благоразуміе свое почерпала она изъ повиновенія; все просвѣщеніе

изъ довѣренности; ведомая шагъ за шагомъ, осперегаемая каждый день, она обязана приобрѣсть навыкъ, подчиняясь всѣ поступки сври суду другаго, искать въ чужой волѣ правилъ своего поведенія. Необходимо, чтобы опора, для нее ближайшая, поддерживала ее совсѣхъ сторонъ, окружала бы ее повсюду, доколѣ укрѣпясь противу бурь, она въ соснояннн будетъ держаться сама собою. — Другъ мой! предположи въ дочери своей всѣ свѣденія и всѣ добродѣтели: — и тогда найдешь ли ты въ сей осьмнадцатилѣтней премудрости что-нибудь такое, которое могло бы обойтись безъ довѣренности къ совѣшамъ матери!!!!...

Съ Франц. Иванова.

XIII.

РОССІЯ ДА.

Письмо къ другу. О слоѣ. Окончаніе.

Мы оспановились на *Описаніяхъ*, другъ мой! Описаніе разнишя ошъ карпины шѣмъ, что сія послѣдняя имѣетъ одну минушу дѣйствія и опредѣленное мѣсто. — Описаніе — послѣдствіе карпинъ; карпина составляетъ изъ множества *образовъ*; образъ часто заключаешя въ одномъ или двухъ словахъ, и самъ собою производишъ иногда карпину; но онъ всегда бываешъ вещественная одежда мысли; вопъ *родословная* описаній! — Вездѣ, во всѣхъ родахъ Поэзіи имѣюшъ мѣсто сіи украшенія слога; но, кажешя, Поэмъ болѣе приличны описанія, нежели какому-либо другому роду; — напрошивъ того всѣмъ удѣламъ Лирической Поэзіи болѣе свойственны карпины и образы: воспорженная, въ быспромъ пареніи своемъ, можешъ ли она оспановляшя на подробностяхъ? — Самая драма описаній

Книж. IX.

Г

почти не терпимъ, кромѣ вводныхъ разсказовъ, и по, разумѣется, одинъ разъ въ цѣлой піесѣ. — И такъ можно утвердительно сказать, что Описанія, какъ существенная часть разсказа, суть одна изъ важнѣйшихъ частей слога эпическаго. — Всѣ Стихошворцы, оплотившіеся въ семь родъ сочиненій, особенно старались обогащать свои творенія блистательными описаніями. — Наша Россіяда, другъ мой, изобилуетъ ими.

Достоинство эпическихъ Описаній, кромѣ обыкновенныхъ качествъ, какъ-то ясности, вѣроятія, о которыхъ мы уже говорили, познается еще, такъ сказать, по своему мѣсту: надобно, чтобы описаніе было кстати. — Это маленькое слово, другъ мой, какъ ты самъ согласишься, заключаетъ въ себѣ весьма много. — Объ одномъ и томъ же предметѣ при разныхъ людяхъ повѣствуемъ мы различно, по есть, по временнымъ отношеніямъ и положенію нашему съ ними. — Кто говоритъ, когда, предъ кѣмъ, съ

какою цѣлію: вопшъ что составляетъ характеръ повѣствованія. — Могутъ бытъ два описанія, — Рускаго и Француза, оба прекрасныя, на пр. о Бородинской битвѣ, гдѣ та и другая сторона сражающихся чувствовала равную тяжесть и ужасы; но могутъ ли онѣ бытъ, спрашиваю, въ одинаковомъ направленіи, съ одинаковыми подробностями, съ одинакою цѣлію? — Можетъ ли Андромаха рассказывать о пожарѣ Трои такъ, какъ рассказываетъ о томъ же предметѣ Пирръ, или Улиссъ? — Это есть отношеніе между лицами. Потомъ, можно ли объ одномъ и томъ же предметѣ говорить одинакимъ образомъ въ разные времена? — Опять, нѣтъ! — При ясной погодѣ говоримъ мы обо всемъ весело, при сумрачной, и о веселомъ уныло. — Смогри на живописцовъ: въ каждой картинѣ есть то, что они называютъ *грунтъ*; это главная шѣнь господствующая, отъ которой зависятъ сила и ошливъ всѣхъ прочихъ цвѣтовъ. Въ картинѣ, представляющей печаль и радость вмѣстѣ, самая радость, по за-

конамъ природы и искусства, должна бытъ, такъ сказать, *полурадостна*. Наконецъ тонъ описанія зависитъ отъ цѣли. — Надобно спросить себя: въ такомъ случаѣ, въ такихъ обстоятельствахъ, при людяхъ съ такимъ разположеніемъ и чувствами, въ такомъ-то мѣстѣ, — не теряя своей цѣли, и не нарушая отношеній къ нимъ, какъ бы я сталъ рассказывать объ извѣстномъ произшествіи? — Собственное чувство дастъ отвѣтъ, и рассказъ будетъ въ надлежащемъ тонѣ. — Истинно-эпической рассказъ имѣетъ главное отношеніе отъ Пѣснопѣвца къ читателю. И такъ онъ долженъ соединять удовольствіе и пользу. — О пользѣ мы уже говорили въ прежнихъ письмахъ; удовольствіе проякое въ повѣствованіи: одно для ума, другое для воображенія, третье для чувства. — Къ сему въ запасъ присоединимъ еще то, что служило для оживленія повѣствованія: *противоположенія, сравненія, уподобленія*. Теперь разсмотримъ нѣкоторыя описанія Хераскова.

Не будемъ запрудняться, подобно Гну.
 Современному Наблюдателю, и представимъ первое описаніе несчастнаго положенія Россіи, слѣдующее пошчасъ за прекраснымъ воззваніемъ (Пѣснь 1. стр. 2.).
 Еще воспочную Россіи древней часпъ
 За - Волжскихъ наглыхъ ордъ обременяла
 власть ;
 На нашихъ плѣнникахъ гремѣли памъ оковы,
 Кипѣли мяшежи, росли злодѣйства новы ;
 Простерся блѣдный спрахъ по селамъ и
 градамъ ;
 Куреній алтари во храмахъ не имѣли,
 Умолкло пѣніе, лишь бури памъ шумѣли.
 Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подѣ *тернами*
 лежалъ ,
 И паспырь въ темный лѣсъ опѣ спада
 убѣжалъ .
 Когда свѣшило дня къ полунощи взираетъ,
 Окровавленную Россію обрѣпаетъ.
 Ошпорженная дщеръ опѣ матери, Казань,
 Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань ;
 Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,
 На полночь гордею горою возвышенный ,
 Поднявъ главу свою при двухъ рѣкахъ спомпъ ;
 Ошколѣ на берега шумящей Волги зримъ .
 Эти 18 стиховъ, кажешся, могутъ быть
 прибавленіемъ къ пѣмъ хорошимъ деся-

1. The first part of the document is a letter from the President of the United States to the Congress, dated January 3, 1862. It is a message of condolence to the people of the State of California, who have been afflicted by a severe drought. The President expresses his sympathy for the suffering and his hope that the Congress will take prompt action to relieve the distress.

Во градѣ *сколица*, не слышно пѣсней брачныхъ :

Единой слышенъ вопль во храмахъ Божества;

 Являлася Москва водѣ подобна мушной,
 Которая, лишася движенія и прохладѣ,
 Тускнѣеть, поршился и зараждаетъ ядъ.
 Последнее сравненіе съ мушною и стоя-
 чею водою весьма разительнo живописуетъ
 состояніе города, лишеннаго спокойствія,
 движенія, торговли, которая состав-
 ляетъ жизнь его.

Слѣдуетъ мѣсто, гдѣ воображеніе
 Пѣснопѣвца должно явиться въ самомъ
 величайшемъ своемъ блиспаніи и велико-
 лѣпії. Россія несчастная, угнетаемая,
 опчаянная, наконецъ обращается къ вы-
 сочайшему Богу Силь, къ Творцу своему,
 и показывая Ему *раздоры*, *спраданія* и
 приближающійся конецъ свой, умоляетъ
 о скоромъ спасеніи. Это мѣсто важно
 не только само по себѣ, но особенно
 замѣчательно въ отношеніи къ ходу
 Поэмы: оно останавливаетъ вниманіе; оно
 есть та минута, гдѣ должна рѣшиться
 судьба Россіи; оно — источникъ и завяз-
 ка чудеснаго всей Поэмы; оно должно
 обезнадежить, или ободрить ожиданія чи-

шателя - патриота; оно разливается
 свѣтъ болѣе, или менѣе яркій на все творе-
 ніе. — Россія обратилась къ Богу: Онъ внялъ, и положилъ въ предвѣчноль
 судѣ Своелѣ рѣшеніе ея жребія! Вспом-
 нимъ мѣста подобныя у всѣхъ славнѣй-
 шихъ Спихотворцевъ, Гомера, Виргилія,
 Тасса и другихъ: какое великолѣпіе, ка-
 кая сила, какая живопись! — Здѣсь все
 искусство; здѣсь, такъ сказать, геній
 долженъ испощить себя въ своихъ уси-
 ліяхъ; и какъ иначе? — Все, что послѣ
 ни будешь чудеснаго, величественнаго,
 чрезвычайнаго, необходимо къ сему
 относится:— это всего основа. — Сколько
 подражалъ Виргилія, Тассъ, употребилъ
 красокъ изящныхъ въ описаніи низшедша-
 го Гавріила къ Готфреду для возвѣщенія
 ему закона и Воли предвѣчной. . . . (*) При-
 знайся надобно, что Херасковъ уронилъ
 сіе мѣсто такъ, какъ первую точку, съ
 которой начинается дѣйствіе цѣлаго про-
 извѣстія Эпическаго! Вотъ стихи его:

(*) Смори Амфіона 8 книжку, стран. 7я.

Россію, прежнюю утративъ красоту,
 И видя вокругъ себя раздоръ и пустоту,
 Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди Столицы;
 Набѣгомъ дерзкихъ ордъ спѣсненныя гра-
 ницы,
 Подъ сѣнью роскошей колеблющійся пронь;
 Въ чужомъ владѣніи Двину, Днѣпръ, Волгу, Донъ,
 И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
Бросаетъ къ небесамъ заплаканныя очи;
 Просперла длани вверхъ всѣхъ тварей ко
 Опцу,
 Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
 Открыла грудь свою, грудь помну, изъяз-
 вленну,
 Рукою показавъ Москву окровавленну,
 Другою вокругъ нее сліянно море зла,
 Взыдала, и речи ни слова не могла.
 На огненныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣ-
 дящій,
 Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гре-
 мящій,
 Предъ Коемъ солнечный подобенъ пѣни
 свѣтъ,
 Въ Комъ движущся міры, и все въ мірахъ
 живетъ,
 Который съ небеси на всѣхъ равно взираетъ,
 Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ,
 Царь пламени и водъ позналъ Россіи гласъ;
 И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,

Дни горести ея еѣ единый мигъ изчислилъ,
 И руку помощи простерши къ ней, по-
 мыслилъ, —
 Свѣтлѣ стали вдругъ надъ нею небеса, и пр.

Спихи сіи вообщѣ хороши; но, каже-
 тся, они довольно слабы для такого
 мѣста. Пѣснопѣвецъ имѣлъ обширное и
 блистательное поле полетамъ своего
 воображенія, и обошелъ его кругомъ, сор-
 вавъ на дорогѣ нѣкоторыя покло, и по
 ненарокомъ, цвѣты. Отъ чего въ на-
 длежащей степени не оживляются
 здѣсь картина молящейся Россіи? — Отъ
 того, что Россія, слово *собирательное*, оз-
 значающее пространнѣйшую страну, цѣлую
 Имперію, и въ переносномъ смыслѣ ни-
 коимъ образомъ не представитъ воображе-
 нію лица, или существа живаго: ибо всег-
 да слово, Россія, является намъ народомъ
 многочисленнымъ, а не лицомъ. И такъ
 прекрасные спихи:

И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
 Возноситъ къ небесамъ заплаканныя очи;
 Простерла длани вверхъ всѣхъ тварей ко
 Опцу:

Колѣна преклонивъ , прибѣгла ко Творцу;
 Открыла грудь свою, грудь томну, изъязв-
 ленну ,

Рукою показавъ Москву окровавленную ,
 Другою вокругъ нее сліянно море зла,
 Взыдала , и речи ни слова не могла. —

Остаются безъ надлежащаго дѣйствія: —

Урокъ для Спихошворцовъ , какъ и от-
 куда занимаешь картины метафорическія!

Только отдѣльный, и однимъ взоромъ об-
 нимаемый предметъ удобно сравни-
 вается съ другимъ такимъ же , и слѣдо-
 вательно одинъ онъ можетъ быть взи-
 маемъ вмѣсто другаго, или олицетворять-
 ся. Поставь здѣсь Херасковъ не Рос-
 сію , но *Росса* (въ единственномъ числѣ
 вмѣсто множественнаго), преклоннаго ко-
 лѣна предъ Богомъ: вся картина полу-
 чить новую жизнь. — Другой ослабля-
 ющій недоспашокъ заключается, по мо-
 ему мнѣнію, въ стихахъ ненужныхъ , по
 есть, не прибавляющихъ ничего къ дѣлу:
 Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни
 свѣтъ и пр.

До стиха :

Царь пламени и водъ

Говоря о Судіи Царствъ всемогущемъ, о Благодѣшелѣ и Милосердовашелѣ Россіи, о Спасителѣ ея — нужно ли употреблять эпитеты столько обыкновенные, и столько мало относительные, какъ *Царь пламени и водъ, въ Колебъ движутся міры и все въ мірахъ живетъ и пр.?* . . . Хороши краски, но не кстати!

Царь пламени и водъ позналъ Россіи гласъ:
И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,
Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ,
И руку помощи простерши къ ней, ПОМЫ-
СЛИЛЪ; —
Свѣтлѣе стали вдругъ и пр.

Естьли бы Россія казнилась, подобно Лимѣ, Лиссабону и другимъ городамъ, подверженнымъ землепрясенію, то есть, огнемъ и водою, тогда, конечно, прилично было сказать: *Царь пламени и водъ и пр.*; но здѣсь для чего? — *Позналъ*, слово для Всеобщаго неограниченнаго въ своемъ разумѣніи Хозяина неприлично, какъ мнѣ кажется; — *внялъ, внушилъ*, по образцу библейскаго Писнопѣвца, могли быть болѣе приличныя здѣсь выраженія; *помыслилъ* —

великое слово! — Въ немъ — душа цѣлой картины. — Глаголь, *мышлю*, означаетъ продолженіе разсужденія; съ предлогомъ, *по*, соединенный, *помышляю* или просто *замышляю*, опредѣляетъ первую степень сужденія: — намѣреніе, предпріятіе; отсюда *помысль* имя существительное, то есть первая идея, на что-нибудь рѣшиться. *Помыслилъ*, въ прошедшемъ времени, еще болѣе сокращаетъ или ускоряетъ дѣйствіе. — Надобно, чтобы послѣ сего слова, тошъ же часъ слѣдовало исполненіе, какъ послѣ творческаго слова, *да будетъ* — слѣдовало: *бысть*. Оно такъ и есть:

Свѣтлѣ спали вдругъ надъ нею небеса, и
проч.

А пошому, еще въ прошивность Гну. Современному Наблюдателю Россійской Словесности, назову сіе мѣсто и особенно слово, *помыслилъ*, истинно высокимъ: ибо оно изъясняетъ все могущество и быспрошу Божественной Воли. — Незанная перемѣна опъ сего одного, — *помыслилъ*, произшедшая въ цѣлой природѣ

удивительно поражаетъ благоговѣніемъ читателя, и оканчивается цѣлую карпину. Это слово можно сравнять въ достоинствѣ со всѣми высокими словами, которыя, другъ мой, часто твердятъ намъ въ образецъ, изъ Гомера, изъ Расина, Корнеля и Волпера, ни мало не думая о разборѣ собственныхъ своихъ сокровищъ.

Но я распространился слишкомъ объ этомъ мѣстѣ; причина прежде мною уже сказана: мнѣ хотѣлось, что бы оно по важности своей столь же было блистательно и отработано, какъ у другихъ первокласныхъ эпическихъ Стихотворцовъ. Когда я сказалъ, что не столь удачно *отработано*, то сіе относится только къ слогу, — къ выбору и разположенію красокъ и подробностей въ описаніи; впрочемъ все мѣсто по вымыслу довольно хорошо: ибо, что приличнѣе можно представить для возбужденія Іоанна къ праведной мести, какъ не тѣни опцовъ и прадѣдовъ царственныхъ, сихъ жертвъ неистовой свирѣпости Ташаръ? —

Всегда люблюсь я прекраснымъ Описаніемъ характера Адашева (снр. 11.); но какъ уже представлень тебѣ сей поршрешъ въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ писемъ, пошому его и оставляю: мнѣ кажепся, я слышу, что ты читаешь его теперь наизустъ: —

Какъ камень посредѣ кипящихъ бурныхъ
волнь,

Борея не боясь, споишь неколебимо,

И волны о него бѣся, идущъ мимо:

Адашевъ тако пвердъ между пороковъ былъ,
Отъ міра удалень, опечесство любилъ.

Что можешь быть вѣрнѣе, напуральнѣе,
и наконецъ точнѣе сего сравненія? . . .

Совѣшны Адашева и рѣшительность
Государя произвели чудесныя перемѣны въ
сердцахъ опчаянныхъ подданныхъ:

Едва услышанъ былъ во градѣ трубный
гласъ,

Духъ брани по сердцамъ *простерся въ толь
же часъ,*

И храбрость на спѣнахъ вздремавшая про-
снулась,

На щипъ, на копіе, на мечъ свой оглану-
лась:

Я вижу въ прахъ васъ , орудія рѣка ,
И пылъ съ себя спрахнувъ , по спогнамъ
потекла .

Послѣдній стихъ разительнo изображаетъ
внезапно проснушуюся храбрость.

Описаніе Героевъ, предводительствующихъ арміями, не столько разнообразно и живописно, какъ у другихъ Поэтовъ эпическихъ: кто въ эпюмъ виновать? — Конечно, болѣе обстоятельство и обычаи, нежели самъ Поэтъ. — У Гомера и Тасса соединились разныя племена и народы для одной великой брани; знаменитыя сыны Царей, и часто чада боговъ, ими предводительствуютъ. Отъ этого описанія ихъ болѣе живы, болѣе занимательны: здѣсь одинъ народъ идеи свергнути свое иго; предводящъ полководцы, управляемые Царемъ своимъ самодержавнымъ. Что осталось Стихотворцу? — описывать различіе ихъ характеровъ! Но . . . мы уже объ эпюмъ прежде о тобой говорили. — Вотъ какъ выступило войско изъ града .

Мой слухъ стenanія съ веселымъ шумомъ
внеглѣпъ:

Братъ брата, сынъ отца прощаясь объе-
млетъ.

Тамъ ратникъ зрится мнѣ *покрытый* съ-
диной,

Трудами изнурень, болѣзнями, войной;
Съ сердечной ревностью на воинство взй-
раетъ,

И руки томныя на небо простираетъ;
Открылася его израненная грудь; —
О Боже! онъ вскричалъ, благослови ихъ путь!
Съ высокой храмы взирающей со спяномъ,
Но въ духъ подкрѣпленъ святымъ своимъ
закономъ,

Родитель сына зря подъ шлемомъ, вопіетъ:
Я, можетъ быть, съ тобой въ послѣдній ви-
жу свѣтъ!

Но естли жизнь свою ты въ полѣи оста-
вишь,

Доль многихъ ты сыновъ отъ пагубы из-
бавишь!

Небесный обрѣти, или земный вѣнецъ!

А естли я умру, то Царь тебѣ Отецъ.

Россія подвинулась; объемлетъ страхъ
Казанцовъ:

Уже блюстителю Казанскія измѣны;
Восходятъ высоко Свѣдѣны горы спяны;

К н а ж . IX.

Д

Сумбекъ, городъ сей былъ тучей громовой,
 Висящей надъ ея пресполомъ и главой;
 И Волга, зря его, свои помчала волны,
 Россійской славою, Татарскимъ спрахомъ
 полны,
 Ужасну вѣсть Ордамъ о градѣ понесла:
 Въ Казани смутная опасность возрасла;
 Надежда опъ сердець кичливыхъ удалилась,
 И машерь безпокойствъ, въ нихъ робость
 поселилась:
 У дня отъехлеть свѣтъ, спокойство у
 ночей;
 Имъ страшно солнечныхъ сіяніе лучей;
 При ясномъ небѣ имъ надъ градомъ слыш-
 ны громы;
 Въ дыму и въ пламени имъ кажутся ихъ
 дома:
 Обвинный въ черную одежду общій страхъ,
 Казанцамъ видится на спогнахъ и спѣнахъ;

 Имъ часто слышится въ полночный ти-
 хій часъ,
 Поющихъ Хрістіанъ благочестивый гласъ;
 Священный зрится Крестъ рушитель ихъ
 покою,
 Начертанъ въ воздухѣ невидимой рукою.
 Народамъ такъ грозить вселенныя Тво-
 рецъ,
 Когда державъ ихъ готовишь Онь конецъ.

Этого описанія не лѣзя конечно срав-
нить съ подобнымъ же Лукана (явленія
предъ смертью Цезаря); но стихи, кажущ-
ся, достойны бы были вниманія Гна. Сов.
Набл. Вотъ богатырь, Аспалонъ:

Онъ шель, горѣ подобенъ;
Сей Выпязь цѣлый полкъ единъ попрашь
удобенъ;

Опваженъ, люгъ, свирѣпъ сей врагъ Рос-
сіанъ былъ,

Во браняхъ, какъ проспникъ соперниковъ
рубилъ;

Вошелъ въ средину оиъ, покрытъ броней
злапою,

И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, въцалъ Ка-
занцамъ оиъ:

Се въ помощь вамъ пришелъ беспрашный
Аспалонъ! —

И все собраніе окинулъ спрашнымъ окомъ.

Послѣдній стихъ живописно и прекра-
сно окончиваетъ всю картину, останавливая,
на время удивленный взоръ читателя
на этомъ спрашномъ Герое. — Онъ
оскорбленъ отказомъ,

И палицу свою взложивъ на рамена,

Онъ съ шумомъ уходилъ, какъ бурная волна.

Въ первомъ стихѣ заключается обстоятельство, которое портитъ впрочемъ счастливое сравненіе: Герой съ палицею, взложенной на раменахъ, и упекающая волна: — не сообразишь вдругъ! но за то въ главной мысли, произведшей сіи стихи, сохранена точность разительная. Волна уходилъ отъ берега, или скалы кремнистой съ грознымъ шумомъ, или лучше, съ негодующимъ *ропотомъ*: что ближе и вѣрнѣе объясняетъ слѣдствіе, отказа, учиненнаго сильному изъ мужей? — Въ самомъ словѣ *уходилъ* заключается красота; если бы Херасковъ сказалъ *ушелъ*, утекъ и пр., то это показывало бы только стремительность пылкую честолюбива оскорбленнаго; но онъ желалъ объяснить особенно самонадѣянность и гордость лица оскорбленнаго: и такъ при первомъ неудачномъ опытѣ онъ не *ушелъ*, но *уходилъ* медленно, постоянно, прилично своему достоинству. — Такъ часто у Стихотворцовъ одно слово стоитъ цѣлой картины! — Не соглашаюсь съ теми, которые говорили, что сей стихъ есть

подражаніе славному стиху Расина въ
монологъ Терамена :

Le flot, qui l'apporta, recule épouvanté !

Здѣсь другая цѣль и другія обстоятель-
ства; да при томъ въ словѣ *уходилъ*, по
моему мнѣнію, болѣе силы, нежели въ сло-
вѣ *recule*. И такъ у Хераскова есть
мѣста, которыя показываютъ, что онъ
обладалъ и подражательною Поэзіею въ
слогѣ. — Спрогій старикъ! какъ ты же-
стoko смѣешься надъ молодымъ Гномъ,
Современнымъ Наблюдателемъ, и надъ
всѣмъ ему подобными скороспѣлками!

Къ замѣчательнымъ описаніямъ мож-
но еще отнести нѣжное свиданіе въ саду
Сумбеки съ Османомъ, который сидѣлъ
съ лирою въ рукахъ,

И тихимъ голосомъ произносилъ Эмиру!

Также великолѣпное изображеніе всемогу-
щества Божія, заставившаго умолкнуть
теенну, призываемую волшебницею Сум-
бекою.

Но *Одо* *Воміе* на Полночь обращенно,
 И чернокнижества искусствомъ возмущенно,
 На сей *велѣдо* разъ гееннѣ замолчать,
 Ко дверямъ приложивъ ужасную печать:
 Священный Крестъ сія печать изображала. —
 Гнепомая Крестомъ геенна задрожала;
 Блнспаніемъ своимъ небесный оный знакъ
 Въ подземной пропасти сугубинѣ вѣчный
 мракъ,
 И козни бѣдственныхъ замкнулись чаро-
 ваній . . .

Мы поспѣшимъ къ четвертой Цѣсни,
 копорую можно почестъ одной изъ самыхъ
 живописныхъ. *Описанія*, въ ней заключаю-
 щіяся, заимствуютъ цѣну свою особенно
 отъ любви отечественной, копорая съ
 торжествующею радостію взираетъ на
 гибель и посрамленіе вѣчное ужаснѣй-
 шихъ своихъ ширановъ.

Подъ тѣнію горы Казанской видѣнь лѣсь,
 Въ копорый входу нѣтъ сіянію небесъ;
 На вѣлвяхъ вѣчные лежатъ густые мракъ,
 Проходимъ дивные являющіи призраки.
 Тамъ кажется простеръ покровы томный
 сонъ;
 Трепещущи лѣсты дають печальной спонъ,

Зефиры нѣжныя среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянушъ вокругъ цвѣты, кустарники
желтѣютъ;

Когда усыплетъ ночь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи дерева.
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бур-
ный пламень;

Тамъ камни падаютъ, біющися о камень;
Не молкнетъ шумъ и спукъ, тамъ вѣчно
страхъ не спитъ,

И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополы маслисты,
Повсюду слышатся званія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ;
Онъ шумомъ ужасу пустыни придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣ-
чаетъ:

Льсь воешь; адъ ему спенаньемъ отвѣчаетъ,
Вѣдають, что духовъ въ печально царство
то,
Вездѣ казни огнь небесъ вступать не смѣлъ
никто...

Вопшъ нѣконорыя чершы сего клад-
ища, споль печальнаго для Ташаръ,
поль утѣшительнаго для Россіянъ, и
поль назидательнаго для всѣхъ пира-
нъ человечества:

Тамъ видѣнь чернѣй гробъ свирѣлаго Батюга,
 Которымъ вольности лишилася Россія.

Онъ полночь съ пламенемъ и западъ пробѣ-
 галъ,

Рѣки кровь лочилъ и грады пожигалъ;
 Богемію держалъ и Польшу подъ пятою.

Сей варваръ былъ почтенъ, какъ богъ, Ордой
 эдакою.

Москва! лишенная цвѣтущей красоты,
 Преобразилась въ прахъ его набѣгомъ пы!
 Подъ пепломъ зрѣлися твои прекрасныя дома;
 Дѣвицы были въ пѣльнѣ изъ спѣнъ твоихъ
 влекомы;

Позорной смертію кончали старцы вѣкъ;
 По улицамъ ручей невинной крови текъ! —
 Дать сердцу твоему послѣдніе удары,
 Оставилъ твой злодѣй тебѣ одни пожары!
 Какъ бурный вихрь, прещедъ Россію всю

Вашый,

Коснулся и тебя, о Кіевъ! градъ священный;
 Господни храмы тамъ сокровищей лиши-
 лись;

Надолго красныя мѣста опустошились,
 Гдѣ Крестъ пророческій Андрѣемъ водруженъ
 Тамъ видъ, плачевный видъ развалинъ твоихъ
 —

И вмѣстѣ пѣнія опшельцовъ слѣдъ когласныхъ
 Спалъ въпрохъ слышенъ шумъ и ревъ злѣ
 реи красныхъ твоихъ

Но чтожи послѣ того? — Завоева-
тели вселенныя! прѣщипте и ужаснитесь:

Толкихъ золь Башый причиной Гос-
самъ былъ;

Онъ кровью ихъ Князей престола илѣ
омылъ:

Но чтожь осталось послѣ причинъ страха?
Единый мрачный гробъ, и горсть испав-
ша праха! —

Кто прежде гордостью касался Небесамъ,
Того ошати вихрь разноситъ по лѣсамъ;
Лѣстцы прибѣжища ко праху не имѣютъ;
Лишь спать на немъ зми, и только вѣт-
ры вѣютъ!

О вы, которыхъ весь пространный
мѣсонъ свѣтъ,

Которыхъ слава въ брань несправедну зо-
ветъ!

На прахъ, на пѣнный прахъ, Гатевъ
вы взгляните,

И гордости щепоту съ своею соравните.

Не кровью купленцы прославитъ насъ вѣ-
нецъ,

Но славитъ васъ любовь вамъ подданныхъ
сердечъ.

Прекрасные стихи! И послѣ этого мож-
но сказать, что у Хераскова нѣтъ де-

сяти сряду стиховъ хорошихъ !! — Безспыдство и наглость !... Пѣснопѣвецъ проходитъ мимо гробницъ враговъ Россіи (шаспливѣйшій вымыслъ !) и описываетъ тѣнные и тѣсные дома ихъ увядшей гордости разительными чертами! — Всѣхъ ихъ привести здѣсь не можно, другъ мой; это бы превзошло предѣлы письма моего. По крайней мѣрѣ, пусть сознаются непріятели Хераскова въ томъ, что онъ зналъ очень хорошо сердце человѣческое, и умѣлъ рисовать для него! — Вотъ описаніе Ада у Хераскова; конечно оно не сподъ великолѣпно, какъ у Виргилія, однако имѣетъ свои достоинства; кажется, Авторъ подражалъ болѣе новѣйшимъ, нежели древнимъ. — Въ семь опрыскъ много есть подробностей прекрасныхъ: — читатель ихъ замѣтитъ, — по крайней мѣрѣ, тогда читатель, который не останавливается на бездѣлкахъ противъ нынѣшняго (какъ говорятъ) *пюризма* !!!

Собравъ грубѣйшее твореній существо,
Устроило его во гнѣвъ Божество.

Колико вышній огонь другихъ вещей тончае,

● Толико адъ всего и гуще, и шягчае.

Три краты девять числъ сіе вселенной дно
 Отъ круга звѣзднаго лежитъ опдалено.

Тамъ разспилается волнами вѣчный пламень,
 И видима земля, какъ разкаленный камень;
 Зловенный всходитъ паръ отъ загустѣв-
 шихъ водъ ;

Изъ мрака ссѣвшійся, объемлетъ бездну сводъ;
 Но свода темнаго проникнуть не возможно.
 Подъ онымъ съпуютъ ведущи дни безбожно;
 Тамъ скрежеть, вопли, плачь, бѣжитъ оп-
 полъ сонъ ;

Дыханье грѣшниковъ — повсеминутный
 стонъ !

Тамъ души помныя ко сводамъ возлепають,
 Но препреченіе повсюду обрѣтають ,
 И плѣются бездны сей, какъ искры, въ
 исподи ;

Тамъ вихри огненны, тамъ пламенны дожди.
 Надежды сладкой нѣтъ во мрачной сей дер-
 жавѣ ;

Тамъ зрю мучителей, живущихъ прежде въ
 славѣ.

Не дремлющая грусть превозитъ тѣни ихъ;
 Драконы огненны вращаются вкругъ нихъ.
 Тамъ тѣни жизни цѣль посмертны узнавають,
 Воспомнивъ прежни дни, помятся, уны-
 ваютъ :

Плотскія слабости преобразились въ ядъ ;

Отрады въ мукахъ нѣтъ: грѣхъ самъ со-
бою адъ.

Небесной истиной желая просвѣтлѣться,
Стараюся еще на землю возвратиться;
На сонце съ плотію въ раскаяньи воз-
зрѣть,

Дабы спокойнѣе въпорочно умереть;
Но таинственна цѣпь, какъ змій, вокругъ
лежала,

И въ заключеніи преступниковъ держала!...

Являются еще прелестны тѣни имъ;
Коснутся ихъ уснамъ, и превратятся въ
дымъ;

Такъ вѣчный терпишь холодъ угрюмая из-
мѣна;

Мучительъ вокругъ себя кровавы зришь зна-
мена,

Трепещущи тѣла, мечи, оковы, гладъ,
Которы отъ него скрываютъ Божій градъ;
Такъ страхъ смиренію кичливыхъ тѣни
учишь,

Прошедшее Царей и будущее мучишь.....

Сколько сильныхъ стиховъ, которымъ по-
добныхъ у насъ нѣтъ! — Вотъ какъ Гомеръ
кратко и живо описываетъ явленіе зари:

Уже золотую дверь Аврора отворила,
И ризою небеса червленою покрывала.

По словамъ Гла. Современнаго На-
блюдающаго, у Хераскова совсѣмъ нѣтъ
стихотворныхъ сравненій:

Является Алей въ тѣни Казанскихъ стѣнъ:
Парящій такъ орелъ по воздуху высоко,
На птицъ трепещущихъ кидаетъ быстро
око,
И видя ихъ мятежъ, висящъ межъ облакъ,
ждетъ,
Куда удобнѣе направить свой полетъ.

кажется, это не дурно!! — Описаніе
для влюбленныхъ:

Уже дремучій лѣсъ являлся осѣщенъ,
Который терніемъ былъ прежде заросенъ,
Живущи дуги въ немъ и мраки исчезали.
Бефирамъ дерева гулянье отверзали;
И солнце, озлативъ лучемъ вершины и тѣ,
Казалось, взирать съ веселіемъ на ниспосланъ.
Мѣшался блескъ его съ зелеными листьями,
Какъ онъ мѣшается со влажными струями;
Сіяніе лучей, встрѣчаясь съ темнотою,
Блестало лунною одеждою златой. —
Пріемлетъ райскіе сія дубрава виды,
И свой приноситъ шронъ въ ту рошу сынъ.
Киприды!

Животвореніе, летая въ садѣ за нимъ,
Древамъ приносишь цвѣтъ *присутствіемъ*
своимъ;

Разсыпались вездѣ забавы и опрады,
Подъ тѣнью пляшущи представились Дриады;
На вѣтвяхъ соловьи Авроринъ всходъ поютъ;
Ключи прозрачныя въ долинахъ зланныхъ
бьютъ,

И въ мѣлкя они источники дѣлятся;
Наяды, ихъ струи свивая, веселятся;
И вѣтры нѣжныя играя во цвѣтахъ,
Благоуханіе разносятъ на крылахъ.

Тамъ всѣ пріятнѣйшей совокуплялись роды,
Которы прелести являютъ намъ при-
роды.

Какъ чистое стекло, влечется водный потокъ,
На днѣ вмѣщающій жемчугъ, златый песокъ;
И будто въ зеркалѣ вода изображаетъ
Все то, что берега крутые окружаетъ:
Зелены деревья сошедшись, вокругъ стоятъ,
Вѣтвины преклонивъ, въ источники глядятъ;
Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются;
Пригорки движущся, кустарники смѣются;
Источники въ правѣ журчащи говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностію
зрятъ и проч.

Это похоже на очарованный лѣсъ
Армиды! Я упомляю тебя, другъ
мой, выписками; но это дѣлаю для

ного именно, чтобы обратиться забывшихъ Хераскова къ чтенію его Поэмы, и увѣришь ихъ, что въ семь Писашель, есть мѣста, не уступающія достоинствомъ своимъ и опдѣлкою новѣйшимъ нашимъ Пѣснопѣвцамъ.

Къ лучшимъ описаніямъ можно отнести еще: изображеніе гордой Казани, вредъ коперою повержена плѣнная Россія (Спр. 82.) Каршины, представленныя Царицею Алею (Спр. 84.); садъ Сумбеки (Спр. 88); Ташара, удалившіеся съ береговъ Уфы (Спр. 107.); сраженіе Курбскаго съ Исканаромъ (Спр. 112). Волга, возбужденная Киреметомъ въ своемъ неистовствѣ (137 и 138 Спр.). — Но мы опять остановимся на такомъ мѣстѣ, которое обработано было многими знаменитѣйшими Пѣснопѣвцами, для того, что бы доставить читателю пріятное удовольствіе сравнивать нашего Пѣснопѣвца съ ними. — Я говорю объ описаніи Зноя, какъ одной изъ важнѣйшихъ препои, посланныхъ враждебными Силами противъ мужества Россіянъ, ра-

пугающихъ за Бога, Вѣру и свободу
 Отечества. Это мѣсто выпину я
 для тебя почти все: ты можешь
 вличить его съ описаніемъ Зноя
 же въ освобожденномъ Іерусалимѣ,
 столько прославляемомъ всѣми учеными
 критиками (*). Вотъ какъ Херасковъ на-
 чинаетъ описаніе Зноя, имѣвшаго спо-
 лажное вліяніе на движенія войскъ Рос-
 сійскихъ:

— — — Сокровенная опредѣлила власть
 Во искушеніе послати имъ напасть:

Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ
 злчныхъ,

И будто трубный гласъ возсталъ въ по-
 щерахъ мрачныхъ;

На холмахъ вѣтвыя склонили древеса;

Багровою ризою одѣлись небеса;

Лучи не въ облака, но въ нѣкій тусклъ скры-
 вались,

Спада пернатыхъ птицъ по воздуху звни-
 вались;

(*) Оно будетъ помѣщено въ одной изъ слѣ-
 дующихъ книжекъ.

Всплалъ згущенный прахъ, какъ туча опъ
 земли,
 И будто возгремѣлъ безъ молній громъ вдали;
 То вихри пламенны средь горъ вооружались,
 На въпренныхъ коняхъ ко войску прибли-
 жались.

Сии незримые и сильные враги,
 Напрягшись въ воздухъ *подобіемъ дуги*,
 Просперли крылія, знамена развѣваютъ,
 И съ шумомъ ихъ изъ рукъ *дженовеньемъ* вы-
 рываютъ,
 Сражался межъ собой, згущаютъ пыль во-
 кругъ;
 День ясный въ мрачну ночь переложился
 вдругъ.

Когда громада войскъ въ пригоркахъ изги-
 балась,
 Казалось, земля подъ ними колебалась;
 Срываетъ шлемы вихрь, извившись, копья
 рветъ,
 И разспилаясь вдаль, все движетъ, и реветъ;
 Какъ риза, распуспясь въ спремленіи су-
 ровомъ,
 Все войско прахомъ вкругъ объемлетъ, какъ
покровомъ,
 И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ;
 То воешь на горѣ, то съ прескомъ лѣсь
 валишь;

Людей лишаетъ силъ, коней лишаетъ мочи,
Дыханіе мертвишь, и ослѣпляетъ очи.

.

Свѣшило, дневное шогда въ моря скры-
валось,

И небо ризою червленной одѣвалось;
Возвысила чело дрожащая луна:
Серебрянымъ щипомъ казалася она;
Подъемлетъ къ небесамъ рога свои *высоки*,
Вмѣщаютъ глубоко луну рѣчные токи,
И чистымъ хрусталемъ между береговъ пе-
купъ;

Казалось, томный сонъ они въ спруяхъ
влекутъ.

Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла,
Но хладною росой земли не напаяла,
И сладкой влажности на деревья *не льетъ*,
Котора жизни имъ и силы придаетъ.

Вершины уклонивъ, споятъ зелены рощи;
Не можетъ оживлять луговъ прохлада
нощи;

Казалось, воздухъ спитъ, Зефиръ уснулъ
въ кустахъ,

И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
Благоуханіе долины *раслускаютъ*,
Но щещно питія небеснаго алкаютъ:

Прозрачность воздуха *приходитъ* въ гу-
стошу,

И съ мракомъ помную рождаеть *духоту*.
 Земля для воиновъ всегдашній одръ спокой-
 ной,

Теперь представилась для спящихъ *ложей*
 знойной;

Жестка права на ней, лице ея горить,
 Возлегишимъ сладкаго покоя не дарить;
 Томленіе главы ко сну на землю клонить,
 Но жаръ съ *естественныхъ* одровъ далеко
 гонить:

Тускъ зрится на цвѣтахъ, не хладная роса,
 И сводомъ огненнымъ казались небеса:

Въ полночные часы растѣнья увядають;
 И звѣзды, кажутся, на землю упадають;
 Лепашють дивные по воздуху, огни,
 Предзнаменующи и зной и жарки дни.

Томленный Царь, небесъ подъ раскален-
 нымъ сводомъ,

Хотѣлъ предупредить свѣтъ солнечный по-
 ходомъ.—

При утренней зарѣ гласъ трубный возгре-
 мѣлъ,

Воспали воины, и съ ними зной пошелъ.

Не вѣтры свѣжіе въ долинахъ *ловѣвають*,

Которы тихихъ дней предпечами бывають;

Едва лишь солнца лучъ на землю прогля-
 нуль,

Какъ печь разженная, палящимъ зноемъ
 дхнуль;

Цвѣты и дрѣвеса, росой не орошенны,
 Явились свѣжести и живости лишены;
 Небесные кони, *слѣщащи солнце влечь*,
 Казалось, хотяпъ вселенную зажечь,
 И воздухъ вкругъ земли, недвижимо стоя-
 щей,
 Едва не равенъ былъ водѣ, въ коплѣ кипя-
 щей;

Разжегся тамъ песокъ, и правы спали
 плѣть. —

Герои начали о буряхъ сожалѣть,
 Которы прежде ихъ толико упруждали,
 Но удручаемыхъ походомъ прохлаждали;
 Опъ солнечныхъ лучей, какъ будто опъ
 огня,

Ихъ шлемы распеклись и тяжкая броня;
 Какъ нѣкая рѣка, кругомъ издился пламень:
 Извлекши влажностъ *вонъ*, приводипъ зем-
 лю въ камень;

Палима воздухомъ, разсѣлася она,
 И вредныя въ землѣ *сварились* сѣмена;
 Тлепворные пары главы свомъ подъемлютъ,
 И поднебесный кругъ, какъ ризою, объемлютъ;
 Въ пучинѣ воздуха шуманы око зрипъ;
 Казалось, надъ главою небесный сводъ го-
 рипъ.

Змии, *глотаю* ядъ, изъ мрачныхъ норъ вы-
 ходяпъ,

Болѣзни, раны, страхъ и язвы производяпъ;

Извившись, какъ ручей, въ густой травѣ
шипятъ,

Бросаюся стрѣлой и грудь *насквозь* разятъ.
Не страхъ отъ сихъ змѣевъ Монарха сокру-
шаетъ,

Но то, что воинство рокъ лютый умень-
шаетъ.

Какъ будто острія сверкающихъ *ножей*,
Тамъ жалы видимы извившихся ужей;
Слѣды алкающей повсюду смерти видны:
Тамъ гады спрашныя, тамъ черныя ехидны;
Вода, огонь, земля Россіянамъ грозятъ,
И воздухъ, кажется, стрѣлами ихъ язвитъ.
Томленны жаждою, къ потокамъ прибѣга-
ютъ;

Піютъ, но воды ихъ употребу разжигаютъ,
И паче къ питію алкающихъ зовутъ;
Мушась въ рѣчныхъ, спруяхъ *лески*
съ правой плывутъ;

Журчащіе ключи, осокой заглушенны;
Въ зеленистый коверъ озера превращенны.
Казалось, съ небесъ, какъ дождь, падутъ огни;
Остановляются въ распутіяхъ кони,
Главы упали внизъ, колѣна ихъ прелещутъ,
И пѣну красную уста на землю мещутъ;
Какъ мѣхи, ребра ихъ, разширятся, дрожатъ;
Падутъ, и подъ ярмомъ безчувственныхъ
лежатъ.

.

Вѣщають, будто бы главы имѣя въ зноѣ,
И Кама и Сура на дно ушли рѣчное,
И пашь на пиниспыхъ одрахъ онѣ легли;
Но солнечны лучи сквозь воду грудь ихъ
жгли.

Отъ солнца воздухъ весь, отъ воздуха по-
шюки,

Отъ нихъ земля несла спраданія жестоки;
Другъ друга *думають* спихи истребишь,
Маль входяшь въ заговоръ Россіянъ погубишь.
Какъ съ нѣкимъ спадомъ ппиць, Царь съ
войскомъ подвизался;

Но прижды двигнувшись, онъ прижды пре-
пинался.

На высочайшую восходишь зло степенъ:
Мракъ вечеромъ поминъ, поминъ по упру-
тѣнь:

Нашура съ воздуха сняла свои покровы;
Ни тонки облака, ни вѣшвиспы дубровы,
Ни вѣпры пихіе, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ прохлаждать палящи небеса; —
И смерти рапники поскливой ожидаютъ;
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ!
Горшанъ изсякла ихъ, языкъ горѣлъ въ ус-
тахъ;

Дыханье огненно во рпу згушало прахъ;
Имъ скорби блѣдныя съ оправой предсто-
яли,

И яды тонкіе въ упробу изливали.

Тамъ смерть представилась въ свирѣпо-
сти своей, —

И тысячу она рождаетъ вдругъ смертей.

Не уполяется небесный гнѣвъ мольбами;

Хлѣбъ черствый Язва рветъ плетворными
зубами!

И горечь вредная по яствамъ разлилась;

У хлѣба вкусъ исчезъ и сыпнosity опнилась;

Ликнія влажная и попопы широки;

Теряють жидкія свои природныя соки.

Напрасно войны шу влагу доспають;

Сорвавъ кору съ деревей, кроваву пѣну
пьютъ,

И былія въ устахъ песками остаются;

Въ вершинахъ ищутъ воду: имъ воды не
даются.

Изображенное здѣсь препятствіе имѣ-
ло предъ собою другое: бурю, чудесно
возбужденную на рѣкѣ Волгѣ, и споль мно-
го причинившую вреда Морозову, плы-
вущему съ военными снарядами. Она опи-
сана очень хорошо; и такимъ образомъ чи-
сташель уже исполненъ сердечнаго уча-
стія къ Героямъ Опечесства, пре-
одолевающимъ всѣ гоненія силъ вражду-
ющихъ. Въ семь-шо движеніи своихъ чув-

сшвованій, вдругъ, непосредственно срѣ-
 шаешь еще новую препону! — Рос-
 сіяне спраждутъ не только на водѣ, но
 и на сушѣ! . . . Тлѣтворный Зной гу-
 бишь армию въ то время, какъ разъярен-
 ная стихія совершенно лишаетъ ихъ и
 послѣдней необходимой жизненной попреб-
 носпи, пищи! — Положеніе ужасное,
 другъ мой! — И по видимому, оно долж-
 но бы наполнишь душу раздирающимъ,
тяжко непріятнымъ чувсшвованіемъ: какъ
 можно чшпашъ двѣ препоны, слѣдующія
 одна за другою, и столь разрушитель-
 ныя? — Скажутъ спрогіе судіи изящна-
 го: сіи препоны должно бы разспавить,
 дабы каждая въ надлежащей мѣрѣ имѣла
 свое дѣйствіе на чшпашеля. И я въ
 ѡшомъ согласенъ; но съ сладкимъ удоволь-
 ствіемъ опспунаю опъ Гг. кришниковъ
 въ пользу Хераскова, видя, какъ онъ ис-
 кусно умѣлъ смягчить слишкомъ продол-
 женныя сцены печальныя. Чѣмъ услаж-
 дается ужасъ въ Трагедіи? — *Состра-*
даніемъ. Сіе-то очаровашельное чувсшво
 старался возбудить Пѣснопѣвецъ, дабы

картины свои сдѣлать эстетическими. Онъ не описывалъ только Зной; онъ изъ всего печальнаго приключенія сдѣлалъ Драмму: среди разительнаго описываемыхъ страданій воинства видишь ты, время отъ времени, Лице, сердечно раздѣляющее сіи страданія; — это Августѣйшее лице есть *Іоаннъ*, начало и душа великаго ополченія. — Такъ оживляется все описаніе, и дѣлается, по моему мнѣнію, однимъ изъ превосходнѣйшихъ во всѣхъ извѣстныхъ Поэмахъ. — Можетъ быть, я ошибаюсь, другъ мой; но оно мнѣ кажется лучше того, которое читаемъ мы въ освобожденномъ Іерусалимѣ. Тассъ, неподражаемый въ краскахъ и искусствѣ живописать, послѣ прелестнаго изображенія свирѣпствующаго зноя въ воздухѣ, на земли, на водахъ, представляеть намъ потчасъ предметы страданія, хотя и близкіе, но не столь сердечные, и такіе, которыя могутъ составлять болѣе принадлежности картины, но не сущность ея: — изсохшій источникъ Силуамской, коня, пса помянухся. Видѣнь

великой масперъ - живописецъ, знающій
 подводить все подъ одну почку зрѣнія;
 но, по моему мнѣнію, еще пріятнѣе для
 человѣка въ мученіи видѣть подлѣ себя
 съ дѣятельнымъ участіемъ существо къ
 нему ближайшее: человѣка, и еще болѣе,
 человѣка, споль много возвышеннаго надъ
 нимъ саномъ, могущесивомъ, власію;
 видѣть Царя своего, которъй, ошк-
 зывая себѣ, стараеця врачевать его
 душевныя и пѣлесныя муки. — Вещъ въ
 чемъ заключается шайная прелестъ сего
 описанія! — Въ представленіи общихъ
 подробностей Херасковъ, кажется, не
 уступаецтъ первымъ образцамъ своимъ,
 какъ подражашель. — Зноу предшество-
 вали необыкновенные, горячіе вихри, оспа-
 новляющіе походъ воинсшва:

Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ
 значныхъ

До спиха:

Дыханіе мершвишъ и ослѣпляецтъ очи.

Согласенъ съ тобою, что здѣсь мно-
 го переведеннаго изъ Тасса; но и шы со-

гласишься также, что есть хорошія черны, принадлежащія Авшору. — Сперва замѣтъ поспешность: — признаки необыкновеннаго измѣненія атмосферы: отдаленный шумъ, гулъ въ пещерахъ, печальные деревья, склонившія свои вѣтви; небеса, одѣянные синею ризою, спадающими, взвивающіися въ воздухѣ, и наконецъ прахъ, отъ земли возмешенный. — Это было предвѣстіе знойныхъ вихрей, приносящихъ съ собою не благодатныя тучи, но грозную засуху. . . . *Сии не зримые и сильные враги, вооружившись среди горъ, приближались къ войску на вѣтреныхъ коняхъ своихъ.* Изображеніе истинно стихотворное! — Они пришекли, и измѣнилась вся природа. Войско не имѣетъ силъ продолжати пуня своего. Вотъ первая часть, или вступленіе въ Драму: тотчасъ является на сцену Лице, для котораго спокойствіе поданныхъ болѣе значуще, нежели свое собственное:

Великій духомъ Царь, познавши гнѣвъ
небесъ,

И руки и глаза ко высотѣ вознесъ ;
Колеблемъ вихрями въ слезахъ вѣщаль : о
 Боже !

Иди враги Тебѣ своихъ рабовъ дороже ?
 Ты ужась положилъ въ ограду ихъ спра-
 намъ ;

Но все преодолють , оставъ Ты бодрость
 намъ ! ...

Умолкъ , и небесамъ пропивнымъ не явишься ,
 Велѣлъ межъ горъ крупныхъ полкамъ оспа-
 новишься ,

Перерывъ весьма удачной ! — Онъ
 удовлетворяешь шѣмъ требованіямъ опи-
 санія , о кошорыхъ я сказалъ въ на-
 чалѣ писъма сего. — При эпомъ случаѣ ,
 другъ мой , вспомнишь прекрасное мѣсто
 въ Генріадѣ , гдѣ добрый Царь по-
 могаешь буншующему пропивъ него горо-
 ду , кошорый помился въ ужасахъ глада.
 Такъ лучшіе Писатели подражаютъ другъ
 другу. Сладостно видѣшь , и сердоболіе
 Іоанна , и сіе благочестіе , всегда го-
 товое на всѣ испытанія , Всевышнимъ низ-
 посылаемыя ! — Сладостно видѣшь Царя ,
 подкрѣпляемаго въ то же время и друж-
 бою , кошорая столь рѣдка у Престоловъ !

Иоаннъ утѣщается въ несчастіи, опер-
 шись на рало Адашева! — — — Наспугу-
 наешь ночь: воинство надѣется воспользо-
 ваться ея прохладою; щещно! —
 Вихри утихли только на время; ночь не
 оживляетъ ни росой, ни прохладнымъ
 своимъ дыханіемъ упомленныхъ рапни-
 ковъ: воздухъ недвижимъ; зной не ума-
 ляется; все мертво, все предвѣщаетъ
 еще большіе ужасы: небеса, являющіеся
 огненнымъ сводомъ, лежающіе огни по воз-
 духу, тусклые звѣзды и пр. — Неупоминимый
 Царь хотѣлъ предупредить солнечный вос-
 ходъ; но зло днемъ еще болѣе усилилось. —
 Жаль, что въ этой части описанія
 встрѣчаются многія повторенія; однако
 есть такія подробности, которыя
 необходимы для полноты и блеска кар-
 пины: даже удивляешься, что ихъ не на-
 ходишь въ Тассѣ. — Сколько онѣ напу-
 ральны и хорошо выбраны! — Но я пре-
 доставляю тебѣ самому разобрать и
 опредѣлить достоинство каждаго стиха
 въ этомъ большемъ отрывкѣ; письмо мое
 и такъ уже очень велико, а пишу къ

тебѣ еще оспалось много. Повторимъ хотя одну картину на концѣ, которая, по моему мнѣнію, имѣетъ равное достоинство съ Тассовой: это описаніе коней, упомянутыхъ Зноемъ :

Остановляющся въ разпутьяхъ кони ;
Главы упали ницъ, колѣна ихъ препенущъ,
И пѣну красную уста на землю мещущъ ;
Какъ мѣхи, ребра ихъ разширися дрожащъ,
Падущъ, и подъ ярмомъ безчувственны ле-
жатъ.

Что можетъ быть представлено живѣе и естественнѣе?... Паки является участіе болѣзнующаго сердцемъ Государя! — Онъ, какъ овецъ, спарается избрать мѣсто, сколько-нибудь спасительное для милыхъ своихъ сотрудниковъ! — Не надобно бы, по моему мнѣнію, въ подобныхъ описаніяхъ, гдѣ натура сама по себѣ разительна, употреблять лица и эмблемы изъ Мифологии, ни Наядъ, ни Дріядъ! — За то изображеніе Камы и Суры ушедшихъ опъ зноя на дно свое, прекрасно!

Зло, низпосланное враждебными силами, наконецъ доспигло высочайшей степени.

Мракъ вечеромъ поминъ, поминъ по упру
пѣнь и проч.

Почти всѣ сѣи стихи прекрасны! — постепенность соблюдена и, кажется, воображенію чипапеля желать болѣе нечего. — Но искусство Пѣснопѣвца опять представляетъ намъ сцену. Послѣ всѣхъ ужасовъ, описанныхъ прежде, нѣтъ ничего приличнѣе, нѣтъ ничего прогашельнѣе, — какъ произшествіе двухъ добрыхъ воиновъ, которые хотѣли утолить жажду Царя своего изъ источника, нечаянно ими обрѣшеннаго.

Два воина пошли съ свѣтильникомъ въ
ночи ;

Въ ракиповомъ кусту имъ слышатся ключи,
Которы *будто бы* внутри земли журчали:
Се ! кладъ, безцѣнный кладъ ! идущіе вскри-
чали ,

И съ корнемъ въ мигъ они ракипникъ из-
влекли ;

Попроки чистые мгновенно пошекли.

Насытились они, не ключъ, что имъ явился,
 Какъ тонкая змѣя, между правой извилсяъ.
 Бѣжалъ, и вънутрь земли себѣ находилъ
 путь.

Но рапники воды успѣли почерпнуть;
 Ушелъ пошокъ опъ нихъ; водой наполнивъ
 шлемы,

Несли ее къ Царю, усердны, пики, нѣмы,
 Дабы, гдѣ равная снѣдается жажда всѣхъ,
 Опъ нужды, ревности не сдѣлалъ кто
 помѣхъ;

Печальнаго Царя опъ сѣни оппоргають;
 И воду свѣжую во шлемахъ предлагають.
 Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя из-
 влекъ,

О други! ихъ обнявъ, Монархъ заплакавъ,
 рекъ:

Или вы чаєте, что въ семь просѣпранномъ
 полѣ

Вашъ Царь слабѣе всѣхъ, и всѣхъ помнитъ
 болѣ?

Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой
 судьбѣ;

О спраждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ.

Не смотря на нѣкоторыя погрѣшности въ сихъ стихахъ, опъ чего они прогають сердце всякаго чувствительнаго чи-

пашеля? Въ чемъ заключается сія прелесть непоспѣжимая? Нужно ли отвѣчать на это? — И сыновняя заботливость добрыхъ подданныхъ, опказывающихъ самимъ себѣ въ первомъ средствѣ, поддержаши жизнь свою, и ихъ нѣжная, недовѣрчивая оспорожность, когда несли они къ Государю воды, и великодушіе Іоанна, который пакже оперекся отъ сего дара, столь искреннимъ усердіемъ ему подносимаго, — въ пользу немощныхъ своихъ рапниковъ: . . . Пѣснопѣвцы! вопшъ вамъ правило и образецъ, какъ выбираши подробности для спихотворныхъ вашихъ описаній! — Какъ прелестна простота послѣднихъ словъ Государя:

Пойдемъ, и опнесемъ напитокъ сей скорбящимъ,

Нещастнымъ рапникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ;

Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ миль. . . .

Пошелъ, — и войновъ скорбящихъ напоилъ. Какъ усладительно окончиваешъ Пошпъ все описаніе изображеніемъ Монарха, который

Книж. IX. Ж

Послѣднюю лѣтви часть съ рабами раз-
дѣлялъ!

.....

Не крылся Іоаннъ подѣ черну тѣнь дре-
весну ;

Пренебрегая зной , и люту казнѣ небесну ,
Томленный жаждою , и въ попѣ , и въ пыли ,
Въ срединѣ рапниковъ ложился на земли ;
Послѣдній пищу бралъ , но первый передѣ
войскомъ ,
Являлся духомъ твердѣ во подвигѣ герой-
скомъ !

Бунтъ , произшедшій по случаю
сихъ несчастій , между нѣкоторыми вои-
нами , взятъ изъ Тасса ; но Іоаннъ для
меня , другъ мой , въ этой части подвиговъ
горазде выше Готфреда . — Жаль , что
нѣтъ въ Россіадѣ той катастрофы ве-
ликолѣпной , которою оканчивается въ
Освобожденномъ Іерусалимѣ зной по волѣ
Всевышняго , умилощивленнаго вождемъ
Тероевъ ! Это весьма важной недо-
статокъ ! — Можетъ быть , Херасковъ
имѣлъ здѣсь другое намѣреніе : онъ хотѣлъ
предолжить испытанія Божіи надѣ Царемъ
Іоанномъ до самой высшей степени ; и по-

тому очамъ Его предстало въ ложную
 помощь *Безбожіе*; — натурально! несчастія
 смершнаго ведутъ сперва къ ропшанію,
 потомъ къ сомнѣнію въ промыслъ Божі-
 емъ, и наконецъ доводятъ до безвѣрія
 или безбожія. — — — Цѣль назидатель-
 на; но не знаю: не далеко ли уже это
 просперто для *Эпической Поэмы*? Надобно
 помнить, что аллегорія, какъ бы прекрасна
 по себѣ ни была, всё только фигура Ри-
 торическая. Что же въ ней вѣроятнаго,
 когда она продолжится, какъ здѣсь, без-
 прерывно въ двухъ цѣлыхъ Пѣсняхъ?...
 И я признаюсь еще откровенно, что не-
 запная и быстрая катастрофа въ Тассѣ
 нравится мнѣ несравненно болѣе.

Чтобы не упрекали меня и въ малѣй-
 шемъ невниманіи къ дарованіямъ Хераско-
 ва, напому еще тебѣ помѣщенное въ
 началѣ IXй Пѣсни описаніе возражда-
 ющейся Природы; — скорбь Адашева и
 воинства по отбытіи Царя изъ спана;
 и наконецъ извѣстное изображеніе чер-
 тоговъ Зимы въ XIIй Пѣсни. При мно-

Ж 2

гихъ стихотворныхъ подробностяхъ, сіе послѣднее имѣетъ многія неисправности противъ точности, несоотвѣстствія въ частяхъ картинъ и противорѣчія, дѣлающія его не напуральнымъ: погрѣшность, обыкновенно произтекающая отъ того, что мы рисуя, не можемъ и не умѣемъ остано-
 виться, или, какъ живописцы говорятъ, опстать отъ кисти. — Какое на пр. согласіе между картиною, представляющею Зиму на престолѣ, въ порфирѣ, (*бѣлѣйшей снѣговѣ !!!*) и въ виссовѣ, также изъ замерзлыхъ паровъ, и картиною, заключающеюся въ стихѣ: *и соки жизненны дресесныя сосетъ*? — Но для чего приводитъ всѣ несообразности отъ начала до конца? — Вообще сіе мѣсто сполько знакомо, что не имѣетъ нужды въ дальнѣйшемъ разборѣ. Довольно припомнить послѣдніе прекрасные стихи:

Ее со трепетомъ лѣса и роши ждуть,
 И спужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ пря-
 дуть;

На всю напуру сонъ и страхъ она наводитъ.
 Влекомъ зміями къ ней, Нигринъ къ ней
 въ царство входитъ. —

По моему мнѣнію, гораздо болѣе об-
работано послѣдствіе сей картины: по
время, когда Нигринъ съ морозами возвра-
щается къ Казани:

Преобразился вдругъ напуры тихій
чинъ;

Пришедый съ бурями во смутный градъ,
Нигринъ,

На стѣны съ мразами и спужою восходитъ,
Оковы съемлетъ съ нихъ, въ движеніе при-
водитъ;

На войски указанъ, стоящи за рѣкой,
Туда онъ гонихъ ихъ, и *машетъ* имъ рукой:
Летите! вопіетъ, на Россовъ дхните прямо!
Разсыпьте пашъ снѣга, развѣйте вихри
тамо! . . .

Онъ бури свободивъ, *вертится съ ними*
около (*).

Какъ птицы хищныя, спущенны съ пущель
вдругъ,

Поля воздушныя крилами раздѣляютъ,
На многи тучи птицъ паренье усpreмляютъ:
Съ *шумленіемъ* таковымъ оспавивъ томный
градъ,

Во синихъ облакахъ летящъ морозы, хладъ,

(*) О семъ волхвованіи Лѣтописатели тогдашнихъ
временъ согласно утверждаютъ. Прим. Ав.

И воздухъ льдистыми наполнился иглами.
 Россiянъ мерзлыми объемлетъ хладъ крилами;
 Поблекла тучная зеленостъ на лугахъ;
 Вода згущается *струями* въ берегахъ;
 Свирѣпая зима долины облегаесть,
 И грудь прижавъ къ землѣ, всю влажность
 выпягаесть;

У щедрой осени престоль она беретъ,
 И пухъ изъ облаковъ рукой дрожащей *третъ*,
 Мертвѣютъ *въ тѣни* лѣса кругомъ шумящи;
 Главы склонили внизъ цвѣты, поля красящи;
 Увяла сочная безвременно права.

Натура кажется заснувшая, не жива;
 Спада, тѣснимая необычайнымъ хладомъ,
 Въ единый жмутся кругъ, и погибаютъ
 голодомъ;

Крупились по льду вихрь, и началъ воз-
 духъ жать. —

Не могутъ ратники оружiя держасть;
 На снѣжныхъ мразъ крилахъ изъ облакъ
 вылетаетъ,
 Дхновеньемъ все мертвитъ, что солнца
 лучъ липаетъ.

Горящи храбросью, уже не ко спѣнамъ,
 Бѣгутъ среди шапровъ къ разложеннымъ
 огнямъ;

Но тамъ студеный вѣпръ возженный пла-
 мень тушитъ,
 И, кажется, союзъ стихiй повсюду рушитъ.

Не, грѣетъ огонь, вода рѣчная не течетъ,
И воздухъ и земля преобразились *въ ледъ*.
Спасенія себѣ Россіяне не чаютъ:

Смущенны на спѣнахъ Нигрина примѣ-
чаютъ,

Который вокругъ бойницъ съ Казанцами хо-
дилъ,

Руками движущій, морозы наводилъ.

Сіе Казанское лукавое злодѣйство,

Признали рапники за адско чародѣйство.

Вступивше въ знакъ вѣсовъ свѣпило зря они,

Далеко отъ себя *щитали* зимни дни;

Въ пропивны времена еспеспивенному чину,

Назначили зимѣ волшебную причину.

Нигринъ, который ихъ *тревожилъ* про-
должалъ,

Россіянь спужами и спрахомъ поражалъ.

Водруженіе Креста Господня среди поля,
по совѣту священнослужителей, спасаетъ
войско чудеснымъ образомъ отъ дѣйствій
адскаго волхвованія. — Сія незапная пе-
ремѣна гораздо удачнѣе той, которая слу-
чилась при укрощеніи зноя.

Довольно описаній, взяшихъ изъ при-
роды и ея чрезвычайныхъ измѣненій. —
Кажется, очевидно, что Херасковъ

принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ живописцевъ - Стихотворцевъ, и при томъ тѣхъ, которыя всѣ свои картины старались писать для назиданія въ нравственности. — Теперь открывается кровавое намъ поле битвъ великихъ !

. Bella, horrida bella,
Et Tibrim multo spumantem sanguine cerno !

Другая важная часть для кисти Стихотворца! Должно признаться, что сіе поле не столь богато для нашихъ замѣчаній, какъ предыдущее !

Мы уже о семъ предметѣ съ тобою говорили прежде: нѣтъ Героевъ Гомеровыхъ ! нѣтъ поспешности въ сраженіяхъ ! нѣтъ занимательныхъ единоборствій! — Битвы у Хераскова начинаются подъ самою Казанью. — И шакъ сперва припомнимъ описаніе сего города (П. Х. я 216.), который представился Россіянамъ въ третій день послѣ выхода ихъ изъ Свияжска ; вотъ Казань :

Сей градъ является великъ , прекрасенъ ,
славенъ ,

Обширностію стѣнъ едва Москвѣ не равенъ ,

Казанка быстрая отъ упренныхъ холмовъ,
 Въ водѣ являя градъ, печетъ среди луговъ;
 Отъ запада Булакъ выходитъ непроходный,
 И шиной заглушенъ, влечетъ источникъ
 водный.

Намура двѣ рѣки старалась вкупѣ свести,
 Бойница первая твердынь гдѣ градскихъ
 есть ;

Тѣня ногой Кабанъ , другою Арско поле,
 Подъемятся гора великая отполъ ;
 Не можешь дотянуть ее вершины взгляды.
 На пышной сей горѣ стоить въ полкруга
 градъ ;

Божницы гордыя , и царскіе чертоги ,
 Являють на своихъ вершинахъ лунны роги,
 Которыя своимъ символомъ чпишь Казань;
 Но имъ она сулишь не миръ, кроваву брань.

Это описаніе столь же вѣрно , какъ описанія въ Гомерѣ и Тассѣ тѣхъ городовъ и мѣстоположеній , которыя избирали они театромъ великихъ произшествій. — Разпредѣленіе войска по начальникамъ самое обыкновенное : мы уже прежде говорили , что всѣ характеры не оплечены надлежащимъ образомъ. Начинается осада : воинство , по воздвиженіи

Святой Хоругви, приближается къ стѣнамъ Казани, которая сохраняла глубокое молчаніе. — Она зрѣлась воинамъ,

Какъ улій пчель,
Который, межъ цвѣтовъ стоящій, запусѣлъ.

Но вскорѣ,
И вдругъ запрепешавъ, изрыгнулъ войска
градъ.

Первая вылазка изъ города смѣшала все воинство Россійское; непріатели раздѣлили его на часпи, и произвели великое кровопролитіе. — Это конечно надлежало произойти отъ неоспорожности Провскаго и Троекурова. — Враждебный предводитель былъ въ семь дѣлъ какой-то Озмаръ, сраженный наконецъ Троекуровымъ. — Съ нашей стороны пораженъ Озмаромъ какой-то Русинскій. — — Скажи, мой другъ, что здѣсь занимательнаго? Осада, не оспорожно разположенная; вылазка обыкновенная; Герои, въ которыхъ я не беру никакого участія; ибо ихъ не знаю: что мнѣ во всемъ этомъ дѣлѣ? ... Тронуть ли меня сіи общія черты, принад-

лежащія равно всякому большому и малому сраженію :

Опьемлеть злой *Озмарь* супруга у
супруги ;

Возплачуть опъ него и матери , и други !

Все это сраженіе похоже просто на передовыя нынѣшнія сшибки , и то у Рускихъ съ Турками , а не съ Французами. — Гдѣ Гомеровы сраженія ? гдѣ Гомеровы Герои ? — Херасковъ, кажешся , выпустилъ изъ виду главное правило для всѣхъ Спихотворцовъ - описателей : — представлять *важные предметы отдѣльно*; ибо душа наша можетъ принимать участіе только въ *одномъ* оплеченномъ предметѣ, или *двухъ*, представленныхъ въ противоположеніи. Что пойму я изъ описанія двухъ армій , дѣйствующихъ въ величайшемъ ожесточеніи ? — Это дѣло полководца, а не мое ! тысячи движеній , тысячи оборотовъ , громъ , стрѣлы , пищали , крики , спонъ и пр. . . . Теряешся воображеніе ! — и сердце пусто ! — Ежели у Гомера и Тасса пред-

составляются общія сраженія, то всегда составляют не основу картины, но ея принадлежности: главные лица всегда впереди; вниманіе читателя сосредоточено, и сцена никогда не выходитъ изъ виду. —

И человечество забыли человеки.

Лишь только умерщвлять на мысли нѣтъ
иного!

Окровавились лазоревы поля.

Что мнѣ во всемъ этомъ? — Я ищу характера сраженій, особенностей его, произходящихъ отъ особенной силы, или благоразумія полководца, или отъ новости въ дѣйствіяхъ, или даже отъ случая. — На сраженіи бьютъ другъ друга: это не новое! — — —

Глупые Казанцы наконецъ бросились въ городъ; еще глупѣйшая стража городская замкнула ворота: бѣдняки принуждены были преклонить колѣна предъ Русскими. — Кому здѣсь слава? — кто про-

игралъ , кто выигралъ ? кому удивлять-
ся?

Ночь. — Снова вылазка ! — Четыре
славные Випязя выходятъ изъ Казани ,
мстить Россіянамъ ; за что ? — не
знаю. — Эти Господа Випязи, видно, не
похожи на единоплеменника своего Ар-
танша, который хотѣлъ, чтобъ свидѣше-
лемъ подвиговъ его былъ день , а не
ночь. — Цѣлую ночь *бились четверо —*
свѣ дуля ; — Чтожь опять заниматель-
наго, эпическаго?... Сила измѣряется, когда
одинъ ратуетъ съ однимъ ; тогда зри-
тель даетъ цѣну обоимъ крѣпости и про-
ворству ; тогда рождаются описаніе ихъ
искусныхъ оборотовъ и движеній. Здѣсь
для меня такая же ночь , какъ и та , въ
которую вздумалось имъ драться. —
Кончилось тѣмъ , что Князь Палецкой,
по опрометчивости своей , попалъ въ
плѣнь ! Сдѣлаемъ еще замѣчаніе ,
что общія сраженія никакъ не удобны для
описаній : онѣ, или необъемлемы для во-
ображенія въ цѣломъ , или по необходи-

мости однообразны! — — Вошь чего избѣгали лучше Пѣснопѣвцы. — Херасковъ не слѣдовалъ имъ, и опъ того у него во всѣхъ бипвахъ одно и то же.

Но вопль начало общающее: одна-
дцатая Пѣснь начинается, подобно одной
Гомеровой. — Юлисеръ въ предвѣстіе
страшной битвы наступающаго дня, ни-
спустилъ надъ войскомъ кровавое облако.

Багровый солнце лучь бросало въ небеса ;
Явилась на цвѣтахъ румяная роса ;
Кровавая земля туманы испустила :
Обоимъ воинспвамъ бой смертный возвѣ-
спила ;
Тамъ шлопотъ опъ коней , тамъ тяжкій
млатъ спучить ;
Желѣзо движется , и мѣдь сама звучить .

Не бойся, другъ мой, опять то же, и еще
меньше! вошь тебѣ простая газетная реля-
ція: Ташара *высыпали* изъ города, прогнали-
было Рускихъ до самыхъ шапровъ; но
къ счастью, успѣли къ нимъ на по-
мощь Муромскіе Дворяне, и озорники
опять *убѣжали* въ городъ. Но въ сей

Пѣсни есть замѣчательная исторія пѣна
 Князя Палецкаго, которую можно про-
 чести съ особеннымъ удовольствіемъ. —
 Приготовлень раскатъ; шурами обнесе-
 ны твердыни города. — Вотъ бы богат-
 ство для Поэзіи! И особенность оружій,
 и способъ ихъ употребленія, и противо-
 дѣйствующія имъ средства: все золото
 для Поэта! — Сколько показалъ Тассъ
 прелестей въ описаніи сихъ орудій! У
 него составлены изъ этого двѣ Пѣсни; у
 Хераскова все описано въ десяти сти-
 хахъ! . . .

Новая вылазка. — Ты, привыкшій къ
 сраженіямъ Гомера и другихъ Епическихъ
 Стихотворцевъ, прервешь меня, и спро-
 сишь: вѣрно здѣсь, и новые Герои, и силь-
 нѣйшіе прежде представленныхъ? —
 Нѣтъ! тѣ же — и опять почти также:
 трое на трое; это наѣздники наши Ка-
 зацкіе противъ Горцовъ, показывающіе
 свое удалство предъ наступающею би-
 вою, и окончивающіе также, какъ и они,
 то есть, ничемъ! — Кто же эти удалъ-

цы ? Первые предводители арміи: Мстиславскій , Курбскій , Палецкій , испросившіе позволеніе у Государя съ такимъ условіемъ , что, естли пропивная сторона побѣдитъ , то край Московской будетъ истребленъ. — Важное дѣло ! — Вопъ его описаніе : они спекаются , и , какъ обыкновенно при такихъ случаяхъ ,

Земля дрожитъ и небо пмится;
 Подобенъ бурному приливу шумныхъ водъ,
 Спекается уже съ обѣихъ странъ народъ;
 Но камень будто бы въ рѣку изъ рукъ па-
 дущій,
 Изъ точки дѣлаетъ всечасно кругъ распущій;
 Противоборники мечи изпоргнувъ вдругъ,
 Такъ двигали народъ изъ круга въ большій
 кругъ.

Потомъ враждующіе Герои въ гордости
 взывали къ Рускимъ : *готовьтесь казнь
 пріять , и*

. . . . Съ симъ словомъ , какъ орель ,
 На Палецкаго (Гидромиръ) мечъ изпоргнувъ,
 полетѣлъ ,
 Съ Бразиномъ копьями Мстиславскій Князь
 сразился ,

Мечъ Курбскаго во щипъ Мирседа содру-
зился ;

Весь воздухъ возшумѣлъ, и битва началась...
Сражаются, но кровь не скоро пролилась.
Мстиславскій на врага, какъ молнии, ки-
дается :

То съ лѣвыя сѣраны, то съ правой напа-
даетъ ;

Но будто камень онъ орудіемъ бьетъ ;

Уже разитъ копьемъ Бразина успааетъ ;

Вопще ласкается побѣдою и миромъ.

Схватился Палецкій съ свирѣлымъ Гидро-
миромъ ;

Кони споткнулися, упали шлемы съ нихъ ;

Закрыли ихъ щипы главы у обоихъ ;

Склоненные къ землѣ еще они біются ;

Воспрянувъ сдвигнулись ; удары раздаются ;

Спираясь при чепы, изображаютъ кругъ ,

То въ грудь сложатся, то раздадутся вдругъ :

Отвсюду зрится смерть, отвсюду и побѣда.

Князь Курбскій копьемъ ударилъ въ грудь
Мирседа ;

Щитомъ себя Мирседъ закрыть не ускорилъ,

Взревѣлъ, и тѣломъ онъ хребетъ коня по-
крылъ.

Рамида въ оный часъ со стѣнъ на брань
взглянула ,

И видя во крови Мирседа, воздохнула ! —

Къ Мирседу паче всѣхъ склонна была она.

Книж. IX.

3

Забыла, что сама въ чело поражена;
 Мгновенно въ сердце къ ней Мирседовъ спон
 преходитъ,

И въ духѣ пламенномъ опущенье произво
 дитъ;

Россійскихъ рапниковъ мечемъ своимъ съчесть,
 И кляпву разорвавъ, на помощь къ нремъ
 печетъ.

И такъ опять общая битва, и обыкновенное
 общее описаніе! — Всѣ Виписи исчезли изъ
 глазъ чипапеля; Рамида (нарушившая усло-
 vie), и любовникъ ея Бразинъ зажигають
 придвинушой раскашъ къ спѣнамъ; гдѣ
 же эпошъ раскашъ былъ, и какъ онъ могъ
 бытъ при столь сильной вылазкѣ? —
 Все это, кажется, нестройное подра-
 жаніе Тассу! — Муромскіе дворяне кучей
 борются съ однимъ Гидромиромъ, и оп-
 нимають честь у Курбскаго, который
 напрасно кричалъ, чтобы, храня рыцар-
 скіе обычаи, дали ему одному сражаться
 съ симъ-спрашнымъ Героемъ. Тупъ-по
 успѣлъ онъ поранить Гидромира въ пахъ
 мечемъ. И тогда,

Разсвирѣпѣвъ злодѣй, болѣнію не внемлетъ,
 Какъ мачту, палицу тяжелую поддеваетъ;

И Муромскихъ дворянъ, и Курбскаго разить :
 Тамъ шлемы сукрушилъ, тамъ лапы, тамо
 щилъ.

Какъ дикій вепрь , въ чело спрѣлою уяз-
 вленный ,

Такъ мечется вездѣ сей Витязъ разъяренный.
 Князь Курбскій въ грудь его пускаешъ копье;
 Онъ палицей отбилъ оружіе сіе ;
 Дворяне пучу спрѣлъ въ Ордынца напра-
 ляютъ ;

Пускаютъ, но его еще не уязвляютъ ;
 Во пвердую броню одѣянъ былъ злодѣй ;
 Но кровь пекущая изъ раны, какъ ручей ,
 Ослабила его не человѣчьи мочи ;
 Онъ тяжко обращаеъ померклы началъ очи,
 Едва и палицу изъ рукъ не опустилъ ;
 Шатнулся , и коня ко граду обратилъ.

За нимъ юный Курбскій ; но тогда :
 Вдругъ пуля, засвиславъ со стѣнъ мяшежна
 града,

Младому рыцарю ударила въ грудь,
 Врагу очистила, ему пресѣкла путь.

За Бразиномъ знался Микулинской, и
 никакже, по случаю, ничего не сдѣлалъ. Не
 правда ли , другъ мой , что это не бип-
 вы , а игры гимнастическія ? . . . Тамъ
 и кончилось.

Царь Казанскій вымыслилъ сдѣланіе засаду за горою, находящеюся въ прехъ поприщахъ оу града. — Семь дней жестоко беспокоили изъ оной Татара ставъ Россійской. Хилковъ съ ошрядомъ воинства выгналъ непріятелей изъ сего неуриспущнаго мѣста. Описаніе сего дѣйствія такъ же не имѣетъ ничего особеннаго; и такъ оставлю его. Рускіе приближались къ стѣнамъ града; учреждается подкопъ, исправленный послѣ извѣстнаго уже тебѣ волхвованія. — Вотъ описаніе чудесъ, предвѣщающихъ близкую гибель Казани; оно прекрасно:

Въ то время звѣздныя открылись небеса,
Являя на земли различны чудеса:

Виѣ града слышались Казанскихъ стѣнъ
споны;

Внимались во стѣнахъ церквей Россійскихъ
звоны;

Остановилося печенье звѣздъ,
Просперлась лѣствица къ землѣ оу гор-
нихъ мѣстъ:

Небесны жители на землю низходили,
И Россамъ вѣрную побѣду подтвердили.
Надъ градомъ облако багровое лежишь;

Вздыхаютъ горы тамъ, изданіе дрожитъ;
Тамъ жены горькихъ слезъ не знаютъ упо-
ленья.

Вѣщаютъ близкій рокъ, полъ страшныя
явленья!

Съ упромъ начинается послѣднее
усиліе Іоанна.

Военныя трубы во спанѣ возгремѣли;
Казанцы робкіе на брань дерзнуть не смѣли;
Но, видя *молніи оружія* подъ спѣной,
Весь градъ, спѣсняемый осадой и войной,
Казанцовъ Едигерь на спѣны призываетъ.
Опчаянье плодомъ жестокости бываетъ!

Опрыгнувъ *подлую* Россіянамъ хулу,
Готовящъ на спѣнахъ кипящую смолу,
Гортани мѣдныя, рыгающія пламень,
Горящи углія, песокъ, разженный камень.
Блистающъ тучи спрѣлъ Россіанъ отпра-
жащъ;

Но можешьли ихъ громъ и пламень удер-
жащъ!

Какъ будто посреди цвѣтовъ въ глухой пу-
стынѣ,

Россійскія полки подвиглись въ спройномъ
чинѣ.

Что солнечны лучи, доспѣхи ихъ горятъ;
Казалось, то орлы противу тучъ парятъ:

Се! воздухъ пѣніе свѣтое наполняетъ!

Самъ, Богъ! самъ Богъ! съ небесъ идущихъ
осѣняетъ,

И лаврами побѣдъ благословляетъ ихъ!

Остановился вѣспрь, и шумъ рѣчный утихъ;

Повсюду теплое внимается моление.

Во градъ слышанъ спонъ, вѣ града — уми-
ление!

Въ снѣгахъ гремѣщій звукъ тревогу воз-
трубилъ,

Но онъ *пронзительнымъ* подобенъ звонамъ
былъ;

Унывыи внемлются тамъ гласы мусикійски;

Благоговѣніе *бодритъ* полки Россійски;

За вѣру и народъ грядущъ ополченъ,

Со псалмопѣніемъ Священные чины;

Святою воинство водою окропляютъ,

И храбрости *огни* во рапникахъ пылаютъ.

Какъ солнце, *зримое въ живительномъ огнѣ*,

Такъ войску Царь предспаль, сидящій на
конѣ.

Онъ взоромъ нову жизнь Россіянамъ прино-
ситъ,

Господней помощи сражающимся проситъ:

О Боже! вопіетъ, вѣнчаемый Тобой,

Мамая сокрушилъ Димитрій предокъ мой;

У Невскихъ береговъ Тобой поправны Шве-
ды;

Тамъ храбрый Александръ пріять вѣнецъ
побѣды.

Коль благо мы Твое умѣли заслужить,
Дай помощь намъ Казань, о Боже! низложи;
жизнь;

Вели поржеспвовать Твоей Святыни
дому

Онъ рекъ; слова его подобны были грому,
Которыя въ сердцахъ Россійскихъ разда-
лись, —

И стѣны гордыя Казани потряслись.
Се! войска слышанъ гласъ, какъ нѣкій шумъ
дубровы:

Пролипи нашу кровь за Вѣру мы гошновы!
Пронесся тихій шумъ, настала тишина;
Такъ вышедъ на берега, смиряется волна.

Это все благородно и величественно!
въ роковую минушу Пресвитеръ,
соверщающій божественную литургію,
произноситъ:

О боже! поддержи, спаси, прославь Рос-
сію!

И Богъ къ нему простеръ десницу отъ
небесъ.

Едва сей важный стихъ Пресвитеръ про-
изнесъ:

„Единый пастырь днесъ — единая будетъ стада“

Разрушились вдругъ подъ градомъ *связи ада*;
Поколебались и горы и поля;

Ударилъ страшный громъ, вспрыгнула вверхъ
земля;

Трепещеть, зыблется, воздушный *кругъ*
згущается;

Казалось, міръ въ хаосъ Создатель пре-
вращаетъ;

Разверзлась мрачна хлябь, изходитъ дымъ
съ огнемъ;

При ясномъ небеси не видно солнца днемъ.

Читатель желалъ бы съ непрерывно-
стию дальнѣйшаго описанія сего страш-
наго дѣйствія: но, признаюсь, оно не
соотвѣтствуетъ своему началу. — Сдѣ-
ланъ въ стѣнѣ проломъ; вторгаются
Россіяне въ городъ. — Страшная сѣча. —
Описаніе сихъ ужасовъ составляетъ са-
мую большую часть сей Пѣсни. — Есть
подробности довольно стихотворныя,
живописныя, но всегда общія, и уже по-
вторенныя не одинъ разъ; ты самъ былъ
при шпурмахъ крѣпостей съ безсмерт-
нымъ Суворовымъ; ты лучше меня зна-

знаешь, и потому избавляю тебя отъ обширѣйшей выписки. — Съ своей стороны повторю еще только то, что таковыя картины весьма не удобны ни для живописца, ни для Поэта. Весь присупъ — стихотворныя газетны; смященіе, запальчивость, беспорядки, убійства, междоусобія и пр. — все шупъ есть; но вѣшъ опредѣленной почки (ибо и Государя при немъ не было), съ которой бы читатель могъ смотрѣшь на сіи ужасы, и обняшь ихъ. А потому, сколько бы подробности хороши ни были, онѣ не дѣйствуютъ надлежащимъ образомъ.

И такъ сдѣлаемъ общее заключеніе. *Первое*: что всѣ сіи сраженія? — это простыя *сшибки*, не имѣющія даже опредѣленной цѣли, случайно начинаемыя и случайно окончивающіяся; разумѣется, кромѣ послѣдняго рѣшительнаго приступа. Изъ сраженій Гомера, Виргилія, Тасса, изъ побѣдъ Александровыхъ, взятыхъ съ описаній Курція живописцы сдѣлали великолѣпныя картины, имѣющія

два необходимы свои свойства: *единство* и *надлежащую полноту*. Желалъ бы теперь, чшобы, хоща одинъ живописецъ нашель для себя предметъ въ сраженіяхъ Жераскова, по данному отъ него разположенію! И какъ представишь на одной и той же картинѣ *четверыхъ*, сражающихся *съ четверыми*, среди многочисленныхъ враждебныхъ армій, Героевъ, всегда однихъ *тѣхъ же*, или одного *съ цѣлымъ* *легиономъ Муромскихъ Дворянъ*, и при томъ сражающихся безъ послѣдствія, безъ конца? —

Второе: Должно ли представлять чешыре раза возобновляемыя битвы или сшибки, всѣ одинакимъ образомъ окончивающіяся? По моему мнѣнію, каждая битва, какъ и каждый Герой должны имѣть особенный свой *характеръ*, для того, чшобы быть занимательными.

Третье: Для возбужденія большаго участія, надобно бы, казалось, предувѣдомишь, кто, и каковы сии Герои? Сии отличительные признаки заимствующа отъ

ихъ рода, ошъ ихъ свойспвъ душевныхъ и тѣлесныхъ, ошъ образа ихъ дѣйствія, ошъ различнаго положенія, въ которое они поставлены Судьбою, или случаемъ, или порученіемъ вышней власпи. Ты видѣлъ, есть ли это различіе, составляющее ихъ личную особенность..

Четвертое: Наружность — важное дѣло. Надобно не забыть, какъ они являющся на сценѣ. Всѣ лучшіе Спихотворцы находили матеріаль въ описаніи даже ихъ уборовъ, ихъ вооруженія, украшеній, имъ свойственныхъ, даже въ описаніи ихъ паденія, ранъ, неудачъ и смерти, которая ихъ постигла. — У Хераскова не узнаешь, къ какому вѣку принадлежатъ его бипвы? — Оружія всѣхъ вѣковъ перемѣшаны: стрѣлы, пищали, шараны, ружья, пушки (ибо что разумѣшь иное подъ словами: молнія и громы, огненный градъ, какъ не пули (*)) — шуры,

(*) Вдругъ пуля засвиспавъ со стѣнъ мятежна града,
Младому рыцарю ударила въ грудь.

П. ХІ. стр. 236.

раскапы, подкопы? да къ тому же, ни одно изъ сихъ оружій не описано, не опредѣлено, какъ у другихъ Спихотворцовъ; а въ эщомъ — и въ образѣ сражаются, опносящемся ко времени, изъ коего взято происшествіе по истиннѣ могла бы заключиться вся прелестъ военныхъ описаній. По крайней мѣрѣ отличить бы должно было оружіе Казанцовъ и характеръ ихъ въ битвѣ опъ Россійскаго: не уже ли оба народа были тогда въ одинакой степени образованія?

Пятое наконецъ: По сердцу Патриота можно бы было искуснымъ образомъ, и припомъ не новымъ, — ибо, уже многіе предшественники Хераскова показали его — явить въ дѣйствіяхъ Героевъ перевѣсъ на сторонѣ отечественной. — И сего, къ сожалѣнію, не можешь ты найти въ Россіадѣ!

Вопъ главныя причины, почему не занимательны сіи военныя описанія! Впрочемъ, еще повпору, что Херасковъ

отличается вездѣ ровностію, чистотою, благородствомъ, стремительностію, гдѣ нужно, и часто силою слога. — Сія два послѣднія качества, особливо чувствительны въ его рѣчахъ, которыхъ весьма много; а изъ этого видно, что Пѣснопѣвецъ очень хорошо зналъ, сколь способы драматическіе необходимы для Эпопей. Не одинъ разъ прежде случалось мнѣ приводить для тебя его рѣчи, и потому почишаю излишнимъ дѣлать шеперь новыя выписки. Укажемъ нѣкоторыя мѣста: Рѣчь Св. Александра, укоряющаго Іоанна (П. I. стр. 8.); рѣчь Іоанна Вельможамъ (П. II. стр. 19) и ихъ отвѣты; Адашевъ (П. VII. стр. 127); рѣчь Палецкаго въ плѣну (П. XI. 227.) и пр.

Сердце почтеннаго Пѣснопѣвца исполнено было самою чистѣйшею, небесною нравственностію, которая, услаждаясь сама собою, хотѣла разпространяться на всѣхъ окружающихъ; и потому сочиненія его въ особенности изобилуютъ,

нравственными мыслями, весьма назидательными. — Всякому молодому человеку, который готовился быть честным гражданином, добрым сыном отечества, хорошим супругом, отцом, другом, верным Вѣрѣ и Богу, совѣшывалъ бы я любить и читать сочиненія Хераскова: — Онъ научишь изъ него здраво мыслишь, благородно чувствовать, чисто и благородно изъясняться. Не говоря о другихъ твореніяхъ сего знаменитаго Писателя, Россіада, какъ героическая Поэма, заключающая въ себѣ великое патріотическое дѣло, заслуживаетъ по всей справедливости того, чтобы ее молодые наши Поэты имѣли всегда подлѣ себя, и между любимыми своими книгами, какъ полезную для ума и сердца. Въ ней есть стихи, примѣры, мысли для Государей, для Вельможъ, для гражданъ, для щастливыхъ и несчастныхъ, для юношей и старцовъ, для добродѣтельныхъ и порочныхъ. Выписки сихъ стиховъ были бы безчисленны. Читай самъ, другъ мой, ищи

самъ ихъ, и чрезъ то наслаждайся вдвое. .
 Предо мною лежатъ разспрѣ оплчныхъ
 мѣстъ въ семъ опношеніи ; но я не хочу
 опнимать у тебя удовольствія, бывъ са-
 мому себѣ обязаннымъ. — Довольно для
 меня, естли я успѣлъ, хотя обратишь
 вниманіе твое на сіе твореніе, кажешься,
 немного уже забытое, по модной нашей
 привязанности къ новизнамъ. — Сверхъ
 того, говоря о Поэмѣ въ сихъ письмахъ,
 я нѣкоторымъ образомъ касался вообще
 самыхъ главныхъ и коренныхъ правилъ
 Поэзіи : можешь быть, ты найдешь ихъ
 полезными и — съ эпой споры. — Я не
 хотѣлъ брать на себя трудной роли рецен-
 зента ; мнѣ хотѣлось только удовлетво-
 рить твоему желанію и собственному
 чувству почтванія къ знаменитому Пѣсно-
 пѣвцу, котораго одни не читаютъ, а дру-
 гіе изъ нашей братіи Журналистовъ, какъ
 Гнъ. Совр. Наблюдатель, и хотятъ, чшобъ
 не читали. — Признаюсь тебѣ, что
 первое письмо твое ко мнѣ о разборѣ
 Поэмы Херасковой показалось поде-

зрительнымъ : я подумалъ , что и ты
держишься ихъ мнѣнія. Дѣло прошлое ;
бросимъ все : ошибался я , или нѣтъ ; въ
обоихъ случаяхъ , кажешься , доказалъ ,
сколько люблю тебя и пр.

Мрэлкѣ.

Октября 17.

1815 года.

Москва.

Конецъ IX книжки.

